

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HL 1QX0 0

A7
Bulatsel', P
Izslizdovaniia...

Rd. Dec. 1931

HARVARD LAW LIBRARY

Received MAR 4 1931

x ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О САМОВОЛЬНОЙ СМЕРТИ

Историческій очеркъ
философскихъ воззрѣній и законодательствъ о самоубійствѣ.

Л. Р. Булацель.

„Nullum est jam dictum quod non sit dictum
prius.“
(Terent. Eunnuch. Prol. 41.)

„Nous ne connaissons pas de questions plus grave
et plus complexe qui touchent à la nature de
l'homme que la question du suicide.“
(Desétange).

„L'étude du suicide touche aux grandes questions
sociales de notre époque, liberté, éducation, pauvre-
risme, travail, salaire, famille, propriété, avenir
des artisans, de la société.“
(Brierre de Boismont).

„Les conférences du philosophe Hégésippe sur
l'immortalité de l'âme impressionnent si vivement
ses auditeurs que beaucoup vont se tuer après
l'avoir entendu.“
(Legoyt).

„Молодой, здоровый, богатый и любимый Рим-
лянинъ Клеомбронъ прочитавъ разсужденіе Пла-
тона въ Федрѣ о безсмертіи души, убилъ себя
единственно изъ желанія скорѣе переселиться
въ лучшій безсмертный міръ.“
(Legoyt.)

Ревель, 1894.

Печатна Эстляндскаго Губернскаго Правленія.

МАР 4 1891

Дозволено цензурою. — Ревель, 27 Августа 1894 г.

✓

231

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О САМОВОЛЬНОЙ СМЕРТИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
ФИЛОСОФСКИХЪ ВОЗЗРѢНІЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЪ
О САМОУБИЙСТВѢ.

П. О. Булацель.

Посвящается З. В. ...

„Vivre — c'est mourir“, j'avais dit le jour
Où je compris mon amour desastreux;
„La terre est mon exil et le ciel mon séjour,
„La nature a un terme pour nous rendre heureux!“
Et je fis ce travail en mettant en ouvrage
Mes idées pessimistes sur ces pages.
*Recevez donc cet œuvre d'un jeune insensé
Au quel la vie est à charge et la mort recherchée.*

Письмо самоубійцы:

„Я иду впередъ къ моему небесному Отцу; я буду
„жаловаться Ему на то, что злые люди отняли тебя
„у меня и Онъ будетъ утѣшать меня, пока ты тоже
„не придѣшь. Я полечу тогда къ тебѣ на встрѣчу,
„я схвачу тебя и останусь съ тобою въ вол-
„нахъ небеснаго эфира предъ лицомъ Безконечнаго
„въ вѣчныхъ объятіяхъ.“ (Гёте.)

Введение.

Вертеръ никогда не дѣлалъ
тайны изъ своего намеренія по-
кинуть міръ. (Féte).

Едвали о какомъ нибудь другомъ предметѣ говорилось и писалось такъ много, какъ о самоубійствѣ. Если-бы собрать всѣ сочиненія, появившіяся въ печати въ Западной Европѣ, посвященные изученію этого вопроса, то составила-бы огромная и весьма интересная библіотека.

Многія изъ этихъ сочиненій, какъ, напримѣръ, Бриерра де Баумона «Du suicide et de la folie suicide» выдержали по нѣскольку изданій и при всемъ томъ вопросъ о самоубійствѣ не дѣлается избитымъ, исчерпаннымъ... Напротивъ того интересъ къ изученію этого грустнаго явленія человѣческаго общества растетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается склонность къ самоубійству. Данные статистики свидѣтельствуютъ, что количество самоубійствъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ возрастаетъ почти повсемѣстно съ неимоверною быстротою. Чѣмъ же объяснить такой ростъ? Можно-ли бороться съ этимъ зломъ? Можно-ли установить особенности современнаго

общественнаго строя, наиболѣе гибельно вліяющія на наклонность къ самовольному лишенію себя жизни? Какъ смотрѣли на самоубійство законодатели и мыслители у различныхъ народовъ? Вотъ вопросы, которые занимаютъ каждого, кто приступаетъ къ изслѣдованію этого грустнаго явленія въ исторіи человѣчества. Медицина, фізіологія, религія, философія, исторія, статистика и законовѣдѣніе даютъ намъ громадныя матерьялы для изученія вопроса о самоубійствѣ. Но скромный афоризмъ Теренція «*nullum est jam dictum quod non sit dictum prius*», выставленный нами въ началѣ этого сочиненія, свидѣтельствуетъ, что, предпринимая изданіе этого нашего изслѣдованія о самовольной смерти, мы были далеки отъ слишкомъ смѣлаго желанія произнести послѣднее слово науки по такому сложному и важному предмету, какъ вопросъ о самоубійствѣ. И при всемъ томъ мы не можемъ не отмѣтить того факта, что наша русская литература очень бѣдна сочиненіями на эту тему въ сравненіи съ литературой западной Европы.

Нисколько не заблуждаясь относительно недостатковъ и неполноты настоящаго нашего труда, мы всетаки утѣшаемъ себя сознаніемъ, что до сихъ поръ въ русской литературѣ еще не существовало историческаго изслѣдованія о самоубійствѣ съ точки зрѣнія философіи и законовѣдѣнія. Вотъ почему, предлагая на судъ читателей этотъ первый опытъ исторіи самоубійства, мы постарались расширить кругъ нашихъ читателей и для этого вмѣсто сжатаго историческаго очерка законодательствъ, пред-

ставляющаго интересъ только для юристовъ, мы внесли въ это сочиненіе о смерти болѣе живой элементъ, достойный вниманія даже не интересующихся юриспруденціею читателейъ.

Мы приводимъ не только законы, статьи, декреты и указы, каравшіе несчастныхъ самоубійцъ, мы не только излагаемъ взгляды философовъ, какъ осуждавшихъ, такъ и одобрявшихъ самоубійство, но мы на каждомъ шагу стараемся, описывая выдающіеся случаи историческихъ самоубійствъ, по возможности воскресить жизнь умершихъ поколѣній съ ея достоинствами и пороками, страстями и слабостями, героическими подвигами и заблужденіями, съ борьбою между самыми разнообразными чувствами, управляющими человѣческими поступками, съ ея стремленіями къ славѣ, къ правдѣ, къ вѣчному блаженству, съ ея мученіями оскорбленнаго самолюбія, отвергнутой любви, непризнаннаго таланта, утраченной свободы

Въ 1882 году въ Петербургѣ вышелъ въ свѣтъ опытъ статистическаго изслѣдованія Лихачева о самоубійствѣ въ западной Европѣ и въ Европейской Россіи. Въ этомъ чрезвычайно интересномъ трудѣ авторъ говоритъ о современномъ состояніи самоубійства, изучая его съ точки зрѣнія нравственной статистики. Исторія-же законодательства и религіозныхъ воззрѣній на самоубійство совсѣмъ не вошла въ содержаніе этой книги. Еще раньше, а именно въ 1859 году, въ Петербургѣ было издано сочиненіе врача Ольхина «о самоубійствѣ въ медицинскомъ отношеніи». Это сочиненіе, какъ показываетъ самое

заглавіе, посвящено изученію интересующаго насъ вопроса, какъ явленія психическаго организма, разсматриваемаго съ точки зрѣнія медицины. Въ началѣ книги Ольхина имѣется историческій очеркъ самоубійства, впрочемъ чрезвычайно краткій всего на 32 страницахъ. Болѣе обстоятельное изложеніе выдающихся случаевъ самоубійствъ всѣхъ эпохъ можно найти въ сочиненіи гр. Дзѣдушицкаго «Самоубійство». Сочиненіе это въ переводѣ на русскій языкъ издано въ Кіевѣ въ 1878 году. Въ немъ скомпилированы такъ-же философскія и религіозныя сужденія за и противъ самоубійства, изложенныя въ хронологическомъ порядкѣ. Къ сожалѣнію въ этомъ сочиненіи совсѣмъ не упоминается о Россіи и о древнихъ обывателяхъ сѣверной Европы.

Нѣсколько устарѣлое, но довольно обстоятельное изслѣдованіе о самоубійствѣ въ Россіи принадлежитъ Веселовскому (журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1847 г. кн. V). Затѣмъ можно еще упомянуть объ отдѣльныхъ небольшихъ монографіяхъ, разсматривающихъ, впрочемъ, самоубійство слишкомъ односторонне, каковы статья Пономарева о самоубійствѣ въ III т. сборника сочиненій по судебной медицинѣ изд. 1880 года; незначительная брошюрка 1889 г. профессора Казанскаго университета Гвоздева о самоубійствѣ съ соціальной и медицинской точекъ зрѣнія; монографія И. А. Неззорова «о самоубійствѣ», заключающая въ себѣ очень добросовѣстное изслѣдованіе о самоубійствѣ съ точки зрѣнія религіи и нравственности. Всѣми этими источниками мы пользовались поскольку въ

нихъ мы могли найти матеріалъ, относящійся къ намѣченной нами задачѣ изложить исторію законодательствъ и религіозныхъ воззрѣній на самоубійство. Само собою разумѣется, что эти источники оказались слишкомъ скудными, такъ что пришлось обратиться къ сочиненіямъ Германскихъ и Французскихъ писателей. У Ингофера въ его сочиненіи «Der Selbstmord» изд. 1886 г. въ Аугсбургѣ весьма подробно изложены различныя философскія воззрѣнія о самоубійствѣ съ нравственной и религіозной точекъ зрѣнія. Сужденія преп. Августина, Доне, Робекка и Юма цитируются нами по Ингоферу. Въ сочиненіи доктора Лизле «Du suicide statistique, medecine, histoire et législation» очень подробно изложено законодательство о самоубійствѣ въ Индіи, въ Греціи, Римѣ и во Франціи, но о другихъ странахъ Lisle почти совсѣмъ не упоминаетъ. Въ сочиненіи Legoit «Le suicide ancien et moderne» мы заимствовали многія свѣдѣнія о выдающихся случаяхъ самоубійствъ у различныхъ народовъ. Кромѣ того мы пользовались въ подлинникахъ сочиненіями Бриеппа де Буамона «Du suicide et de la folie suicide»; Desétangs «Suicide politique en France»; Oettingen: «Ueber akuten und chronischen Selbstmord», Руссо, Вольтера, Г-жи Сталь, Паскаля, Луи-Бертрана «Traité du suicide considéré dans ses rapports avec la philosophie, la théologie, la medecine et la jurisprudence изд. 1857 г.; Гёте, Шопенгауера, Пахмана, Таганцева, Кистяковского и др., ссылки на которыхъ сдѣланы въ своемъ мѣстѣ.

Мы хотѣли дать читателямъ доказательство того, что самоубійство, это зло, уносящее въ Европѣ съ каждымъ годомъ все больше и больше жертвъ, явленіе столь-же старое, какъ и міръ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, существуетъ и самовольная смерть. Исторія свидѣтельствуетъ намъ, что рядомъ съ немногими атеистами, рѣшившимися на самоубійство и съ многочисленными недостойными людьми, избѣгавшими правосудія посредствомъ самоубійства, отъ собственной руки погибло такъ-же великое множество выдающихся людей, умѣвшихъ любить и надѣяться, вѣровавшихъ въ загробную жизнь, отличавшихся гениальнымъ умомъ, талантами и добродѣтелями.

Громадное количество историческихъ фактовъ, собранныхъ въ нашемъ изслѣдованіи о самовольной смерти, служить доказательствомъ того, что самоубійства совершаются большею частью въ здоровомъ разсудкѣ и только въ исключительныхъ случаяхъ подъ вліяніемъ умопомѣшательства. Въ этомъ отношеніи почти на нашей сторонѣ стоятъ такіе авторитеты какъ докторъ Lisle, Debregne и Desétangs. Большинство-же писателей придерживается мнѣнія Brierre de Boismont и Legoyt, что большая часть самоубійцъ лишаетъ себя жизни въ состояніи душевнаго аффекта и что только очень немногіе самоубійцы вполне спокойно и сознательно дѣйствуютъ въ то время, когда прерываютъ нить своей жизни. Но есть и такіе писатели, которые подобно доктору Faret въ его сочиненіи «De l'hipochondrie et du suicide» Paris 1822 г. разсматриваютъ само-

убійство только съ медицинской точки зрѣнія и не признають, чтобы нормальный человѣкъ, могъ самовольно окончить свою жизнь. Мы не сочли-бы нужнымъ упомянуть о незначительной брошюрѣ профессора Гвоздева, если-бы въ ней онъ не высказалъ крайне несправедливаго сужденія, что всѣ самоубійцы безъ исключенія всегда были люди умопомѣшанные и что самоубійство иначе нельзя назвать какъ проявленіемъ умственной дѣятельности, достигшей послѣднихъ границъ своей ненормальности. Если-бы профессоръ Гвоздевъ былъ правъ, то пришлось-бы считать умопомѣшанными: погибшаго отъ самоубійства Ганибала, про котораго знаменитый нѣмецкій историкъ Момзенъ сказалъ, что онъ былъ гениальнѣйшимъ полководцемъ и государственнымъ мужемъ древняго міра; царя Митридата понтійскаго, передъ которымъ дрожали даже Римляне; Демосфена,Themistocles, уму и талантамъ которыхъ мы удивляемся до сихъ поръ.

Неужели-же Римскій Императоръ Оттонъ былъ умалишенный, когда за минуту до своего самоубійства давалъ свой знаменитый отвѣтъ воинамъ, уговаривавшимъ его вести ихъ въ битву противъ Вителія? Развѣ всѣ эти мыслители и ученые прошедшихъ вѣковъ Аристиппъ, Зенонъ, Бокцій-Нерва, Маркъ-Аврелій, Доне, Робекъ, Монтескье, Руссо, Гольбахъ, одобрявшіе самоубійство и даже санкціонировавшіе его своимъ примѣромъ, были сумасшедшими. А знаменитый химикъ и астрономъ, жившій въ XV вѣкѣ по Рожд. Хр., Іеронимъ Карданъ, уморившій себя голодомъ, съ одинаковымъ успѣхомъ

можетъ быть причисленъ къ сумасшедшимъ какъ и къ геніальнымъ людямъ, потому что его умъ и обширныя научныя познанія удивляли современниковъ. А. Графъ Saint-Simon, творецъ соціальной системы, выстрѣлившій себѣ въ глазъ изъ пистолета и спасенный отъ смерти усиліями медиковъ, доказалъ, что самоубійство иногда совершается не только при полномъ разсудкѣ, но и съ поразительномъ хладнокровіемъ. Сердце у Saint-Simon билось ровно, и даже пульсъ, по свидѣтельству доктора, не былъ у него ускоренъ, хотя онъ истекалъ кровью, послѣ только что совершеннаго покушенія на самоубійство. Послѣ этого Saint-Simon продолжалъ свои прежнія ученыя занятія и написалъ свое замѣчательное сочиненіе о соціалогіи; противъ его теорій правда, можно возразить весьма многое, можно даже порицать ихъ, но во всякомъ случаѣ труды Saint-Simon'a свидѣтельствуютъ о необычайной силѣ и ясности его ума.

Само собою разумѣется, что Фридрихъ Великій не былъ умалишеннымъ и что умственная его дѣятельность не доходила до крайнихъ предѣловъ ненормальности, хотя мысль о самоубійствѣ никогда не покидала этого великаго монарха и онъ постоянно носилъ съ собою склянку съ ядомъ.

Начавъ нашъ историческій обзоръ законодательства и философскихъ воззрѣній о самоубійствѣ съ самыхъ отдаленныхъ временъ человѣческой исторіи, мы заканчиваемъ его девятнадцатымъ вѣкомъ, причемъ еще разъ считаемъ нужнымъ оговориться,

что подробные статистическіе выводы о современномъ состояніи самоубійства въ Европѣ вовсе не входятъ въ предметъ настоящаго изслѣдованія, такъ же точно, описывая выдающіеся историческія случаи самоубійства мы почти совсѣмъ не касаемся послѣдней четверти нашего XIX вѣка, такъ какъ судить о причинахъ смерти, характерѣ и достоинствахъ даже такихъ выдающихся лицъ, какъ французскаго генерала Буланже, застрѣливагося въ 1891 году на могилѣ госпожи Бонемонъ, въ настоящее время намъ возможно лишь по газетнымъ свѣдѣніямъ, а эти свѣдѣнія далеко не всегда достовѣрны.

Самоубійство въ Древнемъ мірѣ.

„Всѣ живыя существа ищутъ счастья и избѣгаютъ страданій.“
(Аристиппъ.)

„И раскрылся Господь, что создавъ человека на землѣ и возскорбѣвъ въ сердцѣ Своемъ.“
(Книга Бытія гл. 6 стихъ 6).

Въ ту эпоху, когда выше всего ставилась личная храбрость, когда народы носили свое право и законодательство на остріѣ своего меча, когда съ утратою свободы человѣкъ терялъ всѣ человѣческія права, все что ему было дорого и мило, очагъ, семью и становился рабомъ, обреченнымъ влачить жалкое существованіе вдали отъ родины, тогда, понятно, только трусы предпочитатели рабскую жизнь добровольной смерти; но для храбраго не было колебаній: онъ спѣшилъ самоубійствомъ предупредить потерю свободы. Религія не препятствовала этимъ самоубійствамъ, напротивъ того религія древнихъ обитателей Европы Кельтовъ, учившая, что человѣческая душа безсмертна и способна къ переселеніямъ, одобряла рѣшимость окончивать жизнь самоубійствомъ, если свободѣ угрожала опасность. Въ древней Швеціи вошло въ обычай, что старики, не дожидаясь естественной смерти, бросались съ

Самоубійство у сѣверныхъ племенъ Европы.

высокихъ скалъ въ морскіе волны, полагая, что добровольная смерть похвальнѣе смерти отъ дряхлости *). Кельты вообще отличались презрѣніемъ къ земной жизни, что можно усмотрѣть, между прочимъ, изъ свидѣтельства Валерія Максима, утверждающаго, что рожденіе человѣка они сопровождали обрядомъ плача, а смерть встрѣчали съ пѣснями. Глубокое презрѣніе къ жизни было также отличительною чертою Галловъ, «это презрѣніе было вызвано убѣжденіемъ, что земная жизнь есть ни что иное, какъ только приготовленіе къ лучшей загробной жизни» **). Вообще у всѣхъ древнихъ народовъ сѣверной Европы самоубійства были очень уважаемы. Богъ Германцевъ «Одинъ» по ихъ преданіямъ самъ копьемъ лишилъ себя жизни, почувствовавъ приближеніе смерти. Въ царство этого божества допускались, по ихъ мнѣнію, только храбрые воины, павшіе на полѣ брани. Женщины же вообще не имѣли доступа въ Волгалу, но исключеніе существовало только для тѣхъ женъ, которыя лишили себя сами жизни послѣ смерти мужей. Такихъ же воззрѣній на самоубійство придерживались Датчане, Норманы, Эраки, Венеды, Герулы, Троглодиты и другіе сѣверныя племена. Дикіе свободолюбивые воины не только лишали самихъ себя жизни послѣ пораженія, чтобы не достаться въ руки враговъ, но и убивали своихъ женъ и дѣтей съ тою же цѣлью. Когда солдаты Римскаго полко-

*) Brierre de Boismont — Du suicide 2-ое изд. стр. 468.

**) См. Legoyt — Le suicide ancien et moderne стр. 6.

водца Марія вступили въ 104 г. до Рожд. Христ. въ лагерь Тевтоновъ послѣ побѣды надъ ними при Аквахъ Секстійскихъ, жены побѣжденныхъ Тевтоновъ встрѣтили Римлянъ съ оружіемъ въ рукахъ; онѣ душили своихъ дѣтей, бросали ихъ подъ колеса телѣгъ и потомъ убивали себя, чтобы неиспытать рабства. Тоже самое повторилось въ слѣдующемъ году, когда Марій разбилъ храбрыхъ Кимвровъ. Было-бы трудно перечислять многочисленные историческіе примѣры, когда не только отдѣльныя побѣжденные арміи, но цѣлые народы и города погибали отъ самоубійства, чтобы не достаться въ руки непріятелей. Жители города Сидона почти поголовно лишили себя жизни вслѣдствіи взятія Сидона Артаксерксомъ. Тоже самое случилось съ жителями города Тира, разрушеннаго Александромъ Великимъ, съ Ахейнами, побѣжденными Римскимъ полководцемъ Метелломъ. Такъ погибли почти всѣ жители возставшей Нуманціи, взятой Римлянами въ 133 г. до Рожд. Христ. Такъ при разрушеніи Барфагена погибли отъ самоубійства жена и дѣти сдавагося въ плѣнъ Римлянамъ полководца Гасдрубала, не желая слѣдовать его примѣру. Такъ умеръ Клеоменъ III съ своими спортанцами, чтобы не отдаться въ руки Филопатра Александрійскаго. Въ древней исторіи мы встрѣчаемъ множество примѣровъ, въ которыхъ видно предпочтеніе смерти безчестію, рабству и позору. Благородныя Македонскія дѣвицы предпочли броситься въ море и умереть въ волнахъ, чѣмъ согласиться на гнусныя предложенія Римскаго полководца.

Жители города Ксантаса почти всё лишили себя жизни, чтобы не сдаться побѣдителю Бруту.

Можно-ли удивляться, что многіе историческіе личности, какъ, на примѣръ, Аѳинскій ораторъ Изократъ, умертвившій себя, чтобы не подчиниться Филиппу Македонскому, Кипрскій царь Никаклъ, убившій себя, свою жену и дочь, чтобы не сдаться Птоломею, что цѣлые народы и города предпочитали добровольную смерть многолѣтнимъ неизбѣжнымъ мукамъ, тѣмъ болѣе, что смерть по ихъ мнѣнію была вѣчнымъ сномъ, или вѣрнымъ путемъ къ небесному блаженству?

Возрѣнія на самоубійство были однако не вполне одинаковы у всѣхъ древнихъ народовъ. Дикіе Массажеты по свидѣтельству Геродота, считали естественную смерть большимъ несчастіемъ и потому у нихъ было въ обычаѣ съѣдать стариковъ и старухъ, что-бы не дать имъ умереть позорною, несчастною смертью отъ старости.

**Самоубій-
ство
въ Индіи.**

Въ Индіи лишать себя жизни издавна считалось дѣломъ вполне обыкновеннымъ. Брамины принадлежащіе къ сектѣ нагихъ философовъ «гимнософистовъ» вѣрили, что смерть есть только превращеніе, перемѣна мѣста жительства и поэтому они съ поразительнымъ равнодушіемъ во всякое время готовы были лишить себя жизни. Изъ сочиненій Плутарха и Діодора Сицилійскаго извѣстно имя гимнософиста Балана, который сжегъ себя передъ Александромъ Великимъ*). Позднѣе другой послѣ-

*) Plutorque vie d'Alexandre: Brierre de Boismont «Du suicide et de la folie suicide» изд. 2-ое 1865 г. стр. 465.

дователь той же секты Зарменохегра сжегъ себя передъ Августомъ.

Въ Индіи существовалъ тысячелѣтній обычай сожигать живыхъ вдовъ вмѣстѣ съ умершими мужьями. Впрочемъ этотъ погребальный обрядъ, носившій болѣе характеръ принудительной смерти, чѣмъ добровольнаго самоубійства существовалъ и у славянскихъ языческихъ племенъ. Тысячи людей въ Индіи ежегодно лишали себя жизни, бросаясь подъ колеса идола Джагерната, такъ какъ жрецы Индейскіе брамины учили, что самоубійство пріятно сердитымъ божествамъ. Лизлъ въ своемъ сочиненіи о самоубійствѣ*) приводитъ многія мѣста изъ законовъ Ману, свидѣтельствующія, что религія Индіи одобряла самоубійство. По ученію Браминовъ, тѣло служить источникомъ всѣхъ страданій, оттого душа стремится освободиться изъ этой темницы и слиться съ Брамой; но прежде чѣмъ достигнуть блаженства, душа должна подвергнуться продолжительному странствованію и переселенію изъ одного предмета въ другой. Впрочемъ отъ человѣка зависитъ сократить время этихъ мучительныхъ странствій, если онъ будетъ изучать Веды и вести добродѣтельную, воздержанную жизнь (законы Ману кн. XII § 83). Когда отецъ семьи посѣдѣтъ и дождется рожденія внуковъ пусть онъ удалится въ лѣсъ (законъ Ману кн. VI § 2). Если, не смотря на старость и суровую аскетическую жизнь, смерть слишкомъ замедляетъ свой приходъ законы Ману

*) Lisle: Du suicide l'égislation стр. 317—320.

(кн. VI § 76—78) разрѣшаютъ и даже повѣляютъ ускорить посредствомъ самоубійства наступленіе столь давно ожидаемаго мгновенія. Даже въ настоящее время въ Дебанѣ Браминны еще продолжаютъ ежегодно подстрекать невѣжественную, слѣпо имъ преданную толпу, къ самоубійству; такъ что Англійское правительство должно было наконецъ принять энергичныя мѣры для прекращенія этихъ наущиваній. Въ горахъ между Нербудай и Тапти до сихъ поръ еще ежегодно происходитъ поразительное явленіе. Въ началѣ весны въ Кала Баирава во время религіозныхъ торжествъ ежегодно бросается въ пропасть нѣсколько человѣкъ, полагая этимъ заслужить вѣчное блаженство въ небесахъ.

Самоубій-
ство
въ Японіи.

Въ Японіи съ древнѣйшихъ временъ самоубійство проповѣдуются открыто, какъ актъ величайшей храбрости и мудрости. Почитатели Японскаго божества Амида садились въ пещеры, приказывали задѣлывать входы въ пещеры и спокойно умирали отъ голода, думая, что этимъ они дѣлаютъ величайшую радость чтимому ими божеству. Часто рѣшившійся на самоубійство произносить въ Японіи торжественныя публичныя рѣчи, въ которыхъ доказываетъ ничтожество міра и превозноситъ свою рѣшимость умереть. При наступленіи назначеннаго для самоубійства дня, собиралась толпа народа, какъ на праздникъ и послѣ пиршества самоубійца хладнокровно лишалъ себя жизни.

Даже до послѣдняго времени въ Японіи еще существовали фанатики, которые, собираясь по

нѣсколько человѣкъ, садятся въ лодку, выѣзжаютъ въ открытое море и просверливъ дыру въ днѣ, медленно и спокойно погружаются въ волны *).

Китайская религія проповѣдуетъ, что смерть Самоубій-
возстанавливаетъ первобытное благоденскіе души, из-
бавляя ея отъ земныхъ мученій и горя. Самоубій-
ство въ Китаѣ было очень распространено, тѣмъ
болѣе, что самъ великій Будда подалъ примѣръ
самоубійства, лишивъ себя жизни во время голода,
чтобы голодные могли питаться его мясомъ. Из-
вѣстно преданіе объ одновременномъ самоубійствѣ
пятисотъ философовъ послѣдователей Конфуція,
бросившихся въ море, чтобы не пережить гибели
своихъ священныхъ книгъ, сожженныхъ Императоромъ Хикоанъ-ти **).

ство въ
Китаѣ.

Въ Китаѣ, по свидѣтельству новѣйшихъ путешественниковъ, до сихъ поръ сохранился старинный обычай мести, заключающійся въ томъ, что обиженный распарываетъ себѣ животъ на порогѣ дома своего врага, или вѣшается на воротахъ обидчика.

Напротивъ того у Халдеевъ, Персовъ и Евреевъ самоубійства были крайне рѣдки.

Религія Персовъ, Финикіянъ, Ассирійцевъ и Самоубій-
Вавилонянъ не одобряла самоубійства, хотя Фини-
кійскому Богу Молоху и Ассиро-Вавилонскому Богу
Западной Азіи.

*) Ольхинъ «о самоубійствѣ въ медицинскомъ отношеніи» стр. 8.

**) Brierre de Boismont «Du suicide» стр. 466.

Ваалу приносились человѣческія жертвы для уми-
лостивленія гнѣвнаго божества.

Въ исторіи Вавилонянъ и Ассирійцевъ, мы
можемъ найти, только одинъ извѣстный случай са-
моубійства, это самоосожженіе Сарданапала. Пред-
видя свое скорое сверженіе съ престола, изнѣжен-
ный Сарданапаль рѣшилъ выказать мужество; онъ
велѣлъ на площади своего дворца сложить огром-
ный костеръ, украшенный различными драгоцен-
ностями. Въ серединѣ этого сооруженія находи-
лась просторная комната; въ ней были устроены
мягкія раззолоченныя ложа и накрыты пышные
столы, съ яствами и винами; въ комнату вошелъ
Сарданапаль съ своими прекраснѣйшими женами
и наложницами. Двери были заперты, такъ что-
бы никто не могъ выйти изъ этой чудной гроб-
ницы, обнесенной съ наружи высокимъ заборомъ.
Когда эта великолѣпная гробница была совсѣмъ
готова, вокругъ нея зажги костры и они горѣли
двѣ недѣли. Въ теченіи этого времени Сарданапаль
старался забыться въ оргіяхъ среди своихъ налож-
ницъ. Наконецъ огонь достигъ самой гробницы и вели-
колѣпное послѣднее убѣжище Сарданапала рухнуло
среди волнъ пламени, дыма и воплей несчастныхъ за-
творницъ, раздѣлявшихъ участь своего властелина.

Самоубій-
ство
у Евреевъ.

Евреи неодобряли самоубійства. Въ законодатель-
ствѣ ихъ правда не было опредѣлено никакихъ на-
казаній за самовольное лишеніе себя жизни. Но
въ I-ой книгѣ Моисея *) говорятся: «я взыщу и

*) «Бытіе» глава 9-ая стихъ 5.

«вашу кровь, въ которой жизнь ваша, взыщу ее отъ всякаго звѣря, взыщу такъ-же душу чело-вѣка отъ руки чело-вѣка, отъ руки брата его». У послѣдователей Талмуда за-спрещеніе самоубійства положительно выводится изъ только что приведен-наго мѣста книги «бытія» но, въ древнихъ священ-ныхъ книгахъ Евреевъ нѣтъ нигдѣ прямого запре-щенія самоубійства, если не считать заповѣдь «не убій». И тѣмъ не менѣе въ теченіи всей ихъ исторіи мы едва-ли можемъ найти болѣе десяти случаевъ самоубійства. Въ ветхозавѣтныхъ кни-гахъ мы находимъ впрочемъ примѣры самоубійствъ, не осуждаемыхъ духовными писателями, таковы: самоубійство Самсона, послѣдовавшее съ изволенія Бога, и самоубіство Разиса, желавшаго лучше доб-лестью умереть, чѣмъ достаться въ руки нечестив-цевъ. Самоубійство Самсона, впрочемъ является скорѣе актомъ самопожертвованія для отмщенія врагамъ своей родины, чѣмъ простымъ самоубій-ствомъ. Погребая себя подъ сводами зданія, кото-рое онъ разрушилъ, раздвинувъ своими мощными руками, подпиравшія своды колоны, Самсонъ похоро-нилъ подъ тѣми-же обломками и тысячи Фи-листимлянъ, чѣмъ избавлялъ своихъ соотечествен-никовъ отъ притѣснителей. О самоубійствѣ Саула, хотя и говорится въ книгѣ Паралипоменонъ, что «такъ умеръ онъ за то, что не послушалъ Господа и вопрошалъ волшебницу», однако нѣтъ основанія думать, что Богъ до конца прогнѣвался на своего помазанника и даже послѣ смерти отказалъ въ упо-коеніи его грѣшной души. Причину отсутствія

самоубійствъ у Евреевъ слѣдуетъ видѣть не столько въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, сколько въ особой привязанности къ земной жизни, привязанности, выказавшейся особенно наглядно въ томъ, что они отвергли даже Христа коль скоро узнали, что царство его не отъ міра сего. Алчные, сребролюбивые, склонные къ чувственности Евреи не были способны «къ презрѣнію жизни» и въ этомъ слѣдуетъ видѣть разгадку того явленія, что у нихъ самоубійства были очень рѣдки, хотя ихъ религія прямо не запрещала самоубійства, а смерть не должна была устрашать ихъ, такъ какъ за гробомъ ихъ ожидало лоно Авраамово. Привязанность же къ жизни породила и обычай хоронить самоубійцъ съ меньшею торжественностью, чѣмъ остальныхъ умершихъ, а именно самоубійцъ хоронили уже по заходѣ солнца, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Іосифъ Флавій *). Евреи были такъ проникнуты вѣрою въ промыселъ Божій, что не смотря на отсутствіе прямыхъ велѣній въ законѣ, запрещающихъ самоубійство, они полагали, что и душевныя и тѣлесныя страданія слѣдуетъ переносить безъ ропота, дабы за терпѣніе получить награду отъ Бога, подобно Іову.

Въ священныхъ книгахъ Евреевъ, правда, встрѣчаются рассказы о самоубійствѣ Саула, Самсона, Авимилеха, Замврія, Ахитофела, Елеазара и Разиса, но всѣ эти случаи являются лишь исклю-

*) De bello Jud III 8, 5.

ченіями и при томъ очень рѣдкими въ общемъ ходѣ исторіи Еврейскаго народа.

Греки въ древнѣйшій періодъ своей исторіи **Самоубій-** отличались привязанностью къ жизни, къ родинѣ, **ство** въ Греціи. къ свободѣ. О состояніи послѣ смерти они имѣли очень мрачныя понятія и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ героическій періодъ временъ Гомера Греки были далеки отъ всякаго стремленія къ самоубійству. Пастушеская жизнь, близость къ природѣ, мягкій климатъ, здоровье и довольство своимъ положеніемъ дѣлали Грека чуждымъ пессимистическаго воззрѣнія на жизнь. У Гомера въ Одиссее мы находимъ слѣдующія строки:

«О, Одиссей! утешенія въ смерти дать не надѣйся;

Лучше хотѣлъ бы живой, какъ поленщикъ,
работать въ полѣ;

Нежели здѣсь надъ мертвыми царствовать
мертвый».

Но Греки по природѣ своей не были трусами, поэтому не смотря на мрачныя краски, которыми ихъ поэты и легенды рисуютъ загробную жизнь, Греки не боялись смерти; они не были чужды презрѣнія къ смерти въ тѣхъ случаяхъ, когда это презрѣніе было необходимо для героическихъ поступковъ, которыми наполнена вся исторія Греціи. Но Греки довольные и здоровые были чужды презрѣнія къ жизни и въ этомъ слѣдуетъ видѣть причину, почему среди храбрыхъ Грековъ самоубійство было чрезвычайно рѣдкимъ явленіемъ. Способные на самопожертвованіе, т. е. способные презирать

смерть, Греки не были способны на самоубійство, т. е. на презрѣніе къ жизни. Смерть Аякса Великаго, пронзившаго себя своимъ мечемъ въ падкѣ гнѣва и ярости, обуявшихъ его по той причинѣ, что послѣ смерти Ахилеса доспѣхи послѣдняго были присуждены не ему, а Одиссею, смерть прекрасной поэтессы Сафо, сбросившейся съ Левкадійской скалы въ море, чтобы самоубійствомъ покончить съ невыносимою для нея мукою отринутой любви послѣ того, какъ всѣ старанія ея вернуть покинувшаго ея юношу Фаона оказались тщетными; наконецъ отдѣльные случаи самоубійствъ, о которыхъ повѣствуетъ намъ греческая мифологія, не измѣняютъ нисколько общаго положенія, выставленнаго нами выше, что у Грековъ самоубійство было явленіемъ крайне рѣдкимъ, при чемъ почти исключительно возникало на почвѣ неудовлетворенной любви или не желанія разстаться съ любимымъ лицомъ. Таково самоубійство Центавра красавицы Гилономы, которая во время битвы Центавровъ съ Лапитами, видя, какъ копье пробило грудь ея мужа прекраснаго Центавра Цилларуса, выхватила оружіе изъ его раны, бросилась на него и умерла, обнимая умершаго мужа. Таково самоубійство Филлиды, дочери Фракійскаго царя, которая, будучи покинута своимъ женихомъ Демофономъ, однимъ изъ героевъ Троянской войны, не перенесла разлуки и повѣсилась. Таково самоубійство Макарея, сына Эола; онъ безумно полюбилъ свою родную сестру Канаце и умертвилъ себя, послѣ того какъ узналъ о смерти сестры, доведен-

ной до самоубійства безжалостнымъ Эоломъ, приказавшимъ убить ихъ ребенка плодъ преступной любви брата и сестры. Таково самоубійство Карфагенской царицы Дидоны, сестры Тирскаго царя Пигмалюна. Она страстно полюбила Троянскаго авантюриста Энея, который тайкомъ скрылся отъ нея на своихъ корабляхъ и въ тоскѣ отвергнутой любви лишила себя жизни... Уже одна возможность легко перечислить всѣ историческіе и мифическіе случаи самоубійствъ въ Греціи указываетъ на то, что самоубійства были тамъ очень рѣдки. А изученіе законодательствъ греческихъ государствъ подтверждаетъ еще болѣе, что самоубійство считалось дѣломъ необыкновеннымъ, преступнымъ. По древнемъ аттическимъ законамъ рука, которая лишала самоубійцу жизни должна быть отрублена отъ тѣла и положена отдѣльно *). Въ Спартѣ и въ Оивахъ трупы самоубійцъ сожигали съ знаками презрѣнія. А въ Малой Азіи во Іонійской колоніи Милетѣ былъ изданъ законъ, по которому трупы повѣсившихся женщинъ волоклись голыми за городъ на тѣхъ же веревкахъ, на которыхъ эти женщины повѣсились. Въ нѣкоторыхъ-же Греческихъ городахъ существовалъ впрочемъ странный обычай, что желающій лишить себя жизни, долженъ былъ изложить мѣстной власти побуждающія его къ тому причины и просить у нея разрѣшенія, которое иногда, впрочемъ очень, рѣдко давалось **).

*) См. Lisle «Du suicide» — legislation — стр. 347.

**) Дзѣдушицкій — самоубійство стр. 12, изд. 1878 г.

Въ этомъ обычаѣ проглядываетъ убѣжденіе, что человекъ, какъ членъ извѣстнаго общества или государства не можетъ добровольно покинуть свой жизненный постъ безъ весьма важныхъ причинъ, признанныхъ уважительными представителями общественной власти. Кромѣ перечисленныхъ историческихъ, или вѣрнѣе мифическихъ, примѣровъ самоубійства въ древней Греціи слѣдуетъ замѣтить, что въ исторіи этого народа встрѣчаются случаи героическаго самопожертвованія своею жизнью на блага отечества или во имя торжества идеи.

Такъ знаменитый Спартанскій законодатель, Ликургъ, уѣзжая изъ Спарты, взялъ съ своихъ гражданъ клятву, что они будутъ свято, не нарушивъ сохранять его законы до тѣхъ поръ, пока онъ не вернется. Затѣмъ онъ отправился къ Оракулу и, получивъ отвѣтъ, что Спарта будетъ счастливою и прекрасною, могущественною страной доколѣ будетъ соблюдать его законы, Ликургъ, чтобы принудить соотечественниковъ не измѣнять данной ему клятвѣ, лишилъ себя жизни. Также точно поступилъ Харондъ. Желая, чтобы во время преній о государственныхъ вопросахъ споры не доходили до рукопашныхъ схватокъ, онъ уговорилъ гражданъ издать законъ, запрещающій входить съ оружіемъ въ собраніе; но однажды по разсѣянности онъ самъ вошелъ въ собраніе съ мечемъ и когда нѣкоторые упрекнули его въ томъ, что онъ нарушаетъ законъ, Харондъ, чтобы наказать себя и тѣмъ показать согражданамъ страшный примѣръ безкорыстнаго правосудія, пронзилъ себя тутъ-же

мечемъ. Не менѣ замѣчательно самопожертвованіе царя Аѣинскаго Кодра. Во время войны съ сосѣдями оракулъ предсказалъ, что побѣда будетъ на сторонѣ того народа, у котораго погибнетъ царь. Вѣруя въ предсказанія оракула, царь Кодръ, чтобы даровать своимъ гражданамъ побѣду, забрался переодѣтый во вражескій лагерь и, затѣявъ ссору съ солдатами, былъ ими убитъ. Устрашенные предсказаніемъ враги отступили, а Аѣиняне прославили память царя Кодра, обрѣкшаго себя на смерть ради блага родины.

Изъ знаменитыхъ историческихъ личностей можно еще указать на самоубійство Өемистокла, который, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, отравился, чтобы не вести Персовъ противъ своихъ соотечественниковъ, хотя исполненіе этого порученія Персидскаго царя обѣщало ему богатство, могущество и почести...

Противъ самоубійства высказывались и величайшіе философы древней Греціи. Такъ Пифагоръ около 508 г. до Рож. Христ. училъ, что человѣкъ поставленъ въ этомъ мірѣ Божествомъ, какъ солдатъ на часахъ и не смѣетъ сойти съ поста безъ соизволенія поставившаго его. Цицеронъ въ своемъ трактатѣ *de Senectute* XX гл. подробно приводитъ ученіе Пифагора. Оно существовало долго и почти повсемѣстно въ Греціи, потому что у Пифагора было множество учениковъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напримѣръ Селевктъ у Локровъ и Харондъ въ Италійскомъ городѣ Туринъ, сдѣлались

законодателями. Сторонникомъ этого же ученія былъ и Анаксагоръ, одинъ изъ выдающихся Іонійскихъ философовъ, учившій въ Аѣинахъ во время Перикла, что всѣмъ міромъ управляетъ одинъ высшій умъ *νοῦς*: что и послужило причиною того, что его приговорили къ смертной казни, какъ подрывающаго религію пантеизма. Отъ смертной казни Анаксагора спасло краснорѣчіе его друга Перикла, выхлопотавшаго ему замѣну этой казни вѣчнымъ изнаніемъ изъ Аѣинъ. Изгнанный Анаксагоръ часто говаривалъ съ гордостью: «не я лишился Аѣинъ, а Аѣины лишились меня» *).

Точно также осуждали самоубійство Сократъ, Платонъ, Ксенофонтъ и Аристотель. Сократъ, который въ 400 г. до Рожд. Хр. былъ осужденъ на смерть по той же причинѣ, какъ и Анаксагоръ, предпочелъ встрѣтить мужественно смерть, чѣмъ спастись бѣгствомъ изъ темницы и однако по свидѣтельству Платона, изложившаго въ своихъ діалогахъ основанія философіи Сократа, послѣдній исполнѣ раздѣлялъ взгляды Пифагора на самоубійство. Въ *Федонѣ* **) Платонъ приводитъ слѣдующія слова своего учителя: «Развѣ ты не наказалъ бы, если бы было только возможно, своего раба, который, лишивши себя жизни, отнялъ у тебя твою собственность?» Самъ Платонъ, основавшій школу академиковъ и умершій около 348 г.

*) Рѣчьина изъ лекцій по исторіи философіи права т. II изд. 1889 г. стр. 251—293.

**) Plato Phaedon cap. 6, изд. Проф. Карпова. С.-Петербургъ 1863 г.

до Рожд. Хр. въ своей книгѣ «о правахъ» *) полагаетъ, что слѣдуетъ лишить погребенія того „человѣка, который отнялъ жизнь у своего лучшаго друга, т. е. у самого себя“.

Знаменитый Аристотель въ своей этикѣ говоритъ **): «что умирать по причинѣ бѣдствій, или любви, или какихъ нибудь вообще неудачъ недостойно храбраго мужа; что человѣкъ, стремящійся къ смерти, какъ къ благу, тѣмъ самымъ лишь избѣгаетъ трудностей, съ которыми соединено достиженіе настоящихъ благъ».

Такіе мыслители признавая, что жизнь сама по себѣ есть благо, распространяли ученіе вполне согласное съ духомъ греческаго міровозрѣнія, чуждаго современному намъ пессимизму и материализму. Въ своей языческой религіи пантеизма Греки не могли найти отрады и утѣшенія въ тяжелыя минуты жизни, но сама эта жизнь дышала такою простотою, такою свѣжестью, что онѣ находилъ силы въ самомъ себѣ переносить непосланныя ему испытанія, которыя не могли ему казаться ничѣмъ инымъ, какъ временнымъ, скоро проходящимъ отступленіемъ отъ обыкновенныхъ условій довольной жизни. Борьба за существованіе въ томъ видѣ, какъ ея выставляютъ въ современномъ цивилизованномъ обществѣ причиною увеличенія числа самоубійствъ, въ древне Греческомъ мірѣ почти не существовала. Правда и тамъ боролись

*) Бн. IX.

**) Бн. III, гл. 7.

изъ за власти, изъ за первенства и тамъ самолюбіе, зависть, желаніе славы и богатства иногда доводили людей до сумашествія и высокомерія. Но эта борьба далеко не проникла во всѣ сферы жизни, не распространялась среди всѣхъ классовъ общества. Земледѣльческіе и пастушескіе классы Греческаго народа, сильные по своей количественности и по своей близости къ природѣ, давали здоровыхъ, довольныхъ гражданъ, для которыхъ жизнь была благомъ, потому что давала имъ возможность дышать чистымъ воздухомъ полей, наслаждаться созерцаніемъ прекрасной античной природы и служить на пользу и славу своей родины. Наконецъ развитое у Грековъ въ сильной степени чувство изящества служило не мало помѣхою къ развитію самоубійства, ибо смерть всегда казалась Грекамъ чѣмъ то несоотвѣтствующимъ идеи прекраснаго. Но уже во времена Платона начали возникать и противоположныя возрѣнія на самоубійство. Родившійся около 430 г. до Рож. Хр. въ богатѣйшемъ Африканскомъ городѣ Киренѣ философъ Аристиппъ сперва былъ ученикомъ Сократа, но односторонне и не вѣрно понимая ученіе своего учителя о назначеніи человѣка, Аристиппъ ставитъ цѣлью нравственнаго усовершенствованія наслажденіе, облагоустроенное образованіемъ. Такимъ образомъ по его ученію «удовольствіе» является единственнымъ положительнымъ благомъ и мѣриломъ добра. Счастіе есть ничто иное, какъ постоянное удовольствіе, слагающееся изъ отдѣльныхъ мгновенныхъ удовольствій, нисколько неисключая при этомъ

дѣтельной разумной жизни. Всѣ живыя существа ищутъ счатья и избѣгаютъ страданія. Последователи Аристиппа, развивая его ученіе, образовали школу «Киренаиковъ», учившую, что человѣкъ не долженъ пренебрегать никакимъ родомъ удовольствія, ибо счастье есть цѣль всѣхъ человѣческихъ стремленій; если же кто не можетъ пользоваться удовольствіями, то ему въ такомъ случаѣ лучше умереть, ибо отъ нашего выбора зависитъ какъ образъ жизни, такъ и смерть. Тогдашній владѣтель Египта Птоломей Лагъ, умершій около 322 г. до Рожд. Хр., запретилъ ученику Арастиппа Гегезію проповѣдывать въ его владѣніяхъ эти возрѣнія. Гегезій такъ убѣдительно и краснорѣчиво излагалъ свое ученіе, что подъ впечатлѣніемъ его лекцій о безсмертіи души многіе изъ его слушателей лишали себя жизни *). Но прошло еще пятьдесятъ лѣтъ и двери распадающагося Греческаго міра широко раскрылись для проповѣди о цѣлесообразности самоубійства. Эта проповѣдь, характеризующая упадокъ Греческой культуры, свела задачу философіи къ изслѣдованію личнаго эгоистическаго блага отдѣльнаго человѣка и тѣмъ самымъ охладила интересъ къ общественной и государственной жизни. Около 280 г. до Рож. Хр. появилась школа Эпикура, имя котораго сдѣлалось скорѣе синонимомъ наслажденія и матеріализма. Горацій одною мѣткой фразой на вѣки осмѣялъ последователей этой школы, назвавъ ихъ «*Epicuri de grege porcus*», т. е. ка-

*) Legoyt «*De suicide ancien et moderne*» стр. 9.

баны изъ стада Эпикура. Но какъ бы то ни было Эпикуреизмъ широко распространился среди богатыхъ классовъ тогдашняго цивилизованнаго міра и богачи на тысячи ладовъ повторяли, что жизнь хороша только, пока она даетъ возможность наслаждаться, но коль скоро источникъ наслажденій изсякъ, за человѣкомъ должно быть признано право самопроизвольно прекратить и самую жизнь. Болѣзни, печали, неудачи, физическія страданія все это, по мнѣнію Эпикурейцевъ, достаточные поводы къ прекращенію жизни. Но еще задолго до появленія Эпикура, знаменитый Демосфенъ отравился изъ опасенія подвергнуться рабству и безчестію, когда полководецъ Македонскій Антипатръ потребовалъ его выдачи у Аѳинянъ въ 322 г. до Рожд. Хр. Но еще болѣе вліянія на развитіе самоубійства въ древнемъ мірѣ въ особенности въ Римѣ имѣла школа Стоиковъ, основатель которой Зенонъ самъ санкціонировалъ свое ученіе собственнымъ примѣромъ, лишивъ себя жизни въ 264 г. до Рожд. Хр. Онъ училъ, что жизнь не есть сама по себѣ благо, а только можетъ быть благомъ, если употреблена съ пользою, но можетъ сдѣлаться и зломъ, если употреблена во вредъ. Поэтому если въ жизни встрѣтятся такія препятствія, которыя не позволяютъ человѣку достигъ блага, то лучше умереть, чѣмъ жить недостойно. Человѣкъ, какъ существо разумное можетъ стать выше всего его окружающаго, онъ можетъ съ презрѣніемъ разстаться съ тѣми жалкими дарами природы, которые ему сулитъ земная жизнь. Высшее достоинство человѣка

состоять въ томъ, что онъ можетъ по своему желанію достигнуть полной совершенной независимости. Но для этого необходимо отрѣшиться отъ всѣхъ сильныхъ привязанностей, нужно жить умомъ, а не сердцемъ и вселить въ себя презрѣніе къ жизни. Рано или поздно все равно придется умереть. Не дважды умирать; разъ это даже праздникъ.

Таково ученіе Стоиковъ. Не трудно убѣдиться, что на почвѣ этого ученія должны были вырасти обильныя жатвы самоубійцъ. И Зенонъ, окончившій жизнь, потому что сломалъ палецъ на ногѣ и ученикъ его Клеанфъ и ихъ многочисленные послѣдователи сами не могли предвидѣть до какихъ размѣровъ дойдетъ манія самоубійства подъ вліяніемъ стоицизма въ Римской Имперіи. Условія Греческой жизни, какъ уже было выше замѣчено, неблагопріятствовали развитію у нихъ самоубійствъ, но духъ Римлянъ, весь складъ ихъ жизни, какъ будто былъ нарочно созданъ для воспріятія ученій Стоиковъ и Эпикурейцевъ. Сѣмя упало на благопріятную почву и самоубійства въ послѣдніе дни Республиканскаго Рима и въ первые года Императорскаго Рима превзошли все, что можно себѣ представить. Трудно нарисовать картину этого зла, свирѣпствовавшаго въ Римѣ съ лютостью и силою самой ужасной эпидеміи. Не проходило дня, не было улицы, нельзя было найти ни одного дома, гдѣ бы не происходило самоубійства. Римъ времянь Императоровъ соединялъ въ себѣ всѣ народы, всѣ ученія и религіи древняго міра. Поэтому пре-

жде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію историческихъ самоубійствъ и законодательства о самоубійствѣ въ Римѣ, теперь будетъ умѣстнымъ коснуться въ нѣсколькихъ словахъ возрѣній на этотъ предметъ другихъ народовъ древняго міра, о которыхъ мы еще ничего не сказали, находившихся въ болѣе или менѣе отдаленномъ соприкосновеніи съ Римско-Греческою культурою.

**Самоубій-
ство въ
Египтѣ.**

Религія древняго Египта запрещала самоубійство, но подъ вліяніемъ ученія египетскихъ жрецовъ о переселеніи душъ, а также послѣдователей гимнософистовъ въ Египтѣ стали встрѣчаться случаи самоубійства; такъ король Сезострисъ, ослѣпнувъ подъ старость, хладнокровно лишилъ себя жизни *).

**Самоубій-
ство у
Карѳаге-
нцянъ.**

На границѣ Карѳагенскихъ владѣній съ владѣніями Биренцовъ находились алтари Филеновъ. Преданіе рассказываетъ о нихъ слѣдующее: оба сосѣдніе народа долго вели между собою войны за обладаніе той равнины, гдѣ построены были алтари Филеновъ. Наконецъ оба народа условились въ назначенный день и часъ отправить каждый изъ своего города пословъ и гдѣ они встрѣтятся тамъ и будетъ граница двухъ государствъ. Карѳагенскіе послы, братья Филены, бѣжали такъ скоро, что прошли гораздо больше разстоянія, чѣмъ послы Биренскіе, по этому послѣдніе, огорченные своею неудачею и опасаясь порицанія своихъ согражданъ, предложили братьямъ Филенамъ одно изъ двухъ,

*) О самоубійствѣ въ медицинскомъ отношеніи Ольхинъ стр. 10, изд. 1859 г. Петербургъ.

или чтобы Филены согласились быть заживо погребенны на мѣстѣ встрѣчи, или же чтобы они позволили Киренскимъ посламъ идти еще дальше до какого имъ угодно пункта, съ тѣмъ, что Киренскіе послы тамъ подвергнуть себя той-же смерти. Братья Филены приняли первое предложеніе и такимъ образомъ, благодаря ихъ героическому самоубійству, Карфагенъ приобрѣлъ обширную область на берегу залива Сирты. Карфагеняне воздвигли имъ здѣсь алтари и окружили ихъ память разными почестями *). Знаменитѣйшій Карфагенскій полководецъ Ганнибалъ умеръ отъ яда (который всегда носилъ при себѣ въ колыцѣ на всякій случай) отравившись въ 183 г. до Рожд. Хр., чтобы не отдаться въ руки своихъ непримиримыхъ враговъ Римлянъ. Нѣмецкій историкъ Момзенъ въ своей Римской исторіи превозноситъ Ганнибала, какъ величайшаго полководца и геніальнѣйшаго государственнаго мужа древняго міра. Замѣчательно, что почти всѣ выдающіеся вожди народовъ, съ которыми Римляне вели войны въ послѣднее столѣтіе передъ Рожд. Хр., погибли отъ самоубійства. Такъ умеръ Понтійскій царь Митридатъ въ 64 г. до Рожд. Хр. Будучи разбитъ Помпеемъ на берегахъ Ефрата въ 66 г. престарѣлый царь Митридатъ бѣжалъ въ свои владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря, и тамъ замышлялъ уже новыя предпріятія противъ своихъ непримиримыхъ враговъ Римлянъ, но когда до него дошла вѣсть

*) См. Солюстіи Криспъ.

о томъ, что собственный его сынъ Фарнакъ измѣнилъ отцу и хотѣлъ выдать его Римлянамъ, тогда престарѣлый Митридатъ отравилъ своихъ женъ и дочерей и самъ принялъ ядъ, который всегда носилъ на рукояткѣ своего меча; но его желѣзная натура, приученная къ ядамъ, не подалась отравѣ. Тогда онъ приказалъ себя умертвить своему оруженосцу. Нумидійскій царь Юба, сторонникъ Помпея также окончилъ свою жизнь самоубійствомъ, послѣ того какъ Юлій Цезарь на голову разбилъ въ 42 г. до Рожд. Хр. сторонниковъ Помпея и Катона въ Африкѣ при городѣ Тапсѣ.

Самоубій-
ства
въ Римѣ.

Въ послѣдніе года республики самоубійства въ Римѣ стали повторяться столь часто, что никакія силы не могли уже положить преграды этому злу. А между тѣмъ нѣсколько столѣтій до этого въ Римѣ самоубійства были также величайшею рѣдкостью, какъ и въ героической Греціи. Законы древняго Рима строго наказывали самоубійство; такъ царь Тарквиній Прискъ, желая прекратить распространившуюся во время его царствованія наклонность гражданъ къ самоубійству, вызывавшуюся непомерно тяжелыми работами, которыми онъ ихъ обременялъ для украшенія города, издалъ постановленіе распинать самоубійцъ на крестахъ и потомъ отдавать ихъ тѣла на сѣденіе дикимъ звѣрямъ. Самоубійства вслѣдствіе этого постановленія прекратились *). Въ исторіи Рима до Пуни-

*) См. Новгорова «о самоубійствѣ», стр. 39, Zygo «Beurteilung des Selbstmords».

ческихъ войнъ мы тоже находимъ очень мало случаевъ самоубійствъ да и тѣ скорѣ должны быть отнесены къ случаямъ героическаго самопожертвованія для блага родины и государства, чѣмъ къ случаямъ простаго самоубійства. Такова смерть консула Деція Мусса, обрекшаго себя добровольно на смерть, чтобы воодушевить своихъ воиновъ въ битвѣ съ Латинами у подошвы Везувія въ 340 г. до Рож. Хр. Также точно въ битвѣ съ Галлами сынъ Деція Мусса Децій Младшій, по примѣру отца посвятилъ себя подземнымъ богамъ и ринулся на непріятелей. Но на Галловъ это заклинаніе не произвело того дѣйствія, какъ на Самнитянъ, имѣвшихъ одинаковыя религіозныя вѣрованія съ Римлянами, и самоубійство Деція Младшаго не принесло желанной пользы успѣху Римскаго оружія.

Рядомъ съ этими героическими примѣрами можно указать и на преступные самоубійства децемвировъ Аппія Клавдія и Оппія *). А. Клавдій, отличаясь надменностью, вздумалъ овладѣть прекрасною Виргинією, дочерью одного уважаемаго плебея, съ этою цѣлью онъ подговорилъ своего кліента схватить Виргинію и объявить ея передъ судомъ своею невольницею. Судьею былъ самъ Аппій Клавдій, который и рѣшилъ дѣло въ пользу кліента. Тогда отецъ Виргиніи, чтобы избавить ее отъ позора вонзилъ ей въ сердце ножъ. Этотъ случай такъ возмущилъ народъ, что децемвиры должны были сложить съ себя власть, причемъ Оппій и

*) Титъ Лив. кн. III гл. 58.

Аппій Клавдій, преслѣдуемые ненавистью гражданъ, сами лишили себя жизни въ темницѣ, куда ихъ посадили. Монтескье *) утверждаетъ, что во время республики не существовало въ Римѣ карательныхъ законовъ за самоубійство и что у римскихъ историковъ замѣчается одобреніе самоубійства. Впрочемъ Lisle **) полагаетъ, что Монтескье упустилъ изъ виду, что по свидѣтельству Сенеки тѣла самоубійцъ въ первыя времена республиканскаго Рима оставались безъ погребенія

Но вообще въ древнемъ Римѣ случаи самоубійства, какъ уже выше было замѣчено, были очень рѣдки. Многіе Римляне мужественно переносили невзгоды и тяжкія физическія страданія, не прибѣгая къ самоубійству, какъ средству избавленія отъ боли и позора. Таковъ напримѣръ Маркъ Регулъ героически переносившій мученія въ Карфагенѣ въ 251 г. до Рож. Хр.

Бъ числу наиболѣе восхваляемыхъ самоубійствъ слѣдуетъ отнести смерть Лукреціи, жены Коллотина, которую изнасиловалъ сынъ царя Таревинія Гордаго. Признавшись своему мужу и родственнику Бруту въ своемъ несчастіи, она пронзила себя мечемъ, умолая ихъ отомстить за ея позоръ и смерть. Лукрецію восхваляли не только языческіе писатели, но и позднѣйшіе христіанскіе проповѣдники. Преподобный Августинъ однако не одобряетъ поступка Лукреціи, говоря, что убивая

*) L'esprit des Lois liv. XXIX chap. IX.

**) Le suicide изд. 1856 г. стр. 355.

себя, она убила женщину, которой нельзя было сдѣлать никакого упрека, такъ какъ она была оскорблена насильно, а не по согласію, гнуснымъ сыномъ Тарквинія.

Когда-же Римъ пришелъ въ соприкосновеніе съ Греческимъ міромъ и идеи Эпикурейцевъ и особенно Стоиковъ стали распространяться среди Римлянъ, тогда самоубійства начали возрастать съ немовѣрною быстротою. Даже такіе мыслители, какъ Цицеронъ, не одобрявшій самоубійства *), допускали однако добровольную смерть при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, такъ напримѣръ при жестокихъ физическихъ страданіяхъ.

Божество, имѣющее надъ нами верховную власть, не хочетъ чтобы мы самовольно покидали земную жизнь, но если по внушенію Боговъ у насъ возникло сильное и справедливое желаніе умереть, тогда истинно мудрый человѣкъ долженъ съумѣть съ радостью переселиться изъ сумрачнаго земнаго міра въ свѣтлую небесную обитель **).

Эпикуреецъ Лукрецій въ своемъ сочиненіи *de rerum natura* въ 52 г. до Рож. Хр. воспѣвалъ матеріализмъ. Въ то же время входитъ въ поговорку изрѣченіе «*morì licet cui vivere non placet*». Законодательство уже не преслѣдуетъ самоубійства какъ преступленіе; религія не изрекаетъ проклятія самоубійцамъ. Общественное мнѣніе преклоняется передъ случаями лишенія себя жизни по-

*) *De Republica* гл. VI.

**) *Cicero Tuscul. lib. I.*

добными Катону, Бруту, Кассію и др. Катонъ Младшій, прозванный утическимъ, былъ извѣстенъ честнымъ, неподкупнымъ характеромъ и старался подражать своему знаменитому предку Катону Цензору въ любви къ старымъ республиканскимъ нравамъ и принадлежалъ къ послѣдователямъ стоической философіи. Будучи однимъ изъ главныхъ предводителей остатковъ республиканской партіи Помпея, Катонъ послѣ пораженія этой партіи при городѣ Тапсѣ Юліемъ Цезаремъ удалился въ г. Утику и, не желая пережить паденія республики, съ стоическою твердостью лишилъ себя жизни. Вечеромъ онъ легъ въ постель съ книгою Платона въ рукахъ; прочелъ его разсужденіе о безсмертіи души въ Федонѣ и заснулъ глубокимъ сномъ. При первыхъ лучахъ восходящаго солнца онъ проснулся и пронзилъ себѣ грудь мечемъ, но при этомъ опрокинулъ столъ; на шумъ сбѣжались домашніе. Рана не было еще смертельна, докторъ перевязалъ ее, но прійдя въ чувство Катонъ сорвалъ повязки и истекъ кровью. Воспѣтый и восхваляемый современниками Катонъ въ сущности представляетъ изъ себя примѣръ самоубійства изъ зависти. Онъ не могъ пережить славы Цезаря; при одной мысли о томъ, что ему придется склонить голову предъ Цезаремъ, Катонъ вздрагивалъ и лицо его наливалось кровью. Онъ не рассчитывалъ на пощаду со стороны Цезаря и поэтому ему въ сущности ничего больше не оставалось, какъ лишить себя жизни. Но сыну своему Катонъ завѣщалъ надѣяться на милость Цезаря. Отсюда преподобный

Августинъ заключаетъ, что и самъ Катонъ остался бы жить, если бы могъ надѣяться на милосердіе побѣдителя и побороть въ себѣ зависть къ блеску Цезаревой славы. Если бы Катонъ считалъ вполнѣ искренно позоромъ подчиниться генію Цезаря, то онъ завѣщалъ-бы своему сыну совѣтъ тоже умереть, а не совѣтъ подчиниться этому позору. Въ сущности онъ умиралъ не для пользы своихъ соотечественниковъ, но изъ ненависти къ Цезарю. Вѣдь и съ перемѣною правленія отечество Катона продолжало существовать и нуждаться въ опытности и совѣтахъ честныхъ патріотовъ. Брутъ и Кассій, послѣдовавшіе примѣру Катона въ 12 г. до Рож. Хр., уже не простые борцы за свободу въ первоначальномъ ея видѣ; это предводители партіи, отстаивающей отживающія свой вѣкъ идеи. Но они вѣрятъ въ то, что истина съ ними, они разбиты при Филипахъ Октавіаномъ и Антоніемъ и въ отчаяніи, не желая пережить республики, бросаются на свои мечи. Прославленные исторіею эти двое самоубійцъ заслуживаютъ однако гораздо менѣе сочувствія, чѣмъ другія дѣйствующія лица той же эпохи. Въ сущности вѣдь имъ некуда было скрыться, весь тогдашній міръ послѣ побѣды при Филиппахъ достался Тріумвирамъ. Разсчитывать на ихъ великодушіе «послѣдніе Римляне» едва ли могли, а судьба знаменитаго Цицерона, которому отрубили голову и злая Фульвія проколола булавою языкъ за тѣ рѣчи, которыми Цицеронъ явилъ при своей жизни враговъ республики, доказала уже всю тщетность стремленія спастись бѣг-

ствомъ отъ всеильныхъ владыкъ тогдашняго міра. На рѣшимость Брута лишить себя жизни очень сильно еще также повліяло видѣніе, которое явилось ему передъ битвою. Бруту и Кассію оставалось одно лишить себя жизни. Они такимъ образомъ подходятъ подъ цѣлый рядъ самоубійствъ съ подкладкою весьма сходною съ тою, которая существовала и въ болѣе отдаленныя времена среди дѣйхъ свободолюбивыхъ народовъ: побѣжденный, не желая пережить пораженія, лишаетъ себя жизни, съ тою лишь разницею, что прежняя простая идея свободы теперь уступила мѣсто идеѣ первенствованія и нежеланію подчиниться тому, предъ чѣмъ склонился весь міръ. И пошли самоубійства одно за другимъ. Марка Антонія, несомнѣнно одареннаго самыми блестящими способностями, приходится причислить также къ этому роду самоубійствъ, хотя многіе его считаютъ самоубійцей отъ любви, такъ какъ исторія изображаетъ намъ Антонія рабомъ своихъ страстей и человѣкомъ лишеннымъ твердой воли. За Антоніемъ послѣдовала его любовница гордая Египетская царица Клеопатра. Видя, что ей не очаровать новаго владыку міра Октавіана, она не могла перенести мысли, что ей придется украшать собою триумфальное шествіе побѣдителя; самолюбіе гордой восточной повѣлительницы не могло перенести такого удара. Она еще полна красоты, жизни, страсти, но ея ожидаетъ посрамленіе и она лучше готова умереть, чѣмъ перенести позоръ. Когда все равно уже нѣтъ другаго выхода, какъ или мучительная смерть отъ

руки палача, или смерть отъ собственной руки, тогда, конечно, выборъ не труденъ; но если есть еще надежда на спасеніе, если жизненные силы kloкочутъ въ груди и мысль увлекаетъ стремительно въ область созданій своей фантазіи, тогда далеко нелегко вонзить себѣ желѣзо въ грудь или приложить къ груди ядовитую змѣю.

Во времена Клеопатры самоубійство было чрезвычайно распространено въ Египтѣ и въ этой странѣ образовалась даже особая академія подъ именемъ «синапотануменонъ», въ которой собирались многія особы, желающія лишить себя жизни. Въ этихъ собраніяхъ самоубійство Антонія и Клеопатры считали образцовымъ и члены академіи были озабочены главнымъ образомъ лишь пріисканіемъ самаго легкаго и пріятнаго способа лишать себя жизни. Вообще презрѣніе къ жизни и распушенность нравовъ въ то время дошла до такихъ предѣловъ, что насъ не можетъ поражать своею неправдоподобностію разсказъ Латинскаго писателя IV вѣка Аврелія Виктора въ его сочиненіи *de viribus illustribus* о томъ, что Клеопатра торговала своею красотою, при чемъ за ея ночи ей платили не деньгами, которыхъ у нея у самой было достаточно, но жизнью. И вѣдь находились же такія люди, у которыхъ жажда наслажденій была такъ сильна и презрѣніе къ жизни такъ искренно, что они за одну ночь, проведенную въ объятіяхъ гордой красавицы, повелѣвающей Египтомъ, отдавали свою жизнь и по утру спокойно шли на казнь. Но съ другой стороны какъ велика была притягательная

сила этой женщины, какъ грандіозенъ былъ ея развратъ и какъ глубоко она должна была презирать людей, если рѣшалась класть на одну чашу вѣсовъ жизнь своихъ любовниковъ, а на другую наслажденіе, которое она имъ доставляла.

Римскія женщины тоже заплатили крупную дань самоубійству; кромѣ ниже приводимыхъ примѣровъ нельзя не отмѣтить самоубійство Марціи, жены одного изъ любимцевъ императора Августа Фульвія; это, кажется, единственный историческій примѣръ, гдѣ женщина, сознавъ весь вредъ, причиненный ея болтливостью, рѣшилась умереть, чтобы не быть зрительницею тѣхъ несчастей, которыя она навлекла на голову своего мужа, довѣрившаго ей государственную тайну, которую она выболтала *).

Въ краткое царствованіе Августа самоубійства стали нѣсколько рѣже, но уже въ царствованіе Тиверія, Нерона и др. Императоровъ, извѣстныхъ своими жестокостями, кровопролитіями и казнями, погибло множество народа отъ самоубійства. Еще раньше уже вошло въ обычай избавляться отъ казни и конфискаціи добровольнымъ самоубійствомъ. Такъ предупредилъ самоубійствомъ судебный приговоръ хищный правитель Египта Корнелій Галлъ въ 26 г до Рожд. Хр.

Лабіанусъ, вызвавшій своими ѣдкими сатирами законъ, въ силу котораго вредныя книги предаются сожженію, не захотѣлъ пережить свободы слова и

*) Legoyt стр. 18.

огорченный тѣмъ, что и его сочиненія подверглись сожженію, лишилъ себя жизни *).

Бокцій Нерва, не разлучный товарищъ Императора Тиверія, человѣкъ здоровый и счастливый, внезапно рѣшилъ умереть. Напрасно Тиверій, узнавшій объ этомъ намѣреніи, уговаривалъ своего друга отказаться отъ исполненія задуманнаго самоубійства. Нерва остался глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ и уморилъ себя голодомъ. Говорили, что онъ рѣшился умереть «честною смертію, чтобы избѣжать въ будущемъ несчастій, которые могли бы обрушиться на него, если бы онъ потерялъ дружбу и довѣріе суроваго Императора», а эта потеря казалась ему неизбѣжною, въ виду чего онъ и не пожелалъ дожить до того времени, когда новый порядокъ сдѣлаетъ его несчастнымъ и онъ умеръ какъ истинный послѣдователь стоической философіи, предупреждая возможное несчастье.

Въ лѣтописяхъ Тацита встрѣчается такая масса случаевъ самоубійствъ, что трудно даже подробно останавливаться на ихъ разсмотрѣніи. Отъ самоубійства умеръ Кней Пизонъ, а вслѣдъ за нимъ и его жена гадкая во всѣхъ отношеніяхъ Плагина, обвиненная въ разныхъ преступленіяхъ, предупредила казнь, наложивъ на себя сама руки. Правитель Мизіи Лабеонъ и его жена умерли, перерѣзавъ себѣ жилы. Скавръ талантливый ораторъ, но преступный и нечестный человѣкъ, предупредилъ судебный приговоръ самоубійствомъ, въ кото-

*) Legoyt le Suicide ancien et moderne стр. 13.

ромъ ему помогла его жена Секція. Обвиненный въ оскорбленіи величества проконсулъ Испаніи Аррунцій Люцій въ 37 году по Рожд. Хр. созвалъ своихъ друзей и, торжественно объявивъ имъ о своемъ желаніи избѣжать смертью предвидѣнныхъ имъ несчастій, велѣлъ перерѣзать себѣ жилы. Около того же времени погибъ отъ самоубійства, сбросившись со скалы знатный и богатый Римлянинъ Секстъ Папиній, который въ смерти искалъ спасенія отъ своей родной матери, распутство которой дошло до того, что она во что-бы то ни стало хотѣла сдѣлаться любовницею своего собственнаго сына.

Добровольною же смертью предупредилъ судъ надъ собою Африканскій проконсулъ Статилій Тавръ въ 52 г. по Рожд. Хр., будучи сильно огорченъ клеветою, которую на него взвели и которая послужила причиною отдачи его подъ судъ.

Другъ Нерона Петроній, послѣ того какъ его постигла опала Императора, рѣшился смертью предупредить тѣ бѣдствія, которыя ему сулила эта опала. Съ рѣдкимъ присутствіемъ духа онъ разрѣзалъ себѣ жилу, сѣлъ въ ванну и чтобы продолжить состояніе агоніи онъ то закрывалъ, то вновь открывалъ вены; при этомъ отъ потери крови онъ нѣсколько разъ впадалъ въ забытіе, но прійдя въ себя вновь открывалъ вены и разговаривая, шутя съ друзьями, уснулъ наконецъ вѣчнымъ сномъ. Сильное впечатлѣніе на Римское общество произвело загадочное самоубійство Клеомброта. Молодой, здоровой, прекрасный, богатый и любимый

Римлянинъ Клеомбротъ, прочитавъ разсужденіе Платона въ Ѳедонѣ о безсмертіи души, убилъ себя единственно изъ желанія скорѣе переселиться въ лучший «безсмертный» міръ *).

Поэтъ Луканъ повидимому очень весело и хладнокровно встрѣтилъ смерть, разрѣзавъ себѣ вены рукъ. Передъ смертью онъ читалъ себѣ свои собственные стихи изъ Фарзанаіи, гдѣ онъ изобразилъ чувства самоубійцы. Изъ описанія всѣхъ этихъ самоубійствъ у Тацита нельзя не прийти къ заключенію, что самъ Тацитъ одобряетъ и удивляется случаямъ стоическаго самоубійства. Впрочемъ Тацитъ ни гдѣ прямо не высказываетъ своихъ взглядовъ по этому поводу. Только въ одномъ мѣстѣ своей лѣтописи онъ говоритъ: «и безъ того было много худыхъ и слишкомъ мало хорошихъ людей на свѣтѣ. Зачѣмъ же еще хорошимъ вѣшаться, предоставляя сквернымъ наслаждаться жизнью **»).

Воспитатель Нерона извѣстный философъ Сенека, по свидѣтельству его друзей, не вѣрилъ въ безсмертіе души и полагалъ, что по смерти наступаетъ «покой не бытія». Что же касается до самоубійства, то онъ высказывалъ о немъ различныя мнѣнія, такъ въ трагедіи Ѳиваида онъ устами Эдипа изрекаетъ, слѣдующія убѣжденія «право жизни или смерти есть моя собственность». «Я лучше же-

*) Zegoyt le suicid ansien et moderne стр. 13.

**) Тацитъ въ изложеніи Донна переводъ Брюлловой стр. 114.

«лаю быть господиномъ моей смерти, чѣмъ дать другимъ возможность вырвать ее у меня изъ рукъ»... Дочь Эдипа Антигона умоляетъ Эдипа мужественно бороться съ несчастіемъ, увѣряя отца, что заслуга не въ боязни жизни, а въ мужественномъ пренебреженіи благъ жизни и ея горестей. Эдипъ, какъ извѣстно, остается жить... Въ другомъ своемъ сочиненіи *de Providentia* гл. 2 удивляясь мужественному самоубійству Катона, — Сенека говоритъ, что «храбрый не только не боится смерти, но самъ ее ищетъ».

Самъ Сенека умеръ отъ самоубійства, хотя, какъ извѣстно, и не по своей волѣ. Неронъ, приказавъ Сенату приговорить Сенеку и Лукана къ смертной казни, далъ имъ милостивое разрѣшеніе избрать самимъ родъ смерти и привести приговоръ въ исполненіе въ условленное время. Этотъ историческій фактъ послужилъ сюжетомъ для великолѣпнаго произведенія нашего поэта А. К. Майкова «Три смерти». Къ сожалѣнію въ этой драмѣ Майковъ придалъ дѣйствующимъ лицамъ такіе возрѣнія на жизнь и смерть, которыхъ, судя по историческимъ свѣдѣніямъ, эти лица на самомъ дѣлѣ не раздѣляли.

Такъ Сенека въ драмѣ Майкова является убѣжденнымъ деистомъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Сенека отрицалъ загробное существованіе. За то въ драмѣ Майкова очень вѣрно очерчена личность этого философа, полная самодовольства и самоуверенности. Прощаясь съ друзьями и учениками, онъ объявляетъ имъ, что «въ образѣ своей жизни

оставляетъ имъ самый драгоцѣнный даръ». Призывая имя Сократа и называя смерть величайшимъ изъ благъ, Сенека удаляется въ сопровожденіи своихъ учениковъ. Въ дѣйствительности-же смерть Сенеки вовсе не была такъ легко имъ встрѣчена. Тацитъ рассказываетъ, что Сенека долго мучился, кровь изъ перерѣзанной вены текла медленно, такъ что онъ велѣлъ перерѣзать себѣ еще жилу подъ колѣномъ, но ожидаемая смерть не наступала. Обезсилившій Сенека вышелъ изъ ванны и просилъ своего друга доктора Аннея дать ему ядъ, чтобы прекратить страданія, но организмъ, уже при жизни приученный къ яду, не поддавался дѣйствию принятаго яда, тогда Сенека снова вошелъ въ ванну и, брызгая окровавленной водой на близьстоящихъ, съ насмѣшкою говорилъ: «эту воду я приношу въ жертву Юпитеру». Наконецъ потерявшаго сознаніе старца отнесли въ баню и здѣсь онъ умеръ удушенный паромъ. Молодая красивая жена Сенеки Павлина тоже перерѣзала себѣ жилы, желая разделить участь своего престарѣлаго мужа; Неронъ велѣлъ ее спасти и Павлина осталась жива, однако очень не многимъ пережила своего супруга.

Среди этихъ постоянныхъ самоубійствъ и ихъ восхваленія раздавались иногда и въ Римѣ того времени одинокіе протесты противъ этого бѣдствія.

Знаменитый Эпикуреецъ Лукрецій, воспѣвавшій материализмъ въ своей поэмѣ «*de rerum Natura*» и самъ окончившій жизнь самоубійствомъ, высказывалъ однако вполне справедливые взгляды на причины увеличенія самоубійствъ. Этою причиною

часто бываетъ, говоритъ онъ, равнодушіе къ жизни, развивающееся въ свою очередь подъ вліяніемъ чересмырнаго страха передъ будущею смертію.

Греческій философъ Эпиктетъ, проживающій въ Римѣ, современникъ Сенеки, писалъ «люди терпите и ждите пока Богъ дастъ вамъ знакъ и уволить васъ отъ этой обязанности; тогда возвращайтесь къ нему, а до тѣхъ поръ живите тамъ, гдѣ Онъ вамъ предназначилъ».

Знаменитый Марціалъ современникъ Тацита не рѣдко осуждалъ въ своихъ эпиграммахъ самоубійство: «легко пренебрегать жизнью, когда насъ постигли несчастія», говоритъ онъ, «но тотъ поступаетъ мужественнѣе, кто *можетъ быть* несчастнымъ». Въ другой сатирѣ онъ говоритъ: «не безуміе-ли умертвить себя, чтобы не быть умерщвленнымъ». А вѣдь большинство Римскихъ самоубійствъ имѣло цѣлью избѣгнуть смерти и несчастій въ будущемъ. Извѣстный натуралистъ Плиній Старшій, погибшій во время изверженія Везувія въ 79 г. по Рож. Хр. допускаетъ разумность самоубійства въ виду тяжкихъ неизлѣчимыхъ болѣзней. Въ главѣ о Богѣ Плиній Старшій утверждаетъ, что человѣкъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ имѣетъ то преимущество, что Божество не имѣетъ надъ нимъ полной власти. Такимъ образомъ человѣкъ можетъ лишить себя жизни, когда захочетъ, тогда какъ Божество не можетъ умереть, если-бы даже и захотѣло. Богъ далъ человѣку свободную волю и поэтому человѣкъ можетъ распоряжаться своею жизнью, какъ ему угодно. Плиній

же Младшій является убѣжденнымъ проповѣдникомъ разумности самоубійства и съ восторгомъ рассказываетъ въ своихъ письмахъ о томъ, какъ Титъ Аристонъ, будучи очень боленъ, сказалъ однажды ему Плинію: «броситься въ объятія смерти по внезапному увлеченію не трудно, но разсуждать и по зрѣломъ, спокойномъ разсмотрѣніи причинъ рѣшиться на смерть есть доводъ великаго ума».

Въ другомъ своемъ письмѣ онъ рассказываетъ о томъ, какъ нѣкая Аррія, потерявъ своего любимого ребенка, пронзила себя съ горя грудь кинжаломъ и, подавая тотъ же окровавленный кинжалъ мужу, сказала ему: «это вовсе не больно». Этотъ поступокъ приводитъ Плинія въ восхищеніе и онъ полагаетъ, что Аррія заслужила себя безсмертіе имени. Впрочемъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Плиній Младшій, оплакивая смерть своего друга Руфа, пишетъ: «онъ умеръ отъ собственныхъ рукъ и это еще болѣе огорчаетъ меня, потому что смерть, которая не зависитъ отъ природы или случая, самая плачевная».

Среди историческихъ самоубійцъ нельзя не отмѣтить и двухъ Императоровъ Нерона (68 г.) и Оттона (69 г.).

Всѣми оставленный и не имѣя надежды на возвращеніе трона, Неронъ послѣ долгихъ колебаній пронзилъ себя мечемъ. Послѣдними его словами было восклицаніе: «Какой великій артистъ погибаетъ».

Императоръ Оттонъ, товарищъ развратной жизни Нерона, лишилъ себя жизни при условіяхъ, ко-

торые давали ему право на славу и искупали всё прежнія его прегрѣшія. Онъ окончилъ жизнь самоубійствомъ, что бы дать возможность вновь избранному Императору Вителлію возстановить миръ и спокойствіе въ возмущенной между усобіями Имперіи. Здѣсь мы опять имѣемъ примѣръ самопожертвованія, а не простаго самоубійства. Солдаты умоляли Оттона вести ихъ въ бой противъ Вителлія, увѣряя, что они предчувствуютъ побѣду но Оттонъ отвѣчалъ: «чѣмъ болѣе мы имѣемъ надежды на побѣду, тѣмъ похвальнѣе моя рѣшимость добровольною моею смертію прекратить междоусобіе». Примѣръ Оттана до того сильно подѣйствовалъ на многихъ солдатъ, вѣрныхъ Императору, что и они лишили себя жизни *).

Какъ уже было выше замѣчено Римскіе законы временъ республики не считали самоубійство преступленіемъ и принимали въ соображеніе только, тѣ обстоятельства, которыя могли повредить государству или казнѣ. Но когда начали повторяться все чаще и чаще случаи, что люди, обвиняемые въ преступленіи, влекущемъ за собою въ случаѣ его доказанности, конфискацію имущества, стали предупреждать судебное разбирательство самоубійствомъ, тогда Императоры Адріанъ (117—138 г.) и Антонинъ (138—161 г. по Рож. Хр.) стали издавать декреты, въ силу которыхъ самоубійцы предписывалось лишать погребенія, имущество ихъ конфисковать, а родственникамъ ихъ запрещалось по-

*) Тацитъ въ изложеніи Донна перев. Брюлловой.

силь по нимъ публично трауръ. Эти декреты были впоследствии подтверждены Юстинианомъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что и въ силу этихъ декретовъ конфискація не составляла наказанія за самоубійство, какъ за самостоятельное преступленіе, а имѣла мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда самоубійство совершено съ цѣлью избѣжать суда за преступленія, влекущія проскрипцію; оттого наслѣдникамъ самоубійцы предоставлялось право доказывать судебнымъ порядкомъ невинность самоубійцы въ томъ преступленіи, въ которомъ онъ былъ подозрѣваемъ до своего самоубійства и если эта невинность была доказана, то наслѣдникамъ возвращалось конфискованное у него имущество.

Но если кто либо лишилъ себя жизни вслѣдствіе скуки, тоски, болѣзни, горя, сумашествія, бѣшенства или иныхъ причинъ, не наносящихъ ущерба государству, то съ имуществомъ такого самоубійцы поступаютъ, какъ послѣ обыкновенной смерти и всѣ предсмертныя распоряженія и духовныя завѣщанія самоубійцы считались вполне дѣйствительными, если они были сдѣланы еще въ здоровомъ умѣ *).

Что законодательство Римской Имперіи въ принципѣ признавало право каждого человѣка распоряжаться своею жизнью, это видно изъ того, что законъ не позволялъ господину отыскивать убытки, причиненные самоубійствомъ раба; ибо

*) Digest lib XXVIII tit. IV de bonis eorum qui mortem sibi consciverunt.

даже рабъ имѣть естественное право уничтожить свое тѣло: *Licet etiam servis naturtliter in suum corpus soevire* *).

Если преступнику, заключенному въ темницу, удавалось лишить себя жизни, то тюремщика за это строго наказывали.

Единственнымъ ограниченіемъ самоубійства во времена языческихъ Императоровъ было «запрещеніе воинамъ лишать себя жизни пока они состоятъ на службѣ». За покушеніе на самоубійство солдатъ приговаривался къ смерной казни **). Это правило объясняется воззрѣніемъ Римлянъ на солдатъ, какъ на принадлежность государству. Жизнь воиновъ нужна Римскому государству, а потому воины не имѣютъ право ея распоряжаться, какъ частные граждане. Впрочемъ, если они совершили покушеніе на самоубійство подъ вліяніемъ тяжелой болѣзни или горя, то не подвергаются казни, а лишь позору.

Въ нѣкоторыхъ Римскихъ провинціяхъ существовалъ обычай, по которому суду было предоставлено право дозволить или запретить самоубійство тѣмъ лицамъ, которыя, желая лишить себя жизни, обращались за подобнымъ разрѣшеніемъ къ судѣ. Обычай этотъ, какъ уже было выше замѣчено, существовалъ еще и раньше въ нѣкоторыхъ греческихъ колоніяхъ, на островѣ Цеосѣ, а въ послѣдствіи въ Марсели и въ другихъ мѣстахъ.

*) *Digest lib XV tit I, 1 § 7 Ulpianus lib 29.*

**) *Digest lib XLVIII tit XIX Paulus «sententiarum».*

Нѣкоторые древніе писатели напримѣръ Антіохійскій писатель Либаній въ IV вѣкѣ очень удачно осмѣивали этотъ обычай и, кажется, что онъ въ дѣйствительности вызываетъ только противорѣчіе самоубійству, не будучи въ силахъ удерживать отъ самоубійства тѣхъ лицъ, которые, серьезно рѣшившись умереть, не получаютъ на то разрѣшенія отъ суда.

Порча Римскихъ нравовъ съ особою силою выразилась въ роскоши и невоздержанности. Богачи, пресыщенные всѣми благами въ жизни, окруженные раболопною толпою лстивыхъ прихлебателей и рабовъ, въ свою очередь на перерывъ старались раболопствовать передъ властью Императоровъ. Нравственность, семейная жизнь были распатаны въ самомъ основаніи. Люди мыслящіе не могли не видѣть всей фальши современнаго имъ строя общественной жизни. Отжившая религія, притворная приверженность къ языческому культу, доходившая до нетерпимости и гоненія на христіанъ и въ тоже время полное невѣріе въ языческихъ боговъ, полное отрицаніе всего, чему поклонялись предки — вотъ картина того состоянія, въ которомъ находился образованный Римъ временъ языческихъ Императоровъ... И не удивительно, что при этихъ условіяхъ «*Tedium vitae*» эта ужасная болѣзнь, стала какъ эпидемія съ неимоверною быстротою уносить лучшія силы тогдашняго Рима. Да и лучшія-ли въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь мы видѣли, что не послѣднею причиною самоубійствъ было часто желаніе избѣгнуть суда и

какъ многіе преступники избавили землю отъ ненужнаго ей бремени. Но нельзя отрицать, что среди историческихъ самоубійцъ были люди достойные храбрые, богато одаренные душевными и умственными качествами. Никто однако не порицалъ ихъ, никто не мѣшалъ имъ покидать добровольно жизнь. Съ высоты своего трона Императоръ Маркъ Аврелій (царствовавшій съ 161—180 г.г. по Рожд. Хр.) проповѣдывалъ, что «нѣтъ ничего преступнаго оставлять жизнь, какъ оставляютъ комнату, въ которой дымъ и угарь». Усталые, угорѣвшіе отъ пресыщенія жизненными благами и всевозможными излишествами, ни во что не вѣрующіе безъ всякихъ опредѣленныхъ желаній лучшаго будущаго, эти Римляне, пожалуй, дѣлали единственное, что имъ осталось сдѣлать хорошаго; освободить землю отъ ненужнаго ей бремени.

Римляне какъ и вообще всѣ язычники, не цѣнили человѣческой личности самой по себѣ. Эта личность приносилась въ жертву государству. И такимъ образомъ одною изъ главныхъ причинъ, увеличивавшихъ количество самоубійствъ въ Римской имперіи, была невозможность приложить свои силы къ живому самостоятельному дѣлу. Гордые, самолюбивые личности уже не могли рассчитывать на славу, основанную на заслугахъ. Ихъ честолюбіе уже не находило себѣ исхода въ борьбѣ партій и идей. Надъ всѣмъ міромъ носился духъ одного человѣка и этому одному надо было поклоняться, предъ нимъ раболопствовать, чтобы заслужить себѣ право отправлять общественныя обязан-

ности. Большинство именно такъ и дѣлало. Міръ призналъ волю одного лица; человѣчество отказалось отъ всякой самостоятельности, предоставивъ своему владыкѣ дѣлать съ собою, что ему угодно. Въ это испорченное время конечно были все же люди достойные, скорбѣвшіе о нравственномъ упадкѣ Рима и искавшіе утѣшеніе въ наукахъ и религіи. Но увы, языческая религія не могла ихъ удовлетворить, а философія Стоиковъ, наиболѣе подходящая къ духу Римлянъ, суровому и энергичному, породила въ нихъ презрѣніе къ жизни, т. е. подготовила такую почву, на которой самоубійства также неизбѣжны, какъ молнія при громѣ. Въ это время вошелъ въ обычай тотъ родъ смерти, отъ котораго умеръ Сенека и который былъ уже нами описанъ выше. Знатный Римлянинъ садился въ ванну, открывалъ себѣ вены и, продолжая бесѣдовать со друзьями, тихо засыпалъ на вѣки отъ потери крови и силъ. Нерѣдко въ эти минуты онъ заставлялъ своихъ рабовъ и рабынь пѣть, декламировать греческіе и латинскіе стихи, или плясать вокругъ своей кровавой ванны полуобнаженнымъ красавицамъ. И вихрь этихъ послѣднихъ впечатлѣній все таки не могъ возбудить въ немъ сожалѣнія къ тому, что онъ безъ страха покидалъ въ этой жизни, такъ велико было его презрѣніе къ ней и сильна рѣшимость умереть.

Всего поразительнѣе, что Римляне такъ спокойно умирали, не вѣруя въ загробную жизнь. Вѣдь Римлянина по его понятіямъ за гробомъ ожидало полное небытіе, совершенное ничтожество.

Дѣйствительно не понятно, какъ гордый духъ Римлянина могъ примириться съ мыслью, что послѣ его смерти его не будетъ, совсѣмъ нигдѣ не будетъ? На это часто возражаютъ, что гнетущая мысль о ничтожествѣ существованія, порожденная невѣріемъ, большею частью приводитъ людей къ тому отчаянію, въ которомъ они наиболѣе способны на самоубійство. Но объясненіе это кажется жалкимъ софизмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если человѣку такъ дорога мысль о бытіи, что одно сомнѣніе въ возможности вѣчнаго бытія повергаетъ его въ отчаяніе, то какъ же допустить, что тоска о кратковременности жизни побуждаетъ людей сдѣлать ее еще короче? Нѣтъ ужъ если отвергать загробную жизнь, то тогда понятнѣе ученіе Эпикурейцевъ, которые спѣшили насладиться земною жизнью. Невѣріе-же Стоиковъ въ посмертное существованіе было однимъ изъ условій, удерживающихъ ихъ въ ихъ рѣшимости умереть, а никакъ не предлапало ихъ къ самоубійству. Какъ не гадеа жизнь въ разлагающемся обществѣ, какъ не больно сознавать тщетность и непримѣнимость своихъ силъ и душевныхъ дарованій, но еще больнѣе сознавать, что вотъ сейчасъ мое существованіе окончится и отъ моей личности, воли, сомнѣній останется одно имя, одинъ звукъ, ничего... Какъ не худа жизнь, но она лучше нуля. Вся природа боится пустоты, вѣчнаго покоя и человѣку свойственно избѣгать наступленія этой пустоты.

Не въ отсутствіи вѣры въ загробную жизнь нужно искать причинъ страшнаго развитія само-

убійствъ въ Римскомъ государствѣ, а скорѣе въ тѣхъ особенностяхъ склада общественной и частной жизни Римлянъ, которыя ясно можно прослѣдить даже въ этомъ краткомъ историческомъ очеркѣ, самоубійствъ въ Римскомъ государствѣ.

Необходимымъ условіемъ, при которомъ особенно сильно развивается страсть къ самоубійству, — слѣдуетъ признать «презрѣніе къ жизни». Презрѣніе же къ смерти не есть отличительный признакъ самоубійцы, а качество присущее вообще всѣмъ храбрымъ, великодушнымъ людямъ.

Чтобы въ обществѣ создалось сознательное презрѣніе къ жизни, для этого нужно, чтобы нѣсколько условій шли рука объ руку, а именно: распушенность нравовъ, половое переутомленіе, а въ связи съ нимъ нервное разстройство; неправильное воспитаніе, направленное на развитіе въ юношахъ убѣжденій, что жизнь не составляетъ сама по себѣ высокой и благой цѣли; притупленіе чувствъ любви и привязанности къ родинѣ и къ семейному очагу; примѣръ другихъ самоубійцъ и полное отсутствіе законодательныхъ нормъ, могущихъ хоть сколько нибудь сдержать стремленіе къ самоубійству опасеніемъ подвергнуть черезъ него несчастіямъ близкихъ любимыхъ существъ или самому по смерти подвергнуться поруганіямъ и позору.

Впрочемъ на послѣднемъ условіи нельзя очень настаивать, потому что противъ него можно возразить очень много. Во первыхъ говорятъ, что человѣка, рѣшившаго умереть, не можетъ остановить мысль, что надъ бѣднымъ его тѣломъ будутъ

издѣваться. Для невѣрующаго, говорятъ далѣе, лишеніе погребенія не можетъ составлять такой угрозы, которая въ состояніи остановить его отъ гибельнаго стремленія къ самоубійству, а если вѣрующій въ Бога и его заповѣди рѣшается преступить Божественныя запреты и лишаетъ себя жизни, то человѣческій запретъ лишитъ его погребенія не властенъ остановить руку такого самоубійцы. Далѣе говорятъ, что наказывать безчувственное тѣло также не разумно, какъ наказывать мраморную статую. Душу же умершаго, человѣческое законодательство не въ состояніи карать своими нормами. Что же касается до лишенія силы предсмертныхъ распоряженій самоубійцы, до конфискаціи его имущества и до запрещенія носить по немъ трауръ, то всѣ эти мѣры ложатся тяжкимъ наказаніемъ на родныхъ и близкихъ самоубійцы, ни въ чемъ не повинныхъ. Если же разсматривать эти мѣры, какъ средство, предупреждающее самоубійство, то придется признать это средство вовсе недостигающимъ своей цѣли. Если самоубійца эгоистъ ни о комъ не думающій и никого не любящій, то перспектива нанести ущербъ своимъ наслѣдникамъ не слишкомъ его встрѣвожитъ; если же на оборотъ, будучи примѣрнымъ отцомъ, мужемъ или сыномъ, онъ при всей любви къ роднымъ чувствуетъ такое влеченіе къ смерти, что не желаетъ или не считаетъ возможнымъ жить на благо и радость своихъ ближнихъ, то угроза закона его не остановитъ отъ приведенія въ исполненіе его намѣренія.

Впрочемъ болѣе подробное разсмотрѣніе цѣлесообразности наказаній за самоубійство читатели найдутъ въ послѣдней части моего настоящаго труда, посвященной разсмотрѣнію отечественнаго законодательства касательно этого вопроса.

Самоубійство въ средніе вѣка.

„Духовное завѣщаніе этого несчастнаго самоубійцы Филиппа Строни свидѣтельствуетъ, что „онъ былъ глубоко вѣрующій человѣкъ“.

Въ первыя столѣтія послѣ Рождества Христова христіанство, учившее, что всѣ люди равны предъ Богомъ и что одинъ Богъ властенъ въ жизни и смерти человѣка, медленно распространялось въ сѣверной Европѣ и потому тамъ еще продолжали господствовать тѣ воззрѣнія, о которыхъ было говорено въ предшествующей книгѣ. Христіанство подавило въ Европѣ идолопоклонничество и новая вѣра измѣнила настроеніе мыслей, господствовавшее въ языческой Римской имперіи, внушивъ уваженіе къ женщинамъ и отрицая рабство. Но когда Римская имперія подпала власти сѣверныхъ дикихъ народовъ, то столкovenіе этихъ двухъ цивилизацій не осталось безъ вліянія на всю тогдашнюю историческую Европу. Съ одной стороны Христіанство стало быстрѣе распространяться среди варваровъ, съ другой стороны и Римская культура не могла не измѣнить своего характера подъ вліяніемъ давленія, оказаннаго на нея этими варварами.

Въ италіанскихъ обществахъ того времени часто встрѣчалась наклонность къ самоубійству, которая вызывалась преимущественно душевными

болѣзнями. Но съ того времени, когда Христіанство окончательно утвердилось въ Европѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, когда Европа приняла видъ большого феодальнаго лагеря — тогда поклоненіе физической силѣ, животная привязанность къ земной жизни и ея внѣшнимъ благамъ, постоянныя войны, турниры, охоты и безконечныя попойки феодаловъ въ ихъ крѣпкихъ и мрачныхъ замкахъ, отсутствіе умственныхъ интересовъ, слѣпое поклоненіе обрядамъ и формамъ религіи, осуждавшей самоубійство — вотъ картина того состоянія, въ которомъ мы находимъ средневѣковое общество.

Правда и въ средніе вѣка самоубійства не прекращались, но они уже далеко не представляли въ своемъ развитіи того величественнаго характера, какой имѣли самоубійства въ Римской Имперіи. Ниже будутъ приведены историческіе примѣры самоубійства въ средніе вѣка и изъ нихъ можно легко убѣдиться что способы и мотивы самоубійствъ того времени были такъ же грубы, какъ обычаи и нравы феодальной эпохи. Весь кругъ тогдашней цивилизаціи исчерпывался двумя основными элементами церковью и феодализмомъ. Церковь руководила умственнымъ индивидуальнымъ развитіемъ человѣка, феодализмъ былъ органомъ и основой жизни общественной, а такъ какъ феодальное устройство не есть въ сущности устройство государственное, а скорѣе представляетъ переходную степень отъ отношеній фамиліальныхъ къ государственнымъ, то и вся исторія среднихъ вѣковъ есть не столько исторія народовъ и государствъ сколько

исторія отдѣльныхъ лицъ и фамилій. Излагая исторію самоубійства необходимо имѣть ввиду эту особенность среднихъ вѣковъ, на которую указалъ уже профессоръ Петровъ. И странное явленіе, въ то время, какъ соборы церковные изрѣкали осужденіе самоубійцамъ и назначали строгія наказанія за покушеніе на собственную жизнь, какъ въ феодалномъ обществѣ подъ вліяніемъ грубой привязанности къ земной жизни и суевѣрнаго страха предъ адомъ, наклонность къ самоубійству, унаслѣдованная еще отъ языческихъ вѣковъ, быстро уменьшалась и самые случаи самоубійства въ свѣтскомъ обществѣ становились все рѣже и рѣже, въ то же самое время въ монастыряхъ, служившихъ центрами тогдашней умственной и духовной жизни, — самоубійства становятся явленіемъ чрезвычайно распространеннымъ. Религіозная экзальтированность, побуждавшая къ аскетической жизни, нерѣдко доводила монаховъ до самоубійства, вызваннаго меланхоліею и умственнымъ разстройствомъ. Такъ какъ главная задача настоящаго изслѣдованія — разсмотрѣніе самоубійства, какъ дѣянія, совершившагося подъ вліяніемъ сознательнаго отношенія къ значенію этого дѣянія въ исторіи отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ — то едва-ли будетъ нужно подробно останавливаться на разсмотрѣніи самоубійствъ, происходившихъ въ монастыряхъ, какъ результатъ умственнаго разстройства.

За то изъ историческихъ примѣровъ самоубійствъ въ началѣ среднихъ вѣковъ мы приведемъ на память самоубійства Меровея, Графа Палладія,

и другія, о которыхъ упоминаетъ Григорій Турскій. Меровой сынъ Кильперика, будучи взятъ въ плѣнъ своими врагами, просилъ своего друга Гайленъ убить его, чтобы не оставлять во власти враговъ. Гайленъ безпрекословно исполнилъ его просьбу и закололъ своего друга мечомъ.

Графъ Палладій, потерявъ по проискамъ своего врага епископа Геводана, свое графство и узнавъ, что король хочетъ подвергнуть его смертной казни, самъ лишилъ себя жизни, проколовъ себѣ грудь своею шпагою. Его похоронили за монастырскою оградою вдали отъ другихъ могилъ и безъ панихиды. Тотъ же Григорій Турскій рассказываетъ, что несчастные, которыхъ король Хильперикъ I заставилъ сопровождать молодую Ригенту въ Испанію, удавились, не желая разстаться съ родиной.

Въ концѣ четвертаго столѣтія самоубійство подверглось очень строгому осужденію со стороны преподобнаго Августина. Такъ какъ ученіе преподобнаго Августина исчерпываетъ почти всѣ доводы, которые обыкновенно приводятся и въ настоящее время, какъ доказательство преступности и зловредности самоубійства, то будетъ не лишнимъ изложить здѣсь сущность возрѣній преподобнаго Августина *). «Самоубійца есть человекоубійца и онъ тѣмъ болѣе виновенъ, чѣмъ менѣе у него было причинъ къ лишенію себя жизни. Шестая

*) De civitate Dei въ русскомъ переводѣ изд. Московское 1788 года: «избранныя сочиненія Августина».

«заповѣдь говоритъ не «убій», не прибавляя, твоего «ближняго; а такъ какъ Спаситель завѣщаль лю-
«бить ближняго, какъ самого себя, то слѣдовательно
«убивающій себя грѣшитъ противъ 6-ой заповѣди,
«ибо она запрещаетъ вообще убивать человѣка.
«Нужно уважать тѣхъ, кто умѣетъ жить среди
«непріятностей, а не тѣхъ, кто ищетъ отъ нихъ
«спасенія въ смерти. Самоубійство едва-ли слу-
«жить признакомъ величія души; но изъ всѣхъ
«историческихъ примѣровъ наиболѣе извинитель-
«нымъ самоубійствомъ преподобный Августинъ счи-
«таетъ самоубійство Клеомброта, который бросился
«съ высокой ограды внизъ, чтобы скорѣе испытать
«блаженство души въ загробномъ мірѣ, о которомъ
«онъ прочиталъ у Платона. Самъ Спаситель не
«одобрялъ самоубійство онъ совѣтовалъ своимъ
«апостоламъ бѣжать въ другой городъ, когда ихъ
будутъ гнать въ одномъ городѣ» *).

Популярность этихъ поученій преподобнаго
Августина послужила главною причиною ихъ прак-
тического примѣненія. Вселенскіе соборы приняли
ученіе Преподобнаго Августина. Однако и въ сред-
ніе вѣка бывали мѣстности, гдѣ по временамъ уве-
личивалась склонность къ самоубійству, такъ на-
примѣръ у Аріанскихъ Вестъ-Готовъ самоубійства
были столь часты въ 6-мъ столѣтіи, что соборъ
въ Брагъ въ 563 году занялся обсужденіемъ мѣръ
борьбы съ самоубійствомъ и издалъ постановленіе,
запрещающее хоронить самоубійцъ и даже пѣть

*) Еванг. отъ Матв. гл. X ст. 23.

надъ ними псалмы. Въ періодъ отъ V до X вѣка по Рож. Хр. мы вообще встрѣчаемъ очень рѣдко случаи самоубійствъ въ феодальномъ обществѣ. Хотя Іоаннъ Златоустъ и утверждаетъ, что въ его время среди самыхъ шумныхъ свѣтскихъ удовольствій люди томились глубокою грустью и болѣзненнымъ безпокойствомъ, однако надо полагать, что грустное настроеніе и душевная болѣзнь, называвшаяся въ средніе вѣка, «*accidia*», были почти исключительно свойственны монастырямъ, поэтому въ хроникахъ монастырей часто упоминаются случаи самоубійства, тогда какъ въ свѣтской исторіи самоубійства очень рѣдки.

Исторія христіанской церкви свидѣтельствуетъ, что нѣкоторыя изъ благочестивыхъ женщинъ лишили себя жизни и не смотря на то церковь признала ихъ святыми. Такъ Bertrand *), ссылаясь на исторію церкви Eusèbe (lib. VIII cap. XII) говоритъ что Св. Домна (Domnina) и ея двѣ дочери дѣвственницы Св. Береника и Продоса (Bérénice et Prosdose) утопились, чтобы избѣгнуть изнасилованія. У того же Eusebe'a Bertrand почерпаетъ свѣдѣнія о римской Матронѣ, заколовшейся кинжаломъ, въ ту минуту, когда за нею пришли архонты Максентія, чтобы вести ее къ сластолюбивому правителю. Эта Матрона такъ-же причислена къ лику святыхъ подъ именемъ Св. Софроніи (Sophronie).

Во времена нашествія Гунновъ ужасный Атила, завладѣвъ городомъ Аквилеею, влюбился въ

*) Louis Bertrand «*Traite, du Suicide*» изд. 1857 г. стр. 41.

Дигну и хотѣлъ во чтобы то ни стало овладѣть ею. Дигна сдѣлала видъ, что она соглашается на его просьбы и предложила ему подняться съ нею вмѣстѣ въ самый верхній этажъ, гдѣ по ея словамъ находилась ея спальня. Атилла согласился. Но какъ скоро они вошли на верхъ, Дигна раскрыла окно и крикнувъ Атиллѣ, «если ты хочешь мною овладѣть спѣши за мною» стремительно выбросилась изъ окна, прежде чѣмъ ошеломленный варваръ успѣлъ ее удержать. Впрочемъ Св. Тома*) не одобряетъ самоубійства даже этихъ благочестивыхъ женщинъ «non licet mulieri se ipsam occidere», говоритъ онъ, «ne ab alio corrumpatur. Non enim «est crimen mulieris per violentiam violatae si consensus, non adsit, quia non inguinatur corpus nisi «de consensu mentis. Constat autem minus esse peccatum adulterium, quam homicidium et praecipue «sui ipsius».

Свѣтское законодательство среднихъ вѣковъ очень, строго преслѣдовало самоубійство. Эрнстъ Энгель **) приводитъ цѣлый рядъ законовъ и обычаевъ рипуарскихъ, франконскихъ, саксонскихъ, кельнскихъ и проч. въ силу которыхъ самоубійцы лишали погребенія, а трупъ ихъ палачъ вывозилъ на ослѣ и вѣшалъ на виселицу.

Нормандскіе законы различаютъ самоубійство съ цѣлью избѣжать заслуженнаго наказанія отъ самоубійства, совершеннаго подъ вліяніемъ болѣзни

*) St. Tomas summa moralis doctrinae, 2. 2. 64 att 5.

**) Дзѣдушицкій: самоубійство изд. 1878 г. стр. 38.

и тяжкаго горя. Въ первомъ случаѣ имущество самоубійцы подвергается конфискаціи, а въ послѣднемъ случаѣ самоубійство остается безъ послѣдствія *). По 631 ст. обычнаго права Бретаніи тѣло самоубійцы должно быть повѣшано за ноги, а имущество конфискуется.

По обычаю въ Лиллѣ тѣло самоубійцы тащилось до площади и здѣсь вѣшалось. Тѣла же женщинъ, окончившихъ свою жизнь самоубійствомъ не вѣшались, но сжигались.

Въ Цюрихѣ трупъ самоубійцы вытаскивали изъ дома веревками, черезъ отверстие, продѣланное подъ дверями. Если самоубійца закололся, то на его могилѣ въ головахъ сажали дерево или деревянный колъ съ воткнутымъ въ него ножомъ; если онъ утопился его погребали въ пяти шагахъ отъ воды; если онъ бросился въ колодезь, то ему клали три камня, одинъ на голову, другой на животъ, третій на ноги. Наконецъ дошли до того, что стали вырывать тѣла лицъ уже похороненныхъ, но въ послѣдствіе заподозренныхъ въ самоубійствѣ. Впрочемъ по истеченіи пяти лѣтняго срока давности современи смерти уже нельзя было начинать процесса противъ трупа по обвиненію его въ самоубійствѣ **).

Карлъ Великій узаконяетъ церковный обычай, въ силу котораго запрещаетъ сопровождать похороны самоубійцъ церковными обрядами и панихи-

*) Coutumes de Normandie chap IX art 149 Lisle «du Suicide» стр. 405.

**) Lisle — стр. 409.

дами, тѣмъ не менѣе подѣ вліяніемъ тѣхъ убѣжденій, которыя все еще господствовали среди его народа Карлъ разрѣшаетъ пѣть псалмы на этихъ похоронахъ, потому что говоритъ онъ, «Судъ Божій непостижимъ и пути его не исповѣдимы» Capit. Carol 462, I. VI)*).

Папа Николай I полагалъ, что не слѣдуетъ молиться объ упокоеніи души тѣхъ людей, которые совершили смертельный грѣхъ и, убивая себя, уподобились Іудѣ Предателю**). Церковный соборъ (Аухегге) въ 576 г. по Рож. Хр. запрещаетъ поминать имена самоубійцъ во время обѣдни, а 16-ый соборъ въ Толедо отлучаетъ на два мѣсяца отъ церкви и причащенія за покушеніе на самоубійство***). Въ IX столѣтіи соборъ въ Триестѣ подтверждаетъ всѣ эти постановленія относительно самоубійцъ.

Около этого же времени свѣтское законодательство окончательно перемѣшивается съ духовными постановленіями и вся система свѣтскихъ кодексовъ уже пропитана духомъ каноническаго права.

Людовикъ Святой въ своемъ ордонансѣ 1270 года устанавливаетъ имущественную конфискацію за самоубійство и повѣшаніе тѣла самоубійцы ввидѣ наказанія.

*) Legoyt — le suicide ancien. et moderne стр. 104.

**) Legoyt. idem — стр. 104.

***) Невзоровъ — о самоубійствѣ — Казань 1891 года стр. 63.

Въ XIV вѣкѣ Карлъ V распространяетъ дѣйствіе этихъ законовъ о самоубійствѣ на всѣ подвластные ему страны. Глосса гражданская и итальянскіе криминалисты XV и XVI вѣка постановляютъ, чтобы трупъ самоубійцы былъ повѣшенъ и лишенъ Христіанскаго погребенія. Карпцовъ въ своей «прагматика» считаетъ самоубійство преступленіемъ убійства другаго человѣка, ибо въ 1-омъ случаѣ посягается не только на тѣло, но и на душу, а во второмъ умерщвляютъ только тѣло другаго. По обычаю среднихъ вѣковъ самоубійцу хоронили безъ церковныхъ обрядовъ даже тогда, если самоубійство произошло въ состояніи умопомѣшательства.

Въ то время какъ во всей почти западной Европѣ царили суровые, бессмысленные законы, каравшіе тѣла самоубійцъ и отнимавшіе имущество преступниковъ у ихъ законныхъ наслѣдниковъ, Любекское право, дѣйствовавшее, въ Остзейскомъ краѣ, не налагало за самоубійство никакихъ наказаній и не дозволяло конфисковать имущество. Любекское право для г. Ревеля изданное на латинскомъ языкѣ въ 1347 году въ § 79 устанавливаетъ: *Si aliquis se ipsum interficit quod dominus deus auertat vel per sententia decollatus aut suspensus fuerit heredes onnem hereditatem suam integraliter percipient et nullus in hereditate quiquam poterit optinere* *). Въ изданіи 1586 года Любекскаго

*) Бунге «Die Quellen des Revaler Stadtrechts» изд. 1844 г., Дерптъ, ч. I стр. 31.

права для г. Ревеля въ книгѣ 4, титулъ 9, озаглавленный: «Von denen welche ihnen selbst den Todt anlegen» (liber 4, titulus) *) устанавливается въ § 1, что «если кто нибудь самъ отниметъ свою жизнь, или по суду будетъ лишенъ жизни, его наслѣдники удерживаютъ все имущество и судъ «ничего изъ его имущества не получаетъ». А въ § 2 того же титула содержится единственная репресія противъ самсубійцы, а именно говорится что кто самъ себя убьетъ, тотъ долженъ быть погребенъ въ полѣ. Такимъ образомъ уже въ тѣ отдаленныя времена, когда личность преступника почти повсемѣстно смѣшивалась съ участью всей его семьи и друзей, когда законы свѣтскіе повсюду карали тѣла умершихъ и допускали конфискацію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, въ то темное и печальное время своеволія и суевѣрій законодательство Остзейскаго края, т. е. нынѣшнихъ Русскихъ Прибалтійскихъ губерній, составляло отрядное исключеніе, представляя рѣдкій примѣръ уваженія къ человѣческой личности и ея имущественнымъ правамъ, провозгласивъ великій принципъ, ставшій нынѣ краеугольнымъ камнемъ всѣхъ современныхъ уголовныхъ кодексовъ, что ни въ чемъ не повинная семья преступника не должна подвергаться преслѣдованію и раззорѣнію и что каждый долженъ отвѣчать только за свои собственные преступленія, но не можетъ быть караемъ за чужіе грѣхи.

*) Idem стр. 178 ч. I Бунге.

Замѣчательно, что въ то время, когда неоспоримо, аксіомою считалось, что самоубійство страшный грѣхъ и величайшее преступленіе, «Робертъ I Норманскій, прозванный Діаволомъ, лишилъ себя жизни, написавъ предварительно сочиненіе о самоубійствѣ, гдѣ онъ доказываетъ что никакіе законы не воспрещаютъ человѣку лишить себя жизни. Главный его доводъ въ пользу самоубійства это тотъ, что «если со смертію тѣла умираетъ и душа, т. е. если нѣтъ загробной жизни, то не можетъ «быть преступленіемъ самоубійство, такъ какъ оно «въ этомъ случаѣ причиняетъ зло только тѣлу, а «не душѣ. Тѣло же есть только ничтожная машина, сохраненію которой не слѣдуетъ предавать «большаго значенія. Если-же есть загробный міръ, «лучшій чѣмъ земной, то освободить душу отъ «земныхъ оковъ, значитъ ускорить ея переходъ въ «этотъ лучшій міръ». Иначе говоря, *если душа безсмертна, то лишить себя жизни очень пріятно*»). «Кромѣ того самовольная смерть иногда «можетъ являться единственнымъ средствомъ избѣ-
«жать болѣе значительныхъ преступленій».

Но средніе вѣка видѣли такія поразительныя картины самоубійства передъ которыми блѣднѣютъ даже звѣрства Кимвровъ и Тевтоновъ. Мы говоримъ здѣсь объ извѣстныхъ въ исторіи Европы самоубійствахъ Евреевъ. Гонимые фанатичными католиками, они въ отчаяніи лишали себя жизни

*) «Ольхинъ» о самоубійствѣ въ медицинскомъ отношеніи стр. 27 изд. 1859 года.

часто, чтобы избѣжать жестокихъ физическихъ мученій, иногда, чтобы не измѣнить завѣтамъ своей религіи. Въ Іоркѣ, какъ повѣствуетъ бібліотека de l'ecole des Chartes 500 евреевъ, будучи приговорены къ смерти, рѣшили лучше погибнуть отъ руки своихъ товарищей по несчастію, чѣмъ лишиться жизни отъ руки ненавистныхъ имъ Христіанъ и всѣ они по очереди убили другъ друга. Тоже повторялось и въ другихъ городахъ, такъ въ 1320 году по Рож. Хр. 500 евреевъ осажденные въ крѣпости, чтобы не достаться живыми въ руки враговъ, задушили другъ друга. Въ 1321 году 40 евреевъ было заключено въ темницу и ожидали казни; самый старый изъ нихъ сговорился съ однимъ молодымъ евреемъ и они вмѣстѣ перерѣзали своихъ товарищей во время ихъ сна, а затѣмъ молодой еврей, убивъ своего престарѣлаго помощника въ этой страшной рѣзнѣ, лишилъ себя также жизни.

Когда на утро пришелъ тюремщикъ, то его взорамъ предстала еще не виданная имъ картина, заставившая поблѣднѣть даже его, уже давно привыкшаго ко всякимъ ужасамъ.

Начиная съ XIV вѣка самоубійства въ Европѣ въ свѣтскомъ мірѣ опять учащаются. Это явленіе еще не вполне разъяснено, но нѣкоторые изслѣдователи объясняютъ эту возрастающую наклонность къ самоубійству вліяніемъ такихъ писателей, которые, открыто уже начинаютъ восторгаться древней культурой Рима и защищать самоубійство.

Вліянію этихъ ученій Буркело *) приписываютъ, впрочемъ безъ всякихъ доказательствъ, смерть въ 1538 г. Филиппа Strozi, который, когда его обвинили въ томъ, что онъ участвовалъ въ убійствѣ герцога Александра I, лишилъ себя жизни, чтобы не выдать своихъ сообщниковъ, имена которыхъ могли вырваться изъ его устъ во время мученій инквизиціи. *Завѣщаніе этого несчастнаго свидѣтельствуетъ, что онъ былъ глубоко вѣрующій человекъ; въ этомъ завѣщаніи онъ сознается, что лишаетъ себя жизни не безъ сожалѣнія и что единственная цѣль этой добровольной смерти не оставаться долѣе во власти жестокихъ враговъ, которые пытку хотятъ отъ него вырвать признаніе, могущее повредить чести и счастью его друзей и родныхъ. Въ концѣ своего предсмертнаго посланія онъ умоляетъ Милосерднаго Бога дать его душу убожище вмѣстѣ съ душою Катона и другихъ добродѣтельныхъ мужей, окончившихъ жизнь самоубійствомъ.*

И такъ мы видимъ изъ этихъ примѣровъ, что ни страхъ вѣчныхъ мученій, который самоубійцамъ сулили церковныя учителя, ни позоръ которому подвергали тѣло самоубійцы, ни наконецъ искренняя вѣра въ будущую жизнь не удерживали и въ средніе вѣка руку людей, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ сознательно рѣшились покончить съ своимъ земнымъ существованіемъ. Этотъ

*) Félix Bourquelot «Recherches sur les opinions et la législation, en matière de mort volontaire pendant le moyen âge».

историческій фактъ сильнѣе всякихъ теорій говорить противъ жестокихъ и суровыхъ мѣръ, принятыхъ средневѣковымъ законодательствомъ по отношенію къ самоубійству. Даже учителя католической церкви и тѣ иногда были вынуждены снисходительно смотрѣть на отдѣльные случаи самоубійствъ. Такъ Іезуитъ Маріана по поводу смерти Маріи Коронель въ 1353 г. замѣтилъ «что она достойна лучшаго вѣка». Эта женщина, будучи разлучена по приказанію Петра Жестокаго съ своимъ мужемъ, лишила себя жизни изъ опасенія, что ея пылкая натура не дастъ ей возможности остаться цѣломудренной и избѣжать тѣхъ искушеній, которыя при ея молодости и красотѣ сулила ей жизнь въ свѣтѣ.

Въ Страсбургѣ повѣсился епископъ. Тѣло его было по рѣшенію суда положено въ бочку и брошено въ Рейнъ, вѣроятно въ назиданіе потомства.

Есть основаніе полагать, что Карлъ VII умерилъ себя голодомъ. Поэтъ Этиенъ Мансинель лишилъ себя жизни, умышленно пренебрегая лѣченіемъ, послѣ того какъ жестокій Папа Александръ VI велѣлъ отрубить ему за сатиру руку и языкъ*).

Астрологъ Еремей Карданусъ рассчиталъ по звѣздамъ день своей смерти. Когда наступилъ этотъ срокъ онъ какъ полагаютъ умерилъ себя го-

*) Brierre de Boismon «Du Suicide et de la folie suicide» стр. 477.

лодомъ для того, чтобы не выказать ложности астрологіи **).

Если ко всему сказанному уже о самоубійствѣ въ средніе вѣка прибавить еще вліяніе демономаніи и волшебства, отъ которыхъ погибло такое подавляющее количество нервныхъ и душевно больныхъ мужчинъ и въ особенности женщинъ, то цифровыя данныя самоубійства въ средніе вѣка возрастутъ до чрезвычайности. Но мы не считаемъ нужнымъ рассказывать о многочисленныхъ случаяхъ, когда эти несчастные шли объявлять властямъ, что они одержимы злымъ духомъ, очень хорошо зная, что такое признаніе повлечетъ за собою сожженіе на кострѣ. Подъ вліяніемъ душевнаго расстройства погибли такимъ образомъ многія десятки тысячъ мнимыхъ колдуновъ и вѣдьмъ, которыхъ было-бы вполне справедливо причислить такъ же къ безсознательнымъ жертвамъ самоубійства. Что же касается до литературы и ученыхъ мнѣній то до XIV вѣка самоубійство безусловно ими осуждалось; такъ напримѣръ Данте въ Божественной комедіи (написанной въ 1300 г.) помѣститъ самоубійцу въ число грѣшниковъ, мучающихся въ аду. Души ихъ превратились въ деревья, а безжизненные тѣла на вѣки будутъ висѣть на тѣхъ же деревьяхъ и своимъ видомъ возбуждать вѣчное отвращеніе и ужасъ въ несчастныхъ грѣшникахъ.

**) Ольхинъ «о самоубійствѣ» стр. 99 и Liesle: «le suicide» стр. 420 и Ломброзо «геніальность и помѣшательство» стр. 84.

Многіе писатели, наримѣръ Буанафедъ, приписываютъ христіанству великую заслугу уменьшенія самоубійствъ. Впрочемъ никогда міръ не зналъ въ своей исторіи такого противорѣчія жизни съ теоріею, какъ въ средніе вѣка. Христіанство, осуждающее самоубійство, суровые, свѣтскіе законы, направленные не только противъ самого самоубійцы, но и противъ его семьи, его близкихъ, все это какъ то странно перемѣшивается съ жестокой, бессмысленной дѣятельностью инквизиціи, которая борется съ ересями, съ безнравственностью и въ то же время тысячами отправляетъ на костеръ мнимыхъ бѣсноватыхъ, открывая тѣмъ свободный путь къ самоубійству. Въ средніе вѣка самоубійцѣ не надо было прибѣгать къ яду или другому средству; достаточно было ему сказать одно слово передъ инквизиціею и его смертный приговоръ былъ подписанъ, онъ самъ добровольно лишалъ себя жизни, не налагая на себя рукъ... Кромѣ того, какъ уже было выше замѣчено, самоубійства были особенно часты въ монастыряхъ, представлявшихъ изъ себя умственные и религіозные центры средневѣковой жизни Европы, слѣдовательно едвали можно утверждать, что Христіанство искоренило самоубійство въ Европѣ, а приписывать ему такую исключительную заслугу совершенно не возможно по той причинѣ, что уже и въ до христіанскомъ мірѣ раздавались голоса Платона, Аристотеля, Плутарха, Эпиктета и др. великихъ мыслителей, осуждавшихъ самоубійство. Къ тому-же въ странахъ, гдѣ распространилось магометанство, самоубійства пред-

ставляются гораздо болѣе рѣдкимъ явленіемъ чѣмъ въ Христіанской Европѣ. Было бы конечно не справедливо приписывать отсутствіе самоубійствъ въ магометанскихъ странахъ исключительно религіознымъ догматамъ корана, осуждающаго самоубійцъ. Правда Пророкъ Магометъ говоритъ, что лишить себя жизни можетъ только тотъ, кто сомнѣвается въ его божественномъ посланничествѣ и правда что не одинъ правовѣрный не позволить себѣ подобнаго сомнѣнія, но все же причина отсутствія самоубійства у магометанъ далеко не кроется исключительно въ религіозныхъ запретахъ Магомета; ее надо искать глубже въ изученіи всего склада жизни магометанина, его вѣры въ предопредѣленіе, его желанія и умѣнія наслаждаться въ земной жизни такими благами, которыя и въ самомъ небесномъ раѣ мерещатся ему лишь отраженіемъ тѣхъ же земныхъ благъ. Рай Магомета, рай тѣлесный, чувственный; все духовное, все волнующее умъ и душу изгнано изъ этого рая; за то сердце и органы чувствъ принимаютъ въ немъ самое живое участіе. Какъ бы ни тяжело приходилось магометанину на землѣ, онъ все-таки не теряетъ надежды еще насладиться здѣсь своими чувствами и эта надежда поддерживаетъ въ немъ желаніе жить и жить во что-бы то ни стало.

Lisle *) утверждаетъ, что единственные случаи самоубійства, которые ему удалось найти въ исто-

*) Lisle du suicide statistique, médecine, histoire, et législation изд. 1856 г. Парижъ, стр. 346.

ріи мусульманъ, имѣли мѣсто только среди диссидентовъ, какъ то среди послѣдователей Бибека и Кармата и суровыхъ сектантовъ, подчиненныхъ Шейкуаль-Джебаль.

Одна религія еще не можетъ успѣшно бороться съ самоубійствомъ, не смотря на всю строгость своихъ запретовъ. Вѣра въ загробную жизнь не всегда останавливала руку самоубійцы, а часто даже подталкивала и одобряла эту руку, какъ это мы видѣли въ многочисленныхъ примѣрахъ указанныхъ въ 1-ой книгѣ. Клеомбротъ и ученики Гегезія лишили себя жизни для того, что бы скорѣй перейти въ загробный, безтѣлесный міръ и насладиться тамъ райскимъ блаженствомъ. Робертъ Норманскій высказывалъ такъ же далеко не новую мысль, что, если есть загробная жизнь, то переходъ къ ней отъ земной жизни долженъ представлять величайшее наслажденіе. Филиппъ Строци, какъ мы уже упоминали, лишая себя жизни, молился Богу и просилъ его дать его душѣ убѣжище въ раю. А когда въ послѣдней части нашего труда мы обратимся къ разсмотрѣнію взглядовъ на самоубійство ученыхъ и писателей XIX столѣтія, то намъ окончательно прійдетя убѣдиться въ томъ, что самоубійство среди вѣрующихъ въ загробную жизнь случаются гораздо чаще чѣмъ среди атеистовъ.

~~~~~

Самоубійства въ новые вѣка.

Aimer c'est être utile á soi
Se faire aimer, c'est être utile aux autres.
(Викторь Гюго).

„Я иду впередъ къ моему Отцу; я буду жаловаться Ему на то, что люди отняли тебя у меня и „Онъ будетъ утѣшать меня пока ты тоже не прійдешь; я полечу тогда къ тебѣ на встрѣчу, схвачу тебя и останусь съ тобою въ вознахъ Эфира передъ лицомъ Безконечнаго въ вѣчныхъ объятіяхъ“.
(Гете).

Замѣчательно, что самоубійства ослабѣваютъ всякій разъ, когда духовная жизнь народа пробуждается какимъ нибудь сильнымъ умственнымъ и религіознымъ движеніемъ; такъ во Франціи во время жестокихъ гоненій на Кальвинистовъ самоубійства однако воевъ не имѣли мѣста и побѣжденные Гугеноты все до единого умирали героями подъ ударами своихъ неумолимыхъ враговъ, никогда не прибѣгая къ самоубійству. Несмотря на этотъ историческій фактъ, нѣкоторые писатели католическаго лагеря утверждаютъ, что изученіе древнихъ классиковъ въ связи съ ученіемъ Кальвина о предопредѣленіи и ученіемъ Лютера о томъ, что каждый человѣкъ имѣетъ право толковать и примѣнять къ себѣ Св. Писаніе по собственному усмотрѣнію, дали ближайшій толчекъ къ сильному развитію самоубійствъ въ Европѣ. Въ доказательство этого своего мнѣнія Дзѣдушицкій*) приводитъ тра-

---

*) «Самоубійство» гр. Дзѣдушицкій стр. 43.

гическую судьбу молодой, прекрасной королевы Английской, Иоанны Грей, которая, будучи приговорена къ смерти въ 1554 году, мужественно взошла на эшафотъ и предпочла умереть отъ руки палача, не смотря на то, что ея любимый учитель, Асхама, не могшій помириться съ мыслью, что дочь Тюдоровъ публично будетъ казнена, на колѣняхъ умолялъ ее принять ядъ и тѣмъ избавиться отъ позора. Старикъ долго старался убѣдить свою ученицу въ необходимости самоубійства, но Иоанна Грей блистательно оспаривала его доводы и доказывала, что въ ея положеніи гораздо похвальнѣе переносить свою горькую участь, чѣмъ въ отчаяніи самой насильно прервать нить жизни. Доводамъ своего учителя она противопоставляла христіанское ученіе объ обязанностяхъ къ ближнимъ, утверждая, что мученическая смерть ея отъ руки палача прольетъ бальзамъ въ страждущія души другихъ несчастныхъ. Передъ смертью она сама описала весь свой разговоръ съ Асхамомъ своему духовнику въ письмѣ, которое почти цѣликомъ приводитъ г-жа де Сталь въ своемъ разсужденіи о самоубійствѣ.

Нельзя однако отрицать, что реформація глубоко потрясла духовную жизнь Европы, но въ замѣнъ разшатавшихся старыхъ основъ, не дала на первыхъ порахъ челоуѣчеству другихъ устоевъ, кромѣ собственнаго личнаго авторитета, а этотъ послѣдній не убѣждалъ людей въ томъ, что окружающая ихъ жизнь хороша и цѣлесообразна; оттого нельзя удивляться, что лица одаренные чрез-

вычайнымъ умомъ, сдѣлались защитниками самоубійства. Но не только въ протестантскихъ странахъ появились сочиненія, оправдывающія самоубійство, даже въ католической Франціи раздавались голоса защищающіе его. Извѣстный скептикъ Монтень, девизомъ котораго было «Que sais-je?!» въ своемъ «Essays» — изданномъ въ 1580 г., приводитъ множество доводовъ какъ противъ самоубійства, такъ и за него, вслѣдствіе чего нѣкоторые писатели ошибочно относятъ его къ партизанамъ самоубійства; въ дѣйствительности же Монтень въ этомъ разсужденіи остался вѣренъ себѣ и какъ скептикъ и блестящій софистъ наговорилъ множество противорѣчивыхъ положеній, но въ концѣ концовъ, какъ всякій скептикъ, не могъ не отнестись отрицательно къ такому мрачному явленію въ природѣ, какимъ представляется смерть для всякаго невѣрующаго въ загробную жизнь. И Монтень, по нашему мнѣнію, не можетъ и не долженъ стоять въ рядахъ защитниковъ самоубійства. Правда Монтень говоритъ, что чѣловѣкъ «который не боится смерти, ничего не боится; что подчиняться страданіямъ — слабость, но поддерживать ихъ — безуміе! что «какъ челоувѣкъ берущій свою вещь, не совершаетъ преступленія, такъ точно, лишая себя жизни, самоубійца не нарушаетъ законовъ, запрещающихъ «убійство». Но за то, *какъ скептикъ, сомнѣвающийся въ будущей жизни, Монтень не могъ удержаться отъ жестокаго приговора самоубійству.* «Смѣшно», говоритъ онъ, «пренебрегать собственною землею жизнью, которая есть

«величайшее благо и сокровище наше. Пренебрегать собою противно законамъ природы и ни одно существо въ мірѣ не можетъ отказаться отъ чувства самосохраненія». А если вспомнить, что у Монтеня есть слѣдующее мѣсто: «C'est le rôle de la conardise, non de la vertu, de sàller topir dans un creux, sous une tombe massive, pour éviter les coups de fortune», то станетъ совсѣмъ непонятно, какъ нѣкоторые писатели причисляютъ его къ защитникамъ самоубійства.

Абатъ Верже-де-Горанъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Saint-Cyran, другъ Янсена и распространитель его ученія, написалъ около 1610 г. «Question royale», въ которомъ является защитникомъ самоубійства, совѣтуя исполнять его по возможности безболѣзненно, посредствомъ напр. удушенія, открытія жилъ и т. п. Онъ причисляетъ къ геройскимъ подвигамъ тѣ случаи, когда подданные самоубійствомъ оканчиваютъ свою жизнь для сокращенія государственной тайны и жертвуютъ своею жизнью своему Государю. Все сочиненіе Saint-Cyran проникнуто вѣрою въ загробную жизнь, и во многихъ мѣстахъ исходною точкою его возрѣній служить Богъ. Такъ напр. онъ горюитъ, что какъ жизнь такъ и свобода въ одинаковой мѣрѣ исходятъ отъ Бога и послѣдняя дана человѣку, чтобы онъ жилъ, а жизнь дана чтобы «онъ былъ свободенъ». Когда же свобода отнята, то было бы противно здравому смыслу оберегать жизнь». Можно не соглашаться съ возрѣніями Saint-Cyran, можно ихъ оспаривать, но нельзя не отмѣтить того факта,

что скептикъ Монтень — порицаетъ самоубійство, а католическій Абатъ S. Суган защищаетъ лояльность и осмысленность самовольнаго перехода человека въ другой лучший міръ, гдѣ царитъ вѣчная правда и свобода. . . .

Во времена Людовика XIV самоубійства во Франціи были явленіемъ очень распространеннымъ; люди лишали себя жизни изъ за самыхъ ничтожныхъ пустяковъ, такъ напр. Гофмаршалъ Принца Конде Батель окончилъ жизнь самоубійствомъ только потому, что во время не поспѣла къ обѣду рыба, заказанная имъ для угощенія Людовика XIV въ замкѣ Шантильи; вскорѣ послѣ его смерти привезли ожидаемую рыбу. Многие изъ свиты короля удивлялись высокому развитію чувства чести у Бателя, но были и такіе, которые находили его поступокъ глупымъ. Однако самъ Людовикъ XIV очень сурово относился къ случаямъ самоубійства и въ 1670 г. издалъ эдиктъ, въ которомъ было приказано не хоронить самоубійцъ на кладбищѣ, а вѣшать ихъ трупы за ноги на виселицѣ. Духовное завѣщаніе самоубійцъ должно считаться недействительнымъ и въ случаѣ неимѣнія у него близкихъ законныхъ родственниковъ имущество самоубійцы подвергалось конфискаціи.

Семнадцатый вѣкъ ознаменовался многочисленными самоубійствами среди выдающихся людей мысли и науки: около 1645 года стрѣляется въ Голландіи знаменитый Уріель Акоста. Затѣмъ въ 1693 г. англійскій деистъ Карлъ Блонтъ, рьяный защитникъ самоубійства, лишаетъ себя жизни,

потому что ему не разрѣшили жениться на вдовѣ его брата. Томасъ Кричъ, англійскій переводчикъ Лукреція, слѣдуетъ примѣру своего идеала Лукреція и лишаетъ себя жизни въ 1700 г. На поляхъ его рукописи, заключающей въ себѣ прелестный переводъ Лукреція, нашли примѣчаніе: «когда я кончу мою книгу, необходимо будетъ покончить съ жизнью».

Англія считается весьма многими писателями классическою страной сплина, а слѣдовательно и самоубійства, но въ дѣйствительности officialная статистика убѣждаетъ въ томъ, что Англія въ отношеніи количества самоубійствъ стоитъ значительно ниже Германіи и Австріи. По излѣдованіямъ Морзелли «Il suicidio» изд. въ Миланѣ въ 1879 г. оказывается, что даже въ Югосточныхъ графствахъ Англіи, гдѣ особенно часты самоубійства, количество ихъ доходитъ только до ста на миллионъ жителей, тогда какъ въ Богеміи, Бургундіи, въ Баденѣ, Провансѣ, Сѣверной Швейцаріи и Австрійской Силезіи количество самоубійствъ достигаетъ двухсотъ случаевъ на 1 миллионъ жителей; а въ нижней Австріи, въ Саксоніи, въ Шампани и въ Фландріи превышаетъ даже 250 случаевъ на миллионъ жителей.

Изъ Англійской исторіи Смоллета видно, что самоубійства въ низшихъ классахъ англійскаго народа были вовсе не часты; по крайней мѣрѣ Смоллетъ съ удивленіемъ рассказываетъ о трагическомъ самоубійствѣ разорившихся супруговъ Роберта и Бригиты Смиттъ. Прежде чѣмъ покончить съ со-

бою, они убили своего ребенка и оставили записку слѣдующаго содержанія: «мы надѣмся, что Богъ насъ проститъ: мы покинули міръ, потому что у насъ не было никакихъ средствъ и мы были очень несчастны. Что-бы нашъ единственный сынъ не сдѣлался бы такимъ же несчастнымъ какъ и мы, мы оказали ему услугу, лишивъ его жизни. Въ нашемъ жилищѣ остается только собака и кошка, заботу о которыхъ мы возлагаемъ на добрыхъ людей».

Однако Англійская исторія насчитываетъ кроме уже выше названныхъ лицъ нѣсколько выдающихся государственныхъ мужей и ученыхъ, покончившихъ добровольно свое земное существованіе. Такъ въ 1727 г. лишилъ себя жизни Лордъ Скарборугъ. Современники утверждали, что причиною его самоубійства было затруднительное положеніе, въ которое онъ попалъ, благодаря тому, что, уважая одну молодую особу; онъ обѣщалъ ей жениться на ней, но въ скорѣ узналъ другую женщину, которой правда ничего не обѣщалъ, но которую за то страстно полюбилъ. Не желая измѣнить своему обѣщанію и, въ то-же время не имѣя силы разстаться съ любимой женщиной, онъ рѣшилъ покончить съ собою самоубійствомъ. Въ 1770 году въ Англій лишилъ себя жизни талантливый молодой поэтъ Томасъ Чатертонъ 18 лѣтъ отъ рожденія; онъ отравился, потому что ему приходилось бороться съ страшной нищетою. Смерть этого юноши произвела сильное впечатлѣніе въ Англійскомъ обществѣ и память о немъ была увѣ-

ковѣчена прекраснымъ стихотвореніемъ французскаго поэта Альфреда-де-ла-Виньи, который саздалъ изъ этого происшествія одну изъ лучшихъ своихъ драмъ. Въ предисловіи къ этой драмѣ Альфредъ-де-ла-Виньи говоритъ: «и такъ онъ т. е. Чатер-тонъ теперь сдѣлался преступникомъ передъ Богомъ и передъ людьми, потому что самоубійство «преступленіе религіозное и соціальное». Около того же времени въ припадкѣ глубокой меланхоли лишилъ себя жизни бывшій Бенгальскій губернаторъ Лордъ Робертъ Клявъ (въ 1774 г.), а у Баунафеда и у Легуа *) мы находимъ еще такъ же описаніе загадочнаго самоубійства Филиппа Мортонанта, двоюроднаго брата знаменитаго графа Пейторборуга. Молодой, богатый, красавецъ собою, нѣжно любимый своею женою, онъ застрѣлился, будучи внезапно охваченъ глубокою тоскою и отвращеніемъ къ жизни. И однако его безпричинное самоубійство не относятъ къ вызваннымъ душевною болѣзнію, ибо его предсмертныя распоряженія и разговоры съ друзьями не оставляли ни какого сомнѣнія, что онъ былъ не сумашедшій. Самоубійство въ 1815 г. знаменитаго англійскаго дипломата Лорда Кестельриджа произвело тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе во всей Европѣ, что оно совершено самымъ необычайнымъ способомъ. Лордъ бросился въ кратеръ Везувія. Примѣръ его нашелъ однако многочисленныхъ подражателей и еще до сихъ поръ отъ времени до времени въ Италію

---

*) Legoyt le suicide ancien et moderne стр. 26.

пріѣзжаютъ Англичане, одержимые сплиномъ, съ намѣреніемъ подобно Кестельриджу погибнуть въ Везувіи *). Иногда очень трудно опредѣлить настоящую причину самоубійства, потому что бываютъ случаи, когда нельзя распознать умопомѣшательства у людей, претерпѣвшихъ несчастія, или страдающихъ временною ипохондрією. Врачи очень много спорили, зависитъ-ли ипохондрія отъ разстройства ума или тѣла. Не отвергая вліянія болѣзней мозга на развитіе ипохондріи, должно однако признать, что очень часто болѣзнь эта вызывается исключительно страданіями желудка, печени, кишечъ и системы узловатыхъ нервовъ, такъ что умственное разстройство является уже лишь позднѣйшимъ послѣдствіемъ ипохондріи. Въ началѣ этой болѣзни ипохондрики страдаютъ потерю аппетита, головными болями, бурчаніемъ въ животѣ и запорами, но никакихъ другихъ признаковъ серьезнаго страданія у нихъ не замѣчается. Поэтому, если самоубійство совершено въ первомъ періодѣ развитія ипохондріи, то едва-ли можно причислять такія самоубійства къ невольнымъ и безсознательнымъ.

Одинъ изъ любимыхъ англійскихъ поэтовъ Вильямъ Ковперъ, родившійся въ 1731 году, съ ранняго дѣтства боялся людей. Тѣмъ не менѣе, не смотря на признаки душевной болѣзни, онъ усердно изучалъ законовѣдніе. Одно время здоровье его настолько ухудшилось, что его посадили въ домъ ума-

---

*) Legoyt le Suicide стр. 28.

лишенныхъ, впрочемъ вскорѣ его оттуда выпустили, какъ вполне выздоровѣвшаго. Тѣмъ не менѣе онъ очень часто становился безъ всякой причины грустенъ и только въ свѣтлыя минуты писалъ свои превосходные стихи. Знакомство и увлеченіе остроумною Леди Гаустонъ на время измѣнило мрачное теченіе его мыслей; однако не на долго и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ сдѣлался мрачнымъ попрежнему. Въ теченіи своей жизни онъ много разъ покушался на самоубійство, но какой-то внутренний голосъ постоянно отговаривалъ его отъ исполненія этого роковаго намѣренія. Однажды онъ хотѣлъ вонзить себѣ перочинный ножикъ въ сердце, но ножикъ переломался и Ковперъ остался живъ. Въ другой разъ онъ повѣсился, но тонкая перекладина не могла долго выдержать его тяжести, обломилась и Ковперъ снова былъ спасенъ. О своихъ страданіяхъ онъ самъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ въ слѣдующихъ словахъ: «когда я выходилъ на улицу, мнѣ все казалось, что «каждый встрѣченный меня осматриваетъ и осмѣиваетъ. Я обѣдалъ всегда одинъ въ ресторанѣ, «куда приходилъ тогда, когда уже дѣлалось совсѣмъ темно. Ночью я спалъ всего одинъ часъ, «но видѣлъ постоянно страшные сны, просыпался «и вставалъ шатаясь, какъ пьяный. Потомъ до «самого утра я уже немогъ сомкнуть глазъ».

Этотъ несчастный представляетъ не единственный примѣръ геніальнаго ума пораженнаго ипохондріею. Знаменитый Лордъ Байронъ страдалъ сильнѣйшею ипохондріею и опасался сойти съ ума.

Считая дурное пищевареніе причиною своей ипохондріи, онъ соблюдалъ самую строгую діету, питаясь по нѣсколькимъ днямъ только чаемъ съ сахарями.

Для врача очень занимательно слѣдить за развитіемъ ипохондріи. Многіи ипохондрики въ началѣ болѣзни ясно сознають, что имъ не о чемъ тужить и между тѣмъ не могутъ побѣдить печальнаго расположенія своего духа, представляющаго замѣчательный примѣръ борьбы разсудка съ умопомѣшательствомъ. У ипохондриковъ любовь къ жизни постоянно борется съ стремленіемъ къ самоубійству; они усердно хлопочутъ о своемъ здоровьѣ, обращаются очень часто за совѣтами къ докторамъ и въ то же время эти несчастные по нѣскольку лѣтъ твердятъ, что лишать себя жизни, прежде чѣмъ въ дѣйствительности наконецъ приведутъ въ исполненіе это роковое намѣреніе.

Въ Англіи въ этой классической странѣ сплина появилось сочиненіе доктора Доне подъ греческимъ заглавіемъ «*Biatanata*», въ которомъ авторъ доказываетъ, что самоубійство не противно ни естественному праву, ни разсудку, ни даже заповѣдямъ Божьимъ. Сочиненіе это было издано сыномъ автора Джономъ Доне, извѣстнымъ деканомъ Лондонскаго собора Св. Павла. Въ предисловіи къ этому изданію Джонъ Доне выказываетъ себя еще болѣе защитникомъ самоубійства чѣмъ его отецъ, такъ что Ингоферъ даже прямо заподозриваетъ, что и самое сочиненіе такъ же принадлежитъ его перу, а не перу его отца. Въ началѣ этого сочиненія Доне

указываетъ на то, что самоубійство по общепризнанному мнѣнію осуждается въ современномъ обществѣ, а между тѣмъ никто не задается мыслью изслѣдовать, правильно-ли это мнѣніе, или нѣтъ. Вотъ почему, прежде чѣмъ прійти къ опредѣленному заключенію, онъ считаетъ нужнымъ изслѣдовать причины, по которымъ самоубійство такъ рѣшительно презиралось.

«Обыкновенно, говоритъ онъ, считаютъ самоубійство послѣдствіемъ отчаянія и безвѣрія, а «потому неизвинительнымъ дѣяніемъ, тѣмъ болѣе, «что послѣ его совершенія уже не возможенъ возвратъ. Но это мнѣніе ошибочно, потому что *да-«леко не всегда самоубійство возникаетъ на «почвѣ отчаянія, безвѣрія и ожесточенности»*. Да къ тому же, кто лишаетъ себя жизни, тотъ этимъ самымъ лишаетъ себя возможности вновь грѣшить, такъ что стремленіе къ смерти есть полное раскаяніе, ибо раскаяніе состоитъ въ рѣшимости никогда болѣе не совершать того, въ чемъ раскаялся. Веленія природы, разума и религіи почти всегда тождественны. Поэтому и преступленія противъ законовъ природы не должны насъ возмущать болѣе, чѣмъ преступленія противъ религіи. Богъ можетъ сотворить чудо — но это не будетъ нарушеніемъ законовъ природы. Онъ можетъ повелѣть убійство, но тогда оно не будетъ грѣхомъ. Напримѣръ поступокъ Самсона съ Филистимлянами. Ибо все, что творитъ Богъ, естественно и согласно съ природою вещей. Но съ другой стороны слово природа понимается въ такомъ широкомъ значеніи,

что каждый грѣхъ кажется противоестественнымъ. По ученію Св. Августина, всякій порокъ — противоестественъ. По ученію Св. Ѳомы первородный грѣхъ свойственъ человѣческой природѣ. А такъ какъ всѣ другіе грѣхи вытекаютъ изъ первородной грѣховности человѣка, то и они такъ же естественны *). Нельзя утверждать, что самоубійство есть грѣхъ противъ природы, если подъ нею подразумѣвать чувственную природу, потому что многіе добродѣтельные поступки часто противны плотской, чувственной природѣ. Такъ же точно нельзя утверждать, что самоубійство противорѣчитъ духовной природѣ, подтверждая этотъ взглядъ тѣмъ, что у большинства народовъ оно осуждается законодательствомъ. Вѣдь если считать большую или меньшую распространенность извѣстнаго явленія признакомъ его естественности и разумности, то придется признать разумнымъ идолопоклонство.

Самосохраненіе конечно основной законъ природы, онъ распространяется на животныхъ еще болѣе, чѣмъ на людей, ибо животнымъ не понятны предписанія долга. Но и среди животныхъ бываютъ случаи самоубійства, такъ пеликаны и пчелы сами лишаютъ себя иногда жизни. Человѣкъ же созданъ по образу Божію и ему дана свободная воля. И если безстрастное, основанное на опытѣ, сознаніе убѣждаетъ человѣка, что источникъ самосохраненія въ немъ изъсякъ, онъ можетъ считать

---

*) Sect VII Доне см. Inhofer «Der Selbstmord» стр. 146—148.

себя свободнымъ отъ обязанности подчиняться закону самосохраненія и дѣлать то, что при другихъ условіяхъ было бы противно этому закону. Самосохраненіе есть ничто иное какъ страстное желаніе дѣйствительнаго или воображаемаго блага. Съ этой точки зрѣнія даже про мучениковъ нельзя сказать, чтобы они отрицали самосохраненіе. Правда они губили свое тѣло, но они вѣрили, что черезъ это достигнуть такихъ вѣчныхъ высшихъ благъ, которыхъ алкало все ихъ существо. Свобода тоже естественное благо и при томъ почти не меньшее, чѣмъ сама жизнь; поэтому человѣкъ не грѣшитъ противъ природы, когда убиваетъ себя, чтобы избѣжать рабства и лишенія свободы. Если бы самоубійство противорѣчило какому нибудь спеціальному закону природы и вело-бы къ гибели человѣческаго рода больше, чѣмъ другіе грѣхи, какъ напимѣръ развратное сластолюбіе, пресыщеніе, уголовныя преступленія и проч., то оно не могло-бы быть такъ распространено, потому что оно противно нашей чувственной природѣ и слѣдовательно не имѣетъ тѣхъ преимуществъ, которыми отличаются другіе грѣхи, доставляющіе намъ чувственные наслажденія...

Въ доказательство-же того, что самоубійство всегда существовало, Доне приводитъ множество историческихъ примѣровъ.

Врожденныя первичныя понятія имѣютъ однако надъ нами такую неограниченную власть, что противъ нихъ безсильны свобода, законъ, привычка и другіе двигатели человѣческихъ поступковъ. Хотя

каноническое право и осуждаетъ самоубійство и хотя свѣтское законодательство его преслѣдуетъ, но изъ этого нельзя еще сдѣлать вывода, что самоубійство противорѣчитъ врожденной человѣку идеѣ разумнаго; напротивъ того все это только служить подтвержденіемъ, что въ людяхъ слишкомъ сильно развита наклонность къ самоубійству, иначе не за чѣмъ бы было законодателямъ охранять ихъ отъ этой наклонности. По поводу ученія Св. Юсифа, который говоритъ, что наша душа частица Божества, а потому мы не можемъ ее покинуть прежде, чѣмъ довѣрившій ее намъ Богъ не пожелаетъ самъ ее отозвать, Доне возражаетъ, что мы можемъ спокойно покинуть земную жизнь, если это совершается по требованію Бога. А такое требованіе чувствуется каждый разъ, когда жизнь становится для насъ невыносимою. Добровольную смерть съ христіанской точки зрѣнія нельзя уже потому назвать бунтомъ противъ воли Божьей, что, умирая, мы не думаемъ вовсе освободить себя отъ Его воли, зная, что и послѣ смерти будемъ такъ же находиться въ Его власти. По поводу ученія Св. Ѳомы, что самоубійца грѣшитъ противъ общества и государства — Доне возражаетъ, что и монахи и многія частныя лица, избѣгающія общественной службы и живущія только для себя, въ такомъ случаѣ должны-бы были считаться преступниками, а между тѣмъ никто не станетъ звать злодѣемъ храбраго генерала, который по особому влеченію поступитъ въ монастырь. Обязанности человѣка по отношенію къ обществу

двухсторонни, такъ какъ всякому праву соотвѣтствуетъ извѣстная обязанность — пока человѣкъ живетъ въ обществѣ и пользуется своими правами, до тѣхъ поръ онъ долженъ сохранять свои обязанности по отношенію къ нему. Удаляясь на всегда изъ общества, человѣкъ перестаетъ пользоваться своими правами и услугами общества. Поэтому нѣтъ основаній считать его связаннымъ еще какими нибудь особыми обязанностями по отношенію къ обществу, тѣмъ болѣе, что, умирая, человѣкъ вѣдь не причиняетъ активнаго зла обществу, а только ставитъ себя въ невозможность на будущее время быть ему полезнымъ. Къ тому же большинство самоубійцъ принадлежитъ къ числу такихъ людей, которые чувствуютъ, что жизнь ихъ въ тягость имъ самимъ и не нужна никому другому. Еще менѣе самоубійца грѣшитъ противъ самого себя, потому что болѣзни, старческая слабость и безысходное горе могутъ сдѣлать жизнь тяжкимъ бременемъ, освободиться отъ котораго можно только путемъ самоуничтоженія. Врожденное отвращеніе къ смерти такъ сильно въ людяхъ, что безъ достаточныхъ основаній ни одинъ смертный не лишилъ себя жизни, хотя иногда, не зная мотивовъ самоубійства, мы склонны думать, что человѣкъ покончилъ расчеты съ жизнью изъ за пустяковъ. Однако въ дѣйствительности этого никогда не бываетъ. Лишаютъ себя жизни или сумасшедшіе, или люди убѣжденные въ неотразимой основательности тѣхъ причинъ, которыя побуждаютъ ихъ на самоубійство.

Въ 3-ей части своего труда Доне доказываетъ, что священное писаніе не осуждаетъ самоубійства; о запрещеніи самоубійства въ свящ. писаніи нѣтъ и помину. Онъ приводитъ главу 8 изъ посланія къ Римлянамъ Апостола Павла и находитъ въ ней какъ бы подкрѣпленіе своего мнѣнія о дозволенности «умерщевлять плоть, чтобы жить духомъ» (пос. Рим. гл. 8 § 13) Апостоль Павелъ говоритъ даже о сожженіи тѣла изъ любви къ Богу (1 посл. къ Корниф. гл. 13 § 3).

Въ заключеніе Доне замѣчаетъ, что противники самоубійства часто сами себѣ противорѣчатъ въ своихъ доводахъ, внушая излишнюю любовь къ жизни.

Въ скорѣ послѣ Доне въ Англіи выступаетъ на защиту самоубійства поэтъ Гильдонъ. Не задолго передъ тѣмъ въ 1693 году застрѣлился его другъ Карлъ Блунтъ, написавшій «Оракулы разума». Въ предисловіи къ этому сочиненію изданному Гильдономъ, послѣдній старается доказать законность поступка своего друга. Онъ утверждаетъ, что самосохраненіе не есть такой непреложный вѣчный законъ природы, какимъ его считаютъ; стремленіе къ самосохраненію основано на стремленіи къ добру. До тѣхъ поръ, пока мы еще ожидаемъ отъ жизни удовольствія, оба закона природы т. е. самосохраненіе и наклонность къ добру идутъ рука объ руку, но какъ скоро ихъ пути расходятся, стремленіе къ будущей жизни беретъ верхъ надъ стремленіемъ къ физическому самосохраненію. Но даже если отрицать загробную жизнь, то и тогда,

по мнѣнію Гильдона, полное небытіе всетаки слѣдуетъ предпочесть существованію, отравленному горестями и печалами.

Знаменитый скептикъ Давидъ Юмъ такъ же написалъ изслѣдованіе о самоубійствѣ, изданное въ 1783 году уже послѣ его смерти вмѣстѣ съ его изслѣдованіемъ о безсмертіи души. Вопросъ о самоубійствѣ по его мнѣнію тѣсно связанъ съ ученіемъ о промыслѣ. Все въ мірѣ подчинено неизмѣннымъ законамъ природы, которые созданы Богомъ. Живыя существа, одаренныя тѣломъ и духомъ, такъ же не изъяты отъ этого подчиненія. Но промыселъ Божій обнаруживается не въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ, но въ общей гармоніи, обусловливаемой взаимнымъ вліяніемъ духовнаго и матеріальнаго міра другъ на друга. Всѣ событія производятся силами, дарованными Богомъ, а потому и каждое событіе одинаково важно въ безпредѣльной вѣчности. Нѣтъ ни одного событія, которое бы было свободно отъ всеобщихъ законовъ, управляющихъ міромъ. Поэтому, если человѣкъ, преслѣдуемый бѣдствіями и удрученный горемъ, нуждою, болѣзнями, добровольно прекращаетъ свою жизнь, онъ вовсе не дѣйствуетъ противъ воли Бога, Его Промысла и не нарушаетъ мировой гармоніи. Можемъ-ли мы допустить, что Всевышній удержалъ за собою исключительное право распоряжаться человѣческою жизнью? Если-бы это было такъ, если-бы Онъ не подчинилъ ея всеобщимъ законамъ, которыми управляется міръ, то Онъ лишилъ бы насъ возможности ея распоряжаться. Но напро-

тивъ того опыту убѣждаетъ насъ, что жизнь людей подчинена тѣмъ же самымъ міровымъ законамъ, которые управляютъ всѣми другими тварями. Если башня упадетъ на человѣка, то убьетъ его такъ же точно, какъ самую незначительную букашку. Но покорность Промыслу не исключаетъ человѣческаго благоразумія, какъ средства избѣжать несчастія. Благоразуміе учитъ насъ избѣгать несчастій; а такъ какъ послѣднія, равно какъ и горести, постигаютъ людей, такъ же по волѣ Божіей, то избѣгая ихъ мы можемъ утѣшать себя мыслью, что самъ Создатель желаетъ, чтобы мы избѣгли земныхъ оковъ. Къ тому же и послѣ нашей смерти, тѣ элементы, изъ которыхъ мы состоимъ, будутъ служить міровому процессу. . . Самоубійца, покидая жизнь, вовсе не совершаетъ бунта противъ Бога, можно лишить себя жизни безъ ропота и безъ ожесточенія въ силу лишь убѣжденія, что дальнѣйшее земное существованіе безполезно. Самоубійца, нанося себѣ смертельный ударъ, очень часто умираетъ съ благодарностью на устахъ, превознося милость Провидѣнія, даровавшаго ему свободный выборъ избѣжать страданій.

Каждое движеніе нашей руки, каждый нашъ поступокъ уже совершаетъ измѣненіе внѣшняго вида въ окружающей насъ физической природѣ и однако въ этомъ измѣненіи не возможно усмотрѣть нарушеніе законовъ природы. Такъ же точно самоубійство, измѣняя внѣшній видъ нашего существованія, не нарушаетъ общихъ законовъ природы.

Защитникомъ самоубійства былъ такъ же профессоръ Иванъ Робекъ, санкціонировавшій свое ученіе собственнымъ самоубійствомъ. Передъ смертью онъ послалъ своему другу профессору Функу семь рукописей, изъ которыхъ послѣдній выбралъ одну и издалъ ее въ Ринтельнѣ съ слѣдующимъ заглавіемъ: «философское изслѣдованіе Ивана. Робека о «добровольной смерти философовъ и хорошихъ мужей даже среди Іудеевъ и Христіанъ». Въ предисловіи къ этому сочиненію Функъ описалъ жизнь своего друга, крайне богатую разнообразными приключеніями. Иванъ Робекъ родился въ Швеціи въ 1672 г., однако покинулъ свою родину и жилъ по большей части въ Германіи. Здѣсь онъ принялъ католичество и одно время былъ даже Іезуитомъ, но въ концѣ своей жизни опять перешелъ въ лютеранство *). Одно время онъ проживалъ въ Ринтельнѣ и велъ такой отшельнической образъ жизни, что въ теченіи цѣлаго года ни разу не вышелъ даже на улицу. . . Изъ его послѣдняго письма къ Функу видно, что духъ его былъ проникнутъ безотраднымъ уныніемъ. Все свое имущество и бумаги онъ поручаетъ Функу, такъ какъ намѣренъ предпринять далекое путешествіе. . . Отправивъ это письмо, Робекъ одѣлъ самое лучшее свое платье, сѣлъ одинъ въ маленькую лодочку, а въ трехъ миляхъ отъ Бремена его нашли мертвымъ. Книга Робека **), написанная страстнымъ и ѣдкимъ языкомъ,

*) Dumas «Traité de suicide» ch. IV pag. 149.

**) Сочиненіе Робека цитируется здѣсь по Inhofer «Selbstmord» стр. 178—184.

заключаетъ въ себѣ почти всѣ доводы, которые можно только придумать въ пользу самоубійства.

Прежде всего онъ указываетъ на то, что до Лактаніуса и св. Августина никто изъ Христіанскихъ писателей не занимался изслѣдованіемъ вопроса о самоубійствѣ, такъ что всѣ послѣдующія сочиненія на эту тему основаны на взглядахъ Августина и Лактаніуса. Но вѣдь Августинъ признаетъ, что многое дѣлается дозволеннымъ при крайней необходимости и при исключительныхъ обстоятельствахъ, что въ другое время и при другихъ условіяхъ было-бы запрещено. Развѣ существуетъ Божескій законъ запрещающій безусловно совершать такой поступокъ, который является послѣдствіемъ справедливой и необходимой причины? Развѣ существуетъ человѣческій законъ, повелѣвающій такъ любить свое тѣло, чтобы во что бы то ни стало заботиться о немъ даже въ ущербъ разуму и добродѣтели?! Да и откуда противники самоубійства почерпнули запретъ лишать себя жизни. Шестая заповѣдь говоритъ «не убій». Допустимъ даже, что она запрещаетъ убивать не только другихъ, но и себя... Но развѣ запретъ этой заповѣди не знаетъ исключеній? Развѣ люди не убиваютъ другъ друга на войнѣ? И однако ни одна религія не считаетъ войновъ — убійцами. Противники самоубійства утверждаютъ, что человѣкъ, какъ солдатъ на часахъ, поставленъ въ этомъ мірѣ Богомъ, а поэтому, какъ солдатъ безъ разрѣшенія поставившаго его начальника не можетъ покинуть ввѣреннаго ему поста, такъ и

человѣкъ не смѣетъ самовольно удалиться изъ міра. Это сравненіе заимствовано у языческихъ греческихъ философовъ, но вѣдь по ихъ понятіямъ Божество и человѣческій разумъ были синонимы. А поэтому тотъ, кто покидаетъ жизненный постъ по разумнымъ основаніямъ, тотъ не поступаетъ противъ воли Божества. Такимъ образомъ запрещеніе самовольно лишать себя жизни слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что безъ достаточно важныхъ разумныхъ основаній человѣкъ не долженъ совершать самоубійства.

Вѣдь земная жизнь не есть сама по себѣ цѣль человѣческаго существованія, она только средство къ достиженію душевнаго блаженства. Отъ того духовныя наши потребности должны стоять выше тѣлесныхъ; и было бы безрасудно оберегать и любить земную жизнь въ ущербъ духовному спокойствію.

Повиноваться веленіямъ разума значитъ повиноваться Богу, ибо разумъ и Богъ всегда тождественны и убѣжденія, основанныя на разумѣ, такъ же обязательны для человѣка, какъ велѣнія священнаго писанія. А разумъ часто убѣждаетъ насъ, что смерть при извѣстныхъ условіяхъ является законномѣрнымъ и желательнымъ благомъ. Возможность самовольно окончить земную жизнь служить гарантіею и защитою свободы, чести, спокойствія и счастія. Благодаря самоубійству человѣкъ можетъ побѣдить даже самую неизбѣжную необходимость. . . .

Если бы человекъ во что бы ни стало долженъ былъ беречь свою жизнь, онъ лишился бы возможности совершать великія дѣянія, сопряженныя съ опасностью для жизни.

Среди выдающихся людей, защищавшихъ самоубійство слѣдуетъ помѣстить Фридриха Великаго, который всегда носилъ съ собою скляночку съ смертельнымъ ядомъ и неоднократно въ письмахъ и въ бесѣдахъ съ друзьями высказывалъ свое намѣреніе покончить съ жизнью, если онъ убѣдится въ томъ, что сдѣлался игрушкою судьбы. «Никакія силы въ мірѣ не сумѣютъ заставить меня «заключить постыдный миръ съ врагами и пережить мой позоръ». «Я жилъ для другихъ», пишетъ онъ въ письмѣ къ Маркизу Аргенсу, «и хочу умереть для себя. Нѣтъ не малодушіе, но напротивъ мудрость убѣждаетъ въ необходимости «окончить грустную жизнь, ибо нѣтъ выше счастья, какъ достигнуть такого положенія, въ которомъ ничто не нарушитъ нашего покоя и ни какіе враги не будутъ въ состояніи намъ повредить».

Говоря о самоубійствѣ нельзя не остановиться еще такъ же на разсмотрѣніи этого явленія, по скольку оно отразилось въ произведеніяхъ великаго Шекспира. Его трагедіи изобилуютъ случаями самоубійства. Антоній, Клеопатра, Ромео, Отелло лишаютъ себя жизни; эти самоубійства основаны большею частью на историческихъ фактахъ, но въ знаменитомъ монологѣ «Гамлета» «быть или не быть», изображена борьба съ рѣшимостью лишить

себя жизни; Гамлетъ уже готовъ покончить всѣ расчеты съ жизнью, но его страшитъ загадка смерти, «что будетъ тамъ»? Эта загадка удерживаетъ его и онъ признается, что никто не сталъ бы переносить злобу свѣта, тяжкія обиды, тоску отверженной любви и другія горести, если бы только люди могли знать, что одинъ ударъ дастъ имъ вѣчное успокоеніе. . . .

Въ произведеніяхъ Шекспира нельзя не замѣтить особенную наклонность вникать въ глубину и величіе мысли о смерти и съ какою то особенною любовью лелѣять эту мысль. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шекспиръ обладалъ удивительнымъ умѣніемъ изображать душевное и умственное разстройство людей. Многіе писатели полагаютъ, что унылая сѣверная природа и сырой сѣверный климатъ предрасполагаютъ людей къ мрачнымъ мыслямъ, въ то время какъ подъ голубымъ небомъ юга самое помышленіе о смерти считается святотатствомъ. Этому взгляду, вѣроятно, Англія обязана составившимся въ обществѣ убѣжденіемъ, будто она классическая страна сплина и самоубійства. Мнѣніе это однако не вполне основательно, потому что статистика убѣждаетъ, что Англія далеко не первая страна въ Европѣ по количеству самоубійствъ, хотя тамъ было много защитниковъ самоубіиства.

Англійскій писатель Томасъ Моръ въ своемъ сочиненіи «Утопія» такъ-же высказываетъ мнѣніе, что самоубійство не противорѣчитъ естественному праву и выражаетъ пожеланіе, чтобы духовенство

не осуждало тѣ самоубійства, которыя совершены подъ вліяніемъ мучительныхъ тѣлесныхъ страданій.

Извѣстный французскій юристъ Барбейракъ (Jean Barbeyrac) въ 1744 г. въ примѣчаніяхъ къ переводу сочиненія Пуфендорфа *de jure naturae et gentium* *) очень сдержанно говорить о самоубійствѣ. Самъ же Пуфендорфъ допускаетъ законность и естественность самоубійства въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ-то во избѣжаніе смерти отъ руки враговъ, когда такая смерть не можетъ послужить на общее благо; въ 2-хъ во избѣжаніе позора, который угрожаетъ дѣвушкѣ, чувствующей себя не въ силѣ противиться соблазнителю (II c. 3 § 18) **).

Знаменитый филологъ XVII стол. Липсіусъ въ одномъ изъ своихъ писемъ задается вопросомъ о томъ, позволительно ли мудрому человѣку лишить себя жизни. Разбирая возрѣнія древнихъ философовъ, какъ стоящихъ за самоубійство, такъ и осуждающихъ самоубійство, Липсіусъ самъ, повидимому, склоняется на сторону противниковъ самоубійства, такъ что насъ даже удивляетъ, почему Ингоферъ въ своемъ сочиненіи *Der Selbstmord* помѣстилъ его среди защитниковъ этого дѣянія ***).

Впрочемъ онъ дѣйствительно въ одномъ мѣстѣ своего письма говоритъ: «казалось бы, что земная жизнь

---

*) Le suicide par Légoyt стр. 86.

**) (Примѣч.) «Der Selbstmord» Inhofer Аугсбургъ 1886 г. стр. 139.

***) «Der Selbstmord» Inhofer изд. 1886 г., стр. 141.

«подобна найму дома. Если наниматель, запла-
«тивъ за домъ, выѣдетъ изъ него раньше срока,
«то этимъ онъ не грѣшится».

Еъ числу замѣчательныхъ людей, окончив-
шихъ жизнь самоубійствомъ, причисляютъ обыкно-
венно Жанъ Жака-Руссо. Однако самоубійство его
подлежитъ сомнѣнію, не смотря на то, что въ со-
чиненіи Г-жи Сталь «Lestres sur l'ouvrage et carac-
tere de J. J. Rousseau» собраны факты, дающіе
право думать, что великій французскій писатель
XVIII вѣка дѣйствительно отравился.

Въ своемъ сочиненіи «Emile» (tome 3) Руссо
осуждаетъ самоубійство, но позднѣе онъ измѣнилъ
свои взгляды на самоубійство, когда говоритъ:
«такъ какъ мое тѣло только обуза, мѣшающая
мнѣ успокоиться, надо постараться поскорѣе отъ
него освободиться». Въ день своей смерти въ 1778 г.
Руссо, вставъ съ постели, сказалъ, что видитъ
солнце въ послѣдній разъ. Потомъ онъ самъ сва-
рилъ себѣ кофе и, выпивъ его, пошелъ погулять.
Вернувшись часа черезъ три домой, онъ почувство-
валъ страшныя мученія и тѣмъ не менѣе не поз-
волилъ звать доктора. Черезъ нѣсколько часовъ
его не стало. Госпожа Стааль полагаетъ, что
Руссо отравился вслѣдствіе того, что замѣтилъ, что
женщина, съ которою онъ жилъ на честное слово,
измѣнила ему. Въ своемъ романѣ «Новая Элоиза»,
изданномъ въ первый разъ въ 1761 году, Руссо
собралъ всѣ аргументы за самоубійство. Герой
романа Сентъ-Прё, огорченный тѣмъ, что Юлія от-
дала другому свою руку, хочетъ лишить себя жизни

и въ письмѣ къ своему другу Лорду Бомстону *) излагаетъ свои воззрѣнія на самоубійство. Отвѣтъ Лорда на это письмо содержитъ въ себѣ возраженія противъ самоубійства. Въ первомъ письмѣ излагаются доводы и мысли, которыя Руссо почерпнулъ у Доне, Монтеня и Робека. Поэтому мы не будемъ повторять ихъ здѣсь, а приведемъ лишь такія соображенія, которыя повидимому принадлежатъ самому Руссо. Жизнь не мы сами создали, но она намъ дана; именно поэтому она намъ и принадлежитъ, что она намъ подарена. Развѣ не Богъ далъ намъ руки и ноги? и однако, когда нашу руку поражаетъ гангрена, мы отсѣкаемъ ее, чтобы спасти остальное тѣло. Тоже самое явленіе имѣетъ мѣсто, когда человѣкъ, вѣрующій въ загробную жизнь, приносить въ жертву свое земное существованіе ради того, чтобы скорѣе достигнуть благополучія.

Сократъ спрашивалъ: «развѣ ты не накажешь своего раба, который, лишивъ себя жизни, отнялъ у тебя твое имущество»? Но Сократу слѣдовало бы спросить: «развѣ ты накажешь своего раба, который переодѣнется въ другое платье, чтобы удобнѣе тебѣ служить, потому что прежнее платье, которое ты ему подарилъ, стѣсняло его движенія»? Съ точки зрѣнія вѣрующаго смерть ничто иное, какъ только перемѣна формы и послѣ смерти мы по прежнему будемъ принадлежать Богу.

---

*) Lettre XXI de l'amant de Julie à mylord Edouard m. II page 190, изд. Turne. Parie M. D. CCCXLIX.

Мудрецъ долженъ уже при жизни сосредоточиться въ самомъ себѣ и стремиться къ безтѣлеснымъ духовнымъ наслажденіямъ. Но если всѣ наши мученія и страданія кроются въ несовершенствѣ нашего физическаго существованія, то какъ легко должны мы вздохнуть, когда освободимся отъ тѣлесныхъ оковъ. Человѣкъ не созданъ для вѣчнаго покоя; ему дана свобода, чтобы стремиться къ благу; ему дана совѣсть, что бы избѣгать зла; ему данъ разумъ, чтобы различать, что хорошо и что дурно. И если человѣкъ сознаетъ, что ему лучше умереть, тогда ему не за чѣмъ противиться голосу разсудка. Исторія подтверждаетъ, что люди, величайшіе по уму, храбрости и безкорыстію, окончили свою жизнь самоубійствомъ. Не служить ли это опроверженіемъ мнѣнія, будто избѣгаютъ страданій посредствомъ добровольной смерти только трусы и люди слабохарактерные.

Въ отвѣтъ на это письмо Лордъ Бомстонъ стремится убѣдить своего друга въ измѣнчивости чувствъ; если сегодня человѣкъ наскучился жизнью, то это незначить, что черезъ нѣсколько времени онъ будетъ такъ же мрачно смотрѣть на жизнь. Сегодня человѣкъ страдаетъ; но время утоляетъ горе; измѣняются обстоятельства, мысли принимаютъ другой оборотъ и человѣкъ, безнадежно скучавшій и грустившій, снова находитъ цѣль въ земномъ своемъ существованіи. Вѣчныхъ неутолимыхъ душевныхъ страданій на землѣ не существуетъ. Время все сглаживаетъ и измѣняетъ. Между тѣмъ самовольно покидая жизнь, даже оди-

нокій чловѣкъ непремѣнно кого нѣбудь огорчаетъ своею преждевременною смертію. Если у него нѣтъ родныхъ, друзей нѣтъ любимой женщины, то все-же трудно предположить, чтобы ни одно живое существо не опечалилось его смертію. А если наша смерть причиняетъ хоть кому нѣбудь печаль, то, умирая мы совершаемъ несправедливость. Нельзя себѣ говорить: «я лишній чловѣкъ на землѣ», потому что отъ насъ самихъ зависить не быть лишнимъ, а полезнымъ членомъ общества. Каждый разъ, когда мысль о самоубійствѣ особенно сильно овладѣваетъ чловѣкомъ ему слѣдуетъ сказать самому себѣ: «постараюсь сдѣлать еще одно доброе дѣло прежде чѣмъ наложить на себя руки». Эта рѣшимость сдѣлать добро, утѣшить страждущаго, помочь бѣдному способна остановить отъ самоубійства сегодня, завтра, а тамъ и самая мысль о смерти измѣнится подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ.

Нельзя не замѣтить, что энциклопедія, выходящая подъ редакціею Дидеро, въ статьѣ о самоубійствѣ *) разбираетъ подробно доводы, служащіе какъ въ защиту самоубійства, такъ и противъ него. Однако статья эта скорѣе порицаетъ самоубійство, чѣмъ его защищаетъ. Такъ въ ней утверждается, что каждое животное имѣетъ свою цѣль, свою собственную задачу и назначеніе, данное ему природою, а между тѣмъ самоубійца добровольно уничтожаетъ это назначеніе. Самоубійца нарушаетъ обязанность

---

*) Томъ 15 за 1765 г. стр. 639.

по отношенію къ людямъ, потому что нѣтъ такого случая, чтобы кто либо могъ сказать, что онъ не имѣетъ никакихъ обязанностей. Наконецъ всякій человѣкъ имѣетъ обязанность по отношенію къ самому себѣ — совершенствоваться. Какъ ни худо въ этой жизни, но все таки самое печальное положеніе можетъ измѣниться къ лучшему, а что насъ ожидаетъ въ будущей жизни мы не знаемъ, поэтому безразсудно спѣшить мѣною извѣстнаго на неизвѣстное. Большею частью самоубійство есть результатъ предъидущихъ дѣйствій людей. Упреки совѣсти, разнузданныя страсти, стыдъ, боязнь наказанія и позора часто приводятъ людей къ самоубійству, а поэтому если и не считать предосудительнымъ поступкомъ само по себѣ самоубійство, то не слѣдуетъ забывать, что оно часто бываетъ вызвано предосудительнымъ поведеніемъ, за которое на самоубійцѣ лежитъ отвѣтственность.

Въ 1773 г. былъ напечатанъ объемистый трудъ Жанъ-Дюма, рѣшительно осуждающій самоубійство. Главные его тезисы сводятся къ тому, что всѣ несчастія заключаются въ самой природѣ вещей, они полезны и даже необходимы для подготовленія человѣка къ его естественному концу; сильныя душевныя страданія не бываютъ вѣчны, они или утихаютъ со временемъ, или убиваютъ; физическія же страданія полезны въ томъ смыслѣ, что возрождаютъ нравственность человѣка. Самоубійство скорѣе можно назвать злоупотребленіемъ храбрости, чѣмъ разумнымъ ея употребленіемъ. Въ послѣднихъ пяти главахъ Жанъ Дюма оспариваетъ адо-

логію самоубійства во 1-хъ: заключающуюся въ 74-мъ письмѣ сочиненія Монтескье *Lettres persanes*; во 2-хъ: въ сочиненіи Гольбаха «система природы»; въ 3-хъ: доводы, высказанные Жанъ-Жакомъ Руссо въ вышеприведенномъ письмѣ Сенъ Пре въ новой Элоизѣ. Такъ какъ мы уже изложили сущность воззрѣній Дюма на самоубійство, то теперь будетъ уместно привести главныя положенія, высказанныя по поводу того-же предмета Гольбахомъ и Монтескье.

Монтескье въ своихъ сочиненіяхъ: «*l'Esprit des lois*» и «*Considération sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains*» не одобряетъ Греческіе и Римскіе законы, карающіе самоубійство. Смерть Митридадта Монтескье называетъ по истинѣ царственной смертью. Въ своихъ «*Lettres persanes*» называетъ несправедливыми европейскіе законы, карающіе самоубійство. Къ чему несчастныя тѣла самоубійцъ предають позорному поруганію? Почему жизнь, дарованную мнѣ какъ благо, я не могу вернуть обратно, когда она перестаетъ быть для меня благомъ? Самовольно разрѣшая душу отъ тѣла, самоубійца вѣдь только измѣняетъ форму, но не уничтожаетъ существо. Развѣ я нарушаю законы природы, когда я изъ четырехъугольнаго камня дѣлаю шарикъ; а вѣдь можетъ быть, безъ моего воздѣйствія этотъ камень сохранилъ бы еще цѣлыя тысячилѣтія свою первоначальную форму четырехъугольника, дарованную ему природою. Развѣ міровой порядокъ разрушится отъ того, что моя душа покинетъ мое тѣло? Не тщеславіе ли это вообразать, что съ уничтоженіемъ

такого атома, какъ человѣческій организмъ, связанъ вопросъ о бытѣ вселенной. Вѣдь милліоны людей, всѣ обитатели нашей планеты вмѣстѣ взятые — всетаки представляются такимъ безконечно малымъ атомомъ въ природѣ, что только благодаря всевѣдѣнію Божьему мы для него замѣтны.

Представитель философскаго кружка въ Парижѣ баронъ Гольбахъ въ «*Système de la nature* *)», изданномъ въ 1770 г. въ Лондонѣ безъ его имени, говорить, что Греки, Римляне и другіе великодушные и храбрые народы древняго міра считали героями тѣхъ, кто самовольно прекращалъ свою жизнь. Да и можно ли осуждать того, кто убиваетъ себя въ слѣдствіе отчаянія? Вѣдь смерть единственное лѣкарство противъ отчаянія. Когда ничто не поддерживаетъ въ человѣкѣ любовь къ существованію, тогда самое существованіе становится невыносимымъ зломъ, а смерть обязанностью для того, кто хочетъ освободиться отъ зла; поэтому стыдъ, крайняя бѣдность, измѣна друзей, невѣрность любимой женщины, неблагодарность дѣтей, не могущая быть удовлетворенною страсть, угрызенія совѣсти, меланхолія и многія другія причины должны быть признаны разумнымъ поводомъ къ самоубійству **). Многіе держатся того мнѣнія, что самоубійство оскорбляетъ Творца; но это мнѣніе ложно, потому что сама природа вложила въ насъ стремленіе избѣгать страданій. Всѣ люди дорожатъ жизнью и если тѣмъ

---

*) «*Système de la nature*» tome I стр. 4 Holbach.

**) Гл. XIX стр. 305 *Système de la nature*.

не менѣе кто либо прибѣгаетъ къ самоубійству, то только въ томъ случаѣ, когда это оказывается единственнымъ исходомъ, указаннымъ природою. Вообще было бы лучше, если бы люди учились презирать смерть, ибо часто опасеніе за жизнь заставляетъ ихъ быть фальшивыми и сносить позоръ, вмѣсто того чтобы бороться за истину.

Долгое время не знали настоящаго автора этой книги, приписывали ее Дидеро, Лагранжу и только уже послѣ изданія переписки Гримма узнали, что авторомъ ея былъ Гольбахъ.

Вольтера нельзя причислить ни къ защитникамъ самоубійства, ни къ порицателямъ его, потому что въ энциклопедическомъ словарѣ въ статьѣ о самоубійствѣ онъ признаетъ, что для совершенія этого дѣянія необходимо присутствіе сильной воли и много храбрости, такъ какъ человѣку не легко побѣдить могучій инстинктъ самосохраненія. Извѣстенъ стихъ Вольтера *):

«Quand on a tout perdu et qu'on
«a plus d'espoir,
«La vie est un opprobre et la
«mort un devoir»...

Но съ другой стороны Вольтеръ часто съ свойственнымъ ему сарказмомъ осмѣивалъ самоубійство. Впрочемъ тогдашніе суровые законы о самоубійствѣ его возмущали и онъ всю отвѣтственность за ихъ несправедливость и жестокость возлагалъ на каноническое право, которое считалъ первымъ источникомъ этихъ законовъ, ибо нигдѣ въ священномъ

---

*) Merope Act II scène VII.

писаніи нельзя найти запрещеніе самоубійства, а тѣмъ болѣе не слѣдуетъ за него наказывать. Вольтеръ выражаетъ желаніе, чтобы тѣ лица, которыя рѣшили окончить жизнь самоубійствомъ, излагали бы письменно передъ смертію свои воззрѣнія на самоубійство. Онъ полагаетъ, что собраніе этихъ мыслей будетъ не бесполезно для исторіи цивилизаціи. Къ защитникамъ самоубійства слѣдуетъ отнести Десланда. Вольтеръ увѣряетъ, что Десландъ, авторъ сочиненія «*Réflexions sur les grands hommes morts en badinant*», проклиналъ передъ смертію мысли, высказанныя въ этомъ сочиненіи и просилъ сжечь свою книгу. Въ этой книгѣ онъ доказывалъ, что смерть нужно встрѣчать съ веселой улыбкой, потому что смерть великое благо для всѣхъ больныхъ и страждущихъ людей. Онъ признаетъ, что есть много случаевъ, въ которыхъ самоубійство покрываетъ славою тѣхъ, кто къ нему прибѣгаетъ, какъ къ средству выйти изъ этого міра безъ страха и безъ сожалѣнія. Онъ восторгается самоубійствомъ Албитиуса Силуса, о которомъ мы упоминали въ 1 части нашей книги. Онъ одобряетъ взгляды, высказанные Сенекою въ его трагедіи *Эиваида*. Онъ утверждаетъ, что право распоряжаться своимъ существованіемъ пріобрѣтается каждымъ человѣкомъ вмѣстѣ съ появленіемъ на свѣтъ. Считать преступникомъ того, кто укоротилъ свою жизнь — верхъ несправедливости; но къ сожалѣнію законы далеко не всегда справедливы и разумны...

Къ числу писателей сильно осуждавшихъ са-

самоубійство слѣдуетъ отнести Апіано Буанафеда. Сочиненіе его, исторія философіи и критики самоубійства, изданное въ Италіи въ 1762 году, было переведено на французскій языкъ въ 1843 г. Армелиномъ и Л. Ф. Геринымъ. Въ числѣ сочиненій, посвященныхъ самоубійству, слѣдуетъ отмѣтить сочиненіе знаменитой французской писательницы Г-жи Сталь, дочери извѣстнаго министра Якова Некера, «de l'influence des passions sur le bonheur des individus et des nations, изданномъ въ первый разъ въ 1796 году. Въ этомъ своемъ трудѣ Г-жа Сталь съ свойственнымъ ей остроуміемъ и изяществомъ слога высказываетъ крайне оригинальныя мнѣнія, изъ которыхъ вполне ясно, что она защищаетъ самоубійство. Нѣкоторыя ея положенія однако ошибочны; такъ напримѣръ она полагаетъ, что преступники почти никогда не лишаютъ себя жизни. Это ея положеніе опровергается неоспоримыми статистическими данными, собранными у Кетле, Морзелли, Лега, Ломброза, Лихачева и др. Поводомъ къ самоубійству, по мнѣнію Г-жи Сталь, почти всегда является отвращеніе къ жизни, поэтому рѣшимости умереть должны предшествовать зрѣлыя разсужденія и отчеты о своихъ поступкахъ, потому-то между преступниками самоубійства очень рѣдкое явленіе; само Провидѣніе не хотѣло дать въ руки преступниковъ этотъ возвышенный способъ прекращенія страданій. Трудно, говоритъ она, чтобы насъ не интересовалъ человѣкъ, стоящій выше природы, въ тотъ моментъ, когда онъ отвергаетъ жизнь, когда силою своей воли онъ умѣетъ

побѣдить одно изъ величайшихъ чувствъ инстинктъ самосохраненія. Такъ же точно трудно не вѣрить въ благородство стремленій человѣка, который лишается жизни вслѣдствіе сокрушенія сердца и хорошо, что настоящіе преступники не способны на такой поступокъ, иначе каждому благородному человѣку съ горечью пришлось бы сознавать, что онъ не вправѣ отказать въ уваженіи такому существу, которое возбуждаетъ въ насъ отвращеніе. Далѣе Г-жа Сталь говоритъ, что если-бы люди больше думали о смерти и во всякое время готовы были-бы безъ страха и сожалѣнія встрѣтить ея приближеніе, они были-бы несравненно счастливѣе, потому что тогда смѣлѣе шли-бы къ высокой, хотя и опасной цѣли, зная, что въ случаѣ неудачи имъ не придется подвергаться превратностямъ судьбы, такъ какъ ключъ отъ смерти въ ихъ собственныхъ рукахъ.

Много лѣтъ спустя появилось сочиненіе той же писательницы подъ заглавіемъ «Reflection sur le suicide. Г-жа Сталь уже не прежняя поклонница философіи 18 вѣка; ея страсти немного поулеглись. «Прежде я хвалила самоубійство, пишетъ она, потому что тогда я была въ полномъ разцвѣтѣ горячей молодости и гордости, но теперь я исправилась». Однако и въ этомъ своемъ сочиненіи она далеко не безусловно осуждаетъ самоубійство. Правда она называетъ его l'homicide de soi meme, но все-таки допускаетъ его цѣлесообразность въ иныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, когда человѣкъ приносить себя въ жертву не ради себя, но ради

свободы. Затѣмъ она замѣчаетъ, что, хотя и есть поступки болѣе преступные, чѣмъ самоубійство, однако же ни одинъ изъ нихъ не лишаетъ насъ на всегда покровительства Божьяго. Въ этомъ же трактатѣ Г-жа Сталь высказала мысль, что страданіе одно изъ необходимыхъ условій для достиженія счастья; не имѣя понятія о страданіи, мы не цѣнили-бы счастья. Мысль эта лежитъ въ основаніи всѣхъ пессимистическихъ теорій новѣйшаго времени, учащихъ, что страданіе есть положительное понятіе, а наслажденіе отрицательное. Такимъ образомъ Г-жа Сталь опередила свой вѣкъ и выставила такой тезисъ, который находится въ противорѣчій съ тѣмъ, что она говоритъ дальше въ этомъ своемъ трудѣ, называя нашу жизнь единственнымъ сокровищемъ, которымъ мы обладаемъ. Для совершенія самоубійства нужно много храбрости, но за то, говоритъ она, въ самоубійцѣ мы не найдемъ стойкости и твердости характера. Чтобы разстаться съ благомъ и идти на встрѣчу неизвѣстности, надо имѣть храбрость, но чтобы, не смотря на мученія и горе, остаться жить надо имѣть стойкость, которой-то и нѣтъ у самоубійцы. Вообще нужно находиться въ состояніи бѣшенства, чтобы заглушить въ себѣ инстинктъ самосохраненія, если только на такую жертву не принуждаетъ насъ религиозное чувство. Впрочемъ сокрушеніе, вызванное потерю лицъ, соединенныхъ съ нами узами любви, могло-бы служить оправданіемъ самоубійства, такъ какъ страданія, вызываемыя несчастной любовью, или разлукою съ любимымъ че-

ловѣкомъ превосходятъ часто наши силы, данныя намъ Богомъ. Въ этихъ послѣднихъ строкахъ сказалась вполнѣ страстная, любящая натура великой писательницы. Она не знаетъ ничего выше и сильнѣе въ жизни, какъ любовь. Это исповѣдь чуткой, болѣзненно-страстной души, выдающейся женщины, такъ много испытавшей на своемъ вѣку. За такую исповѣдь нельзя осуждать Г-жу Сталь, какъ Гр. Дзѣдушицкій, тѣмъ болѣе, что у того же Дзѣдушицкаго мы находимъ *) рассказъ, слышанный имъ самимъ отъ одной заслуживающей довѣрія особы, знавшей въ молодости Г-жу Сталь, что однажды Г-жа Сталь высказалась въ томъ смыслѣ, что она лучше-бы предпочла самоубійство, чѣмъ навсегда отказаться отъ любви. Будучи уже вдовою, она безумно влюбилась въ молодаго Графа О***, но такъ какъ онъ не раздѣлялъ ея чувство, то она, обмотавъ вокругъ своей шеи шаль, требовала отъ него любви, угрожая въ случаѣ отказа задушить себя на его глазахъ. Дзѣдушицкій не говоритъ, уступилъ-ли графъ О*** и исполнилъ-ли онъ желанія Г-жи Сталь, но можно предполагать, что и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, женщина восторжествовала надъ мужчиною, иначе-бы, вѣроятно, въ исторіи выдающихся самоубійствъ намъ пришлось-бы встрѣтить имя этой замѣчательной женщины, рядомъ съ Сафо, Дидоной, Клеопатрой и др. жертвами отринутой любви.

---

*) Дзѣдушицкій, Самоубійство стр. 97 изд. въ Кіевѣ 78 г.

Во время французской революціи самоубійства во Франціи достигли громаднхъ размѣровъ. Ужасы Французской революціи породили почти въ каждомъ семействѣ чувство отчаянія и сомнѣнія. У многихъ въ душу закралась жажда мщенія; необузданнымъ страстямъ открылось широкое поле дѣятельности и онѣ проявились въ самыхъ возмутительныхъ поступкахъ. Каждое семейство оплакивало или потерю близкихъ родственниковъ, или потерю имущества и чести. Все что было дорого, все, что предки воздвигли и лелѣяли цѣлыми поколѣніями, теперь лежало въ развалинахъ. Религія, монархія, дворянство были погребены, осмѣяны и, казалось, уже не могли воскреснуть изъ подъ обломковъ, нагроможденныхъ рукою преступной, дикой революціи . . .

Знаменитый Графъ Мирабо, виновникъ первыхъ рѣшительныхъ шаговъ французской революціи, не дожидъ до окончательнаго крушенія монархической Франціи. Невыносимо страдая отъ физической боли, причиняемой ему ракомъ въ печени, Мирабо, достигшій апогея своей славы, терзался угрызеніемъ совѣсти, сознавая что Франція находится на краю гибели, отъ которой ему не суждено спасти свое отечество. И вотъ среди всеобщаго удивленія и поклоненія этотъ великій человѣкъ понималъ, что его прошедшая полная блеска государственная дѣятельность только ускорила роковыя событія, подъ ударами которыхъ, какъ онъ теперь ясно сознавалъ, неминуемо должно погибнуть все то, чему онъ, какъ дворянинъ и вѣрно-подданный

сынъ Франціи долженъ бы былъ посвятить всѣ свои силы, всѣ свои стремленія, умъ, таланты и даже самую жизнь!... Но уже поздно. Исторія не ждетъ и жизнь общественная подобно неудержимой лавинѣ катится впередъ и впередъ...

Мирабо изнываетъ подъ тяжестью физическихъ мученій, однако онъ все еще посѣщаетъ собранія; онъ громить своимъ могучимъ краснорѣчіемъ своихъ политическихъ враговъ; блѣдный, съ печатью смерти на челѣ, онъ по прежнему одерживаетъ надъ ними блестящія побѣды. Его имя и каждое его слово по прежнему вызываетъ восторги, удивленіе и рукоплесканіе толпы; но рѣшимость умереть, покинуть этотъ міръ славы и освободиться отъ невыносимыхъ упрековъ докучливой совѣсти уже окончательно утвердилось въ его умѣ. Вернувшись домой въ свою деревню, онъ окружаетъ себя лучшими любимыми цвѣтами, садится у раскрытаго окна и, любуясь просторомъ полей, растилающихся передъ его взорами, умираетъ среди благоуханій яснаго весняго деревенскаго дня. Есть полное основаніе полагать, что графъ Мирабо отравился. По крайней мѣрѣ Мишле *), говорить, что, по словамъ сына графа Мирабо, по вскрытіи трупа нашли несомненные признаки отравленія.

Національное собраніе, провозгласивъ принципъ полной свободы, отмѣнило всѣ законы, карающіе самоубійство. Впрочемъ конвентъ восстано-

---

*) Michlet «L'histoire de la revolution de France» т. II стр. 165 изд. 68 г.

вилъ конфискацію имущества тѣхъ самоубійцъ, которые посредствомъ смерти избѣжали исполненія смертнаго приговора, состоявшагося о нихъ до ихъ самоубійства.

Въ 1793 году въ Версали положительно свѣдѣствовала эпидемія самоубійства, такъ какъ въ этомъ городкѣ въ теченіе года лишили себя жизни 1300 человекъ. Существованіе такихъ эпидемическихъ самоубійствъ было уже нами указано въ предшествующихъ главахъ. Такъ въ Милетѣ во множествѣ погибали отъ самоубійства молодыя женщины, огорченныя разлукою съ любовниками. Монтень упоминаетъ о такой эпидеміи во время Миланской войны.

Во времена консульства во Французской арміи стали часто повторяться самоубійства, тогда Наполеонъ издалъ знаменитый декретъ, въ которомъ осуждалось самоубійство.

Одинъ солдатъ совершилъ самоубійство въ будкѣ и вслѣдъ за тѣмъ въ той-же будкѣ стали лишать себя жизни одинъ за другимъ многіе изъ солдатъ той же дивизіи. Наполеонъ I приказалъ сжечь будку и послѣ этого самоубійство въ дивизіи прекратилось.

Разсказы о замѣчательныхъ самоубійствахъ производятъ глубокое впечатлѣніе на людей нервныхъ и впечатлительныхъ, оттого подражаніе составляетъ чрезвычайно могущественный двигатель въ исторіи самоубійства. Многіе писатели требуютъ, чтобы правительство запрещало печатать

въ газетахъ подробности о многочисленныхъ самоубійствахъ, совершающихся въ современномъ обществѣ. Описанія этихъ самоубійствъ очень вредно дѣйствуютъ на воображеніе женщинъ, дѣтей и вообще такихъ людей, которые легко поддаются сильнымъ ощущеніямъ. Многие, не смотря на свою наклонность къ самоубійству, все-таки не лишили бы себя жизни, если-бы не прочитали въ журналѣ описаніе самоубійства пріятели или знакомаго. Всѣ современиныя газеты наполнены описаніемъ убійствъ и самоубійствъ. А между тѣмъ, что за польза въ этихъ описаніяхъ? Вѣдь ученые, законодатели и юристы не будутъ изучать интересующій ихъ вопросъ по журнальнымъ извѣстіямъ, а обратятся къ статистикѣ и научнымъ сочиненіямъ. А для публики обнародованіе случаевъ самоубійства можетъ принести только вредъ.

Въ 1794 году умеръ одинъ изъ замѣчательныхъ французскихъ писателей Sebastien Chamfort. Утверждаютъ, что самыя лучшія рѣчи графа Мирабо составлены ему Chamfort'омъ. Во время революціи Chamfortъ выражалъ сильное неудовольствіе по поводу многочисленныхъ жертвъ террора; тогда его заключили въ темницу, изъ которой вскорѣ выпустили. Когда-же его вторично хотѣли посадить въ тюрьму, Шамфоръ предпочелъ лучше умереть, чѣмъ томиться въ неволѣ и выстрѣлилъ въ себя изъ пистолета. Пуля пробила ему носъ и засѣла въ глазницѣ. Удивляясь, что онъ еще не умеръ, Шамфоръ перерѣзалъ себѣ горло бритвой и пытался открыть себѣ вѣны. Окрывав-

ленного, изуродованного его уложили въ постель и здѣсь, въ то время какъ доктора перевязывали его многочисленныя раны, Шамфоръ твердымъ голосомъ продиктовалъ свое послѣднее признаніе: «Я Себастьянъ Рошъ-Николай Шамфоръ объявляю, что лучше хочу умереть свободнымъ человѣкомъ, чѣмъ жить въ темницѣ и никогда меня не заставить войти живымъ въ тюрьму *)».

У Desétangs въ его сочиненіи «*du Suicide politique en France*» можно найти длинный перечень самоубійствъ, вызванныхъ во Франціи ужасами Французской революціи. Подвергшіеся проскрипціи несчастные Жирондисты одинъ за другимъ погибали отъ самоубійства, избавляя себя добровольною смертію отъ преслѣдованій Монтаньяровъ. Ужасы и несправедливости Террора внушили такое отвращеніе къ представителямъ республиканской партіи, одержавшей верхъ надъ Жирондистами, что даже женщины не хотѣли оставаться въ долгу у изверговъ французской революціи. Не желая пережить потерю своихъ мужей и любовниковъ, погибшихъ подъ ударами гильотины, эти несчастныя нарочно навлекали на себя гнѣвъ Конвента, чтобы подвергнуться той же участи, какъ погибшіе милые имъ люди. Онѣ писали дерзкія письма; открыто кричали: «*Vive le roi*», и смѣло шли на эшафотъ, проклиная своихъ гонителей. Какое отчаяніе, какая почти не человѣческая злоба и ненависть къ

---

*) Desétangs «*Du suicide politique*» изд. 1860 г. стр. 83—85.

гонителямъ обурежала жертвами революціи, можно судить по тѣмъ письмамъ, которыя получали представители республиканскаго правительства отъ несчастныхъ роялистовъ. Desétangs приводитъ письмо графа Флери къ предсѣдателю революціоннаго трибунала.

«Душегубецъ, кровопійца, проклятый пизкій людоѣдъ, чудовище, негодяй, мерзкій, презрѣнный убійца, ты погубилъ мою семью, ты посылаешь сегодня на эшафотъ моихъ друзей и единомышленниковъ, такъ знай-же, что и я раздѣляю ихъ взгляды и чувства; ты можешь и мнѣ приготовить ту же участь какъ и имъ. Графъ Де Флери.»

По полученіи этого письма Дюма и Фуке сейчасъ же приказали привести къ себѣ несчастнаго графа Флери и по выслушаніи его проклятій въ тотъ же день предали его смертной казни.

Одинъ изъ сыновей Рошфора вмѣстѣ съ отцемъ и двумя другими роялистами приговорены къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе. Рота солдатъ по командѣ производить залпъ. Трое окровавленныхъ осужденныхъ падаютъ, но ребенокъ 16 лѣтній Рошфоръ какимъ то чудомъ уцѣлѣлъ. Умиленные зрители умоляютъ о пощадѣ. Онъ молодъ, ему только 16 лѣтъ, онъ еще можетъ сдѣлаться хорошимъ республиканцемъ. Солдаты колеблются, начальникъ общается Рошфору помилованіе, но ребенокъ съ негодованіемъ отказывается измѣнить завѣтамъ своего отца.

«Не хочъ вашей пощады», восклицаетъ онъ, обнимая со слезами на глазахъ окровавленный трупъ

своего отца, «я хочу смерти», я роялистъ, «vive le roi» *). Раздается приказаніе произвести вторичный залпъ и юный герой падаетъ мертвый.

До какой степени безотраднa была жизнь Франціи во времена первой республики, видно изъ того, что самые свѣтлые и смѣлые умы были погружены въ глубокое отчаяніе и даже великій Наполеонъ въ молодости нѣсколько разъ былъ близокъ къ самоубійству.

Въ воспоминаніяхъ М. Либри о молодости Наполеона I-го можно найти собственное признаніе этого величайшаго всемірнаго генія, что въ молодыхъ годахъ онъ томился окружающею его жизнью; презиралъ людей, распорядившихся судьбами Франціи и часто помышлялъ о самоубійствѣ.

Во время Египетскаго похода Наполеонъ едва не погибъ отъ самоубійства. Съ немногими своими друзьями Бертоле, Монгомъ и др. Наполеонъ отважился на маленькомъ кораблѣ «Мирона» отплыть изъ Египта во Францію почти ввиду всего англійскаго флота. Это отчаянное путешествіе сначала шло удачно, но вдругъ въ Средиземномъ морѣ показалась многочисленная флотилія. Полагая, что «Мирона» окружена англійскимъ флотомъ, Наполеонъ призываетъ на совѣтъ своихъ генераловъ и спрашиваетъ ихъ, возможно-ли попытаться спастись отъ плѣна, или же лучше сдаться на капитуляцію. Гробовое молчаніе служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ Бонапарта. Тогда Наполеонъ вос-

---

*) Desétangs «du suicide politique en France» стр. 126.

вѣщаетъ: «надо взорвать нашъ корабль!»! «Да», отвѣчаетъ Монгъ, «это единственное наше спасеніе». Наполеонъ идетъ на палубу, а Монгу даетъ приказаніе взорвать пороховой складъ.

Между тѣмъ непріятельскій флотъ приближается и спутники Наполеона съ восторгомъ убѣждаются въ томъ, что это нейтральные корабли. Бѣгутъ за Монгомъ и передаютъ ему радостную вѣсть въ ту самую минуту, когда онъ съ горящимъ фитилемъ въ рукѣ уже собирался поджечь порохъ. Еще одно мгновеніе и корабль взлетѣлъ бы на воздухъ *). Но судьба хранила Наполеона. Самъ Наполеонъ въ послѣдствіи рассказывалъ, что вскорѣ послѣ взятія Тулона ему пришлось пережить очень тяжелые дни. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ. Денегъ у него было очень мало и къ тому же, благодаря интригамъ депутата Обри, онъ лишился своего жалованья. Мать его въ это время жила въ Марселѣ съ дочерьми въ страшной нуждѣ. Наконецъ всѣ его деньги вышли, не было никакой надежды на улучшеніе матерьяльнаго положенія. Онъ рѣшился на самоубійство; вышелъ изъ дому и направился къ Сенѣ. . . Еще минута и всемірная исторія не занесла-бы на свои страницы имя Императора Наполеона Великаго, а въ лѣтописяхъ самоубійцы значилось бы, что генералъ Бонапартъ утопился въ Сенѣ вскорѣ послѣ взятія имъ Тулона. Но судьба предназначала Наполеону великій жребій и не допустила его погибнуть въ хо-

---

*) Brierre de Boismont «du suicide» стр. 453.

лодныхъ волнахъ родной рѣки, его ждала необыкновенная будущность и одинокая гробница на пустынномъ островѣ, омываемомъ волнами великаго, непобѣдимаго океана.

Въ ту минуту, когда Наполеонъ уже хотѣлъ броситься въ рѣку Сену, кто то назвалъ его по имени. Бонапартъ оборачивается и узнаетъ своего училищнаго друга Демази, въ одеждѣ простаго черно-рабочаго. Онъ уже давно эмигрировалъ изъ Франціи и теперь вернулся переодѣтый только для того, чтобы повидаться съ своею матерью. Послѣ первыхъ радостныхъ привѣтствій Демази замѣтилъ глубокую грусть Наполеона и съ участіемъ спросилъ о причинѣ ея; «ты похожъ на сумасшедшаго, который намѣренъ совершить самоубійство», сказалъ онъ Наполеону. Эти слова такъ поразили Наполеона, что онъ безъ дальнѣйшихъ колебаній рассказалъ все своему другу. Каково же было его удивленіе, когда Демази съ улыбкой разстегнулъ свою старую, заплатанную куртку и, вынувъ тридцать тысячъ франковъ, передалъ ихъ Наполеону и быстро скрылся, прежде чѣмъ растроганный Наполеонъ успѣлъ его поблагодарить. Напрасно потомъ Наполеонъ всюду розыскивалъ своего спасителя, всѣ его усилія найти Демази оказались тщетными. Только уже въ концѣ своего царствованія Императору удалось и то совсѣмъ случайно встрѣтить друга своей юности, котораго онъ насилу уговорилъ принять 300 тысячъ франковъ и мѣсто главнаго инспектора казенныхъ садовъ *).

*) Brierre de Boismont «du suicide et de la folie suicide» стр. 438.

14 Августа 1814 г., послѣ битвы при Фонтенебло, Наполеонъ, переговоривъ съ своими генералами, рѣшилъ отказаться отъ короны, которую окружилъ такимъ блескомъ. Душевные мученія, испытываемыя въ то время побѣжденнымъ титаномъ, были ужасны. Онъ рѣшилъ положить конецъ своей жизни, которая послѣ Фонтенебло, какъ ему казалось, не можетъ уже быть полезна для Франціи. Со времени похода въ Россію, Наполеонъ всегда носилъ при себѣ ядъ. Теперь онъ проглотилъ этотъ ядъ; но вмѣсто моментальной смерти почувствовалъ страшныя боли и не могъ удержаться отъ стоновъ. Ему была оказана медицинская помощь и такимъ образомъ послѣдняя попытка на самоубійство на закатѣ его политическаго могущества, такъ же не удалась какъ и первая попытка на зарѣ его славной жизни *).

Претерпѣвъ всѣ превратности судьбы, Наполеонъ не одобрялъ самоубійства **). На островѣ Св. Елены онъ говорилъ: «лишить себя жизни изъ за любви — сумасшествіе, изъ за потери состоянія — низость, изъ за нежеланія пережить свою честь — слабость. Но потерять корону и остаться жить, перенося обиды враговъ—это настоящее мужество. Самоубійство подобно поступку игрока, который уже все потерялъ, доказываетъ отсутствіе харак-

---

*) Исторія Наполеона, написанная на островѣ Св. Елены его генералами Монтоланомъ и др.

**) Inhofer «der Selbstmord» стр. 177.

тера». Впрочемъ у Легуа *) и у Суро **) мы находимъ свѣдѣнія о томъ, что въ 1814 году Наполеонъ хотѣлъ отравиться опиумомъ; послѣ неудачи этого самоубійства онъ уже не возобновлялъ попытокъ разстаться добровольно съ своею жизнью.

Во времена консульства во Франціи существовали клубы самоубійцъ; члены этихъ клубовъ по уставу клятвенно обязывались окончить жизнь самоубійствомъ. Бріеръ де Буамонъ ***), ссылаясь на стр. 32 сочиненія Prosper Lucas «de l'imagination contagieuse», утверждаетъ, что Парижскій клубъ насчитывалъ 12 лицъ и Берлинскій клубъ состоялъ изъ 6 человекъ, изъ которыхъ послѣдній членъ этого клуба лишилъ себя жизни въ 1819 году.

Въ Вѣнѣ въ 1824 году тоже существовало тайное общество, называемое клубомъ самоубійцъ. Общество это, состоявшее изъ 12 человекъ, разсѣялось только благодаря полиціи ****).

Чтобы завершить обзоръ религіозныхъ и философскихъ воззрѣній на самоубійство въ Западной Европѣ, слѣдуетъ еще упомянуть о величайшихъ всемирныхъ поэтахъ Англіи и Германіи Байронъ, Гёте и Шиллеръ, которые тоже не прошли молчаніемъ этотъ предметъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ.

Страдающій сильною ипохондріею Байронъ, разочарованный, мрачный въ своемъ созерцаніи совре-

---

*) Legoyt «le Suicide» стр. 40.

**) Suro «Selbstmord» стр. 155.

***) Brierre de Boismon «du suicide» pag. 467.

****) Невзоровъ «о самоубійствѣ» стр. 4 примѣч.

меннаго ему общества, невѣрующій въ загробную жизнь, былъ противникомъ самоубійства и въ его поэмахъ герои Гяуръ, Корсаръ, Манфредъ, Донъ-Жуанъ не ускорили наступленіе «непробуднаго сна, гдѣ нѣтъ сновидѣній». Впрочемъ такое направленіе въ поэзіи Байрона вполне понятно; какъ не плоха жизнь, какъ не безотрадны мученія, возбуждаемыя нашими страстями, все таки ихъ слѣдуетъ предпочесть полному небытію, противъ котораго возстаетъ голосъ разума и возмущается наша гордость.

Во времена Байрона самоубійства въ Англіи достигли однако невѣроятныхъ размѣровъ. Въ числѣ жертвъ самоубійства можно найти и государственныхъ дѣятелей и ученыхъ, художниковъ, литераторовъ, однимъ словомъ выдающихся людей эпохи. Въ 1822 году зарѣзался разочарованный жизнью пресыщенный властью Лордъ Робертъ Кэстельриджъ, Маркграфъ Лондондерри, извѣстный дипломатъ и министръ; непримиримый врагъ Наполеона I-го.

Въ 1846 году погибъ отъ самоубійства обремененный долгами, не смотря на свой упорный трудъ, Англіійскій историческій живописецъ Веньяминъ Робертъ Гайдонъ, родившійся въ 1786 г. Картины его, пользующіяся большимъ уваженіемъ въ Англіи и въ Сѣверной Америкѣ, отличаются оригинальностью сочиненія, сильнымъ колоритомъ, но грѣшатъ торопливостью исполненія. Самыя извѣстныя изъ этихъ картинъ «воскресеніе Лазаря», «входъ Спасителя въ Іерусалимъ», «изгнаніе Аристиды», «пожаръ Рима при Неронѣ».

Гѣте въ молодости едва не лишилъ себя жизни,

испытавъ всю тяжесть страданія, сопряженнаго съ безнадежною любовью къ женщинѣ, память о которой навсегда сохранилась для потомства, благодаря превосходному роману Гёте «страданіе молодого Вертера». Въ этомъ романѣ описаны страданія и любовь самого Гёте. А въ героинѣ романа Шарлотѣ не трудно узнать ту, которая въ чистомъ сердцѣ юнаго поэта зажгла огонь первой неугасающей любви. Сынъ этой Шарлоты, ГанOVERскій посланникъ Кастнеръ, въ бумагахъ своего отца и матери нашелъ собственноручныя письма Гёте. Эта переписка рисуеъ Гёте, какъ личность, очень симпатичную. Вертеръ и Гёте одно и тоже лицо; только настоящій Гёте бѣжалъ отъ Шарлоты и остался живъ; а Гёте въ романѣ, т. е. Вертеръ, застрѣлился.

Успѣхъ книги Гёте превосходитъ все, что можно себѣ представить. Ее читали, ее выучивали почти наизусть, и многіе молодые люди, подражая Вертеру, лишали себя жизни, посылая свои послѣднія благословенія любимой женщинѣ. Но многіе критики упрекали Гёте за то, что онъ описалъ самоубійство Вертера въ черезъ чуръ розовыхъ краскахъ. Роковой шагъ былъ сдѣланъ Вертеромъ съ полнымъ убѣжденіемъ съ покойной рѣшимостью. Передъ смертью онъ хотѣлъ еще разъ увидѣть жену своего друга. Онъ засталъ ее одну; мужа не было дома. Губы и глаза Вертера горѣли на рукѣ Лоты. Ужасъ охватилъ ее; она хотѣла удалиться, но участіе къ его страданіямъ поработило ея душу. Она умоляла его уже раньше, чтобы

онъ бросилъ эту несчастную привязанность. Она просила его, чтобы онъ преодолѣлъ себя, чтобы онъ поѣхалъ путешествовать и отыскалъ-бы дѣвушку, которая могла-бы наполнить желаніями его разбитое, юное, горячее сердце. Она клялась ему, что онъ найдетъ такую женщину, которая оцѣнитъ его талантъ, его умъ, возвышенную душу и ту необузданную страстность ко всему, къ чему онъ только прикасался. Она въ мысляхъ своихъ перебирала всѣхъ своихъ подругъ, желая между ними найти достойную для него жену, и съ ужасомъ создалась, что ей жалко Вертера, что всѣ ея знакомыя дѣвушки не достойны его, что она хотѣла бы сберечь его для самой себя. Эта мысль привела въ отчаяніе ея чистый, прекрасный душевный міръ, она поняла, что уже любить Вертера, и что надежда на счастье для нея навсегда закрыта. Вертеръ бросился передъ нею на колѣни; въ полнѣйшемъ отчаяніи схватилъ ея руки; прижалъ ихъ къ своимъ глазамъ, ко лбу и предчувствіе его ужаснаго намѣренія инстинктивно проникло въ ея душу. Она сжала его руки, прижала ихъ къ своей груди, наклонилась съ душевною болью къ нему и ихъ пылающія щеки прикоснулись. Свѣтъ исчезъ для нихъ. Онъ обвилъ свои руки вокругъ нея и покрывалъ ея дрожащія губы бѣшенными поцѣлуями. Но сознаніе долга взяло верхъ, она отстранила его своею слабою рукою, а онъ какъ безумный отскочилъ отъ нея. Колеблясь между любовью и гнѣвомъ, она сказала ему, что онъ видитъ ее въ послѣдній разъ и, уйдя въ сосѣднюю комнату, она за-

перла за собою дверь. Онъ легъ на полъ и пролежалъ безъ движенія болѣе получаса; потомъ вскочилъ и подойдя къ двери воскликнулъ: «прощай Лота, на вѣки прощай». Прийдя домой онъ одѣлъ свой новый голубой фракъ и написалъ письмо къ Шарлотѣ. Вечеромъ онъ еще долго рылся въ своихъ бумагахъ, многія разорвалъ и бросилъ въ печь; запечаталъ нѣсколько пакетовъ. Затѣмъ онъ отпустилъ спать своего слугу, а самъ, приписавъ еще нѣсколько строкъ къ письму къ Шарлотѣ, выстрѣлилъ себѣ въ голову надъ правымъ глазомъ. И однако Вертеръ Гёте далеко не атеистъ, онъ вѣритъ въ загробную жизнь. «О милая, черезъ минуту я разлучусь съ тобою на вѣки», пишетъ онъ Шарлотѣ, «нѣтъ, какъ могу я исчезнуть, мы «будемъ существовать, мы увидимся! Я иду впередъ, иду къ моему Отцу, къ твоему Отцу! Я «буду жаловаться Ему и Онъ будетъ утѣшать «меня, пока ты не прійдешь тоже къ Нему. Тогда «я полечу къ тебѣ на встрѣчу, схвачу тебя и останусь съ тобою передъ лицомъ Безконечнаго въ «вѣчныхъ объятіяхъ»^{*)}). Вертера нельзя причислять къ слабохарактернымъ натурамъ, у Вертера было много душевной силы и терпѣнія. Онъ скорѣе идеалистъ, мечтатель полный чувственности, чѣмъ скептикъ, испытывающій отвращеніе къ жизни, какимъ его считаютъ нѣкоторые критики. Если-бы Вертеръ не былъ проникнутъ сознаниемъ обязательности для него нравственныхъ правилъ, запрещаю-

---

^{*)} «Göthe's Werke» изд. Штутгардъ 1887 г. т. II стр. 591.

щихъ на землѣ любить чужую жену, то онъ навѣрное добился бы обладанія Шарлотою и остался бы жить, потому что и Шарлота его любила. Но Вертеръ не захотѣлъ обманывать друга, не хотѣлъ тайной преступной любви, а жить безъ Шарлоты для него было не выносимо и онъ умеръ, твердо вѣруя, что въ загробномъ мірѣ, гдѣ нѣтъ печалей, гдѣ всѣ равны и гдѣ нѣтъ ни женъ, ни ревнивыхъ мужей, онъ будетъ вправѣ слиться въ безконечномъ объятіи съ душою любимой женщины.

Впечатлѣніе, произведенное въ Германіи этимъ романомъ, было огромно. Одно изданіе расходилось за другимъ. Множество молодыхъ людей, упоенныхъ этимъ сочиненіемъ, въ мечтаніяхъ о любви, оканчивали жизнь самоубійствомъ, встрѣтивъ препятствія. Манія влюбляться въ чужихъ женъ дошла до своего апогея. Дзѣдушицкій*) рассказываетъ, что еще въ его время существовали экземпляры этого сочиненія Гёте, облитые кровью тѣхъ, кто видѣлъ въ Вертерѣ образецъ героизма и съ нимъ въ рукѣ оканчивалъ жизнь самоубійствомъ.

Говорятъ, что уже 75 лѣтній старикъ Гёте самъ сознавалъ вредное вліяніе своего романа и выразилъ полное сожалѣніе, что въ такихъ привлекательныхъ краскахъ описалъ самоубійство своего героя.

Шиллеръ въ своемъ сочиненіи «Cabale und Liebe» такъ же превозноситъ самоубійство.

Новъ то время, какъ проповѣдь писателей-защит-

---

*) Дзѣдушицкій «Самоубійство» изд. 1878 г. стр. 81. Кіевъ.

никовъ самоубійства раздавалась громко по всей Европѣ, законодательство еще продолжало смотрѣть на самоубійство какъ на преступленіе. Кодексъ Маріи Терезіи 1779 года въ статьѣ 93 отъ § 1—7 устанавливаетъ, что тѣло самоубійцы должно быть похоронено тамъ, гдѣ казнятъ преступниковъ. Если самоубійца лишилъ себя жизни, избѣгая наказанія за совершенное преступленіе, то его имущество берутъ въ казну, если только оно должно быть подвержено конфискованію за это преступленіе. Имя самоубійцы вычеркивается изъ всѣхъ метрикъ и книгъ того общества, къ которому онъ принадлежитъ. Впрочемъ самоубійство почиталось преступленіемъ только въ томъ случаѣ, если оно совершено при здоровомъ разсудкѣ.

Кодексъ Іосифа II 1787 года въ главѣ IV 123—125 такъ-же предписывалъ, чтобы тѣла самоубійцъ хоронились палачемъ, въ томъ случаѣ, если добровольная смерть постигла самоубійцу такъ быстро, что онъ передъ смертью не успѣлъ покаяться. Если самоубійца избѣжалъ наказанія за совершенное раньше преступленіе, то его имя съ названіемъ того преступленія должно быть вывѣшано на площади подлѣ висѣлицы и повсемѣстно объявлено. Уголовный Австрійскій кодексъ 3 Сентября 1803 г. говоритъ (ч. I § 203), что если преступникъ избѣжалъ черезъ самоубійство наказанія за доказанное преступленіе, то его имя съ указаніемъ этого преступленія должно быть вывѣшано на висѣлицѣ. Самое покушеніе на самоубійство и то считается наказуемымъ (ч. II § 90); а именно

покушавшійся на самоубійство получаетъ предостереженіе отъ властей. Если же (§ 91) покушеніе не удалось вслѣдствіе посторонняго вмѣшательства, то самоубійцу слѣдуетъ заключить подъ стражу и выпустить его не прежде, чѣмъ онъ пообѣщаетъ раскаяться и сознаетъ, что сохраненіе жизни есть обязанность по отношенію къ Создателю, государству и самому себѣ. Если покушеніе удалось и самоубійца умеръ, то тѣло его подъ конвоемъ переносить въ поле и хоронятъ за кладбищемъ безъ церковныхъ обрядовъ. Кодексъ Наполеона Code Pénal 1810 года совершенно не упоминаетъ о самоубійствѣ. Впрочемъ, какъ уже было выше замѣчено, самъ Наполеонъ I не одобрялъ самоубійства и, будучи консуломъ, издалъ декретъ къ арміи, въ которомъ говорилось, что солдатъ долженъ побуждать свои страсти, какъ побуждаетъ враговъ отечества, а потому воинъ, лишаящій себя жизни, изъ за любви или горя — бѣглець, убѣгающій передъ битвой съ поля будущаго сраженія. Благодаря настояніямъ Фейербаха, Баварское уложеніе 1813 г. показало первый примѣръ ненаказуемости самоубійства.

Въ Англіи до сихъ поръ еще не отмѣнены тѣ средневѣковые англо-саксонскіе суровые законы короля Эдгара противъ самоубійць, о которыхъ мы уже упоминали выше; но на практикѣ эти законы почти не примѣняются. По примѣру Баварскаго уложенія, Австрійскій уголовный кодексъ 1852 г., Венгерское уложеніе и Голландскій кодексъ не считаютъ самоубійство преступленіемъ; тѣмъ не ме-

нѣе подвергаютъ нѣкоторые виды соучастія въ самоубійствѣ наказанію, а именно подстрекатели и пособники, въ случаѣ самоубійство удалось, подлежатъ заключенію до трехъ лѣтъ. Allgemeines Landrecht т. II § 188 говоритъ: «безъ соизволенія государ-«ственной власти никому не можетъ быть отказано «въ честномъ погребеніи на общественномъ клад-«бищѣ». Изданный для Царства Польскаго въ 1847 году кодексъ въ ст. 944, 946 и 948 говоритъ, что духовныя завѣщанія самоубійцы не имѣ-ютъ силы, а сами они должны быть лишены хри-стіанскаго погребенія. Вслучаѣ неудачнаго поку-шенія на самоубійство, виновный подвергается цер-ковному покаянію. Эти наказанія не примѣняются въ томъ случаѣ, если самоубійство совершено въ пылу благороднаго самопожертвованія и когда жен-щина лишаетъ себя жизни, чтобы избѣгнуть изна-силованія и позора.

Въ настоящее время ни одинъ изъ западныхъ уголовныхъ кодексовъ не считаетъ самоубійство дѣяніемъ наказуемымъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ древней исторіи Польши самоубійства были чрезвычайно рѣдкимъ, почти несслыханнымъ явленіемъ. Въ Польской кон-ституціи и въ собраніяхъ законовъ не было ника-кихъ постановленій о самоубійцахъ. Дзѣдушицкій, ссылаясь на Теодора Островскаго *), утверждаетъ, что мѣстные законы польскіе ничего не говорятъ

---

*) Prawo cywilne narodu polskiego -- Варшава 1887 г. т. I стр. 350.

о самоубійствѣ и что только по обычаю самоубій-
цѣ отказывалось въ торжественномъ погребеніи.

Простой народъ въ Польшѣ всегда смотрѣлъ
на самоубійство, какъ на преступленіе и съ суе-
вѣрнымъ ужасомъ, крестясь, спѣшилъ пройти мимо
могилы самоубійцы. Самое мѣсто, гдѣ соверши-
лось самоубійство и гдѣ покоятся останки само-
убійцы, считалось нечистымъ. Польскіе поэты то-
же возставали противъ самоубійства; такъ Карпин-
скій писалъ:

Что за польза въ ранней смерти,
Когда ты можешь еще жить?
Иль боишься ты терпенье
Противъ горя приложить.
Ты не знаешь, что тебя
Можетъ завтра ожидать;
Можетъ быть тебѣ судьбою
Суждено на лаврахъ спать.

Впрочемъ въ концѣ 18 вѣка въ высшемъ
польскомъ обществѣ вмѣстѣ съ распространеніемъ
французскихъ модъ подъ вліяніемъ западныхъ
писателей устанавливается взглядъ на самоубійство,
какъ на дѣяніе не заслуживающее порицанія.

Въ 1794 году погибъ отъ самоубійства братъ
польскаго короля Станислава Августа, Примасъ Ми-
хаилъ Понятовскій. Польскіе патрули перехватили
письмо Михаила Понятовскаго къ Прусскому ко-
ролю и обвиненный въ измѣнѣ Примасъ былъ при-
говоренъ къ смертной казни. Спасти его было не-
возможно. Поэтому Станиславъ Августъ досталъ

у придворнаго доктора яду, который поражалъ-бы моментальной смертью и, закутавшись въ плащъ, пробрался въ Примаскій дворецъ, гдѣ содержался подъ стражею несчастный приговоренный къ смерти. Заливаясь слезами, король подалъ брату ядъ. Они обнялись для вѣчной разлуки. Примасъ проглотилъ ядъ и черезъ минуту былъ мертвъ, а король быстро выбѣжалъ изъ замка.

Въ 1815 году окончилъ жизнь самоубійствомъ извѣстный ученый польскій путешественникъ Иванъ Потоцкій, а въ 1828 году молодой польскій поэтъ Заборовскій.

Девятнадцатый вѣкъ въ числѣ жертвъ самоубійства видѣлъ много выдающихся личностей. Кромѣ жертвъ революціи, о которыхъ мы говорили выше, во Франціи многіе выдающіеся лица погибли отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ. Такъ знаменитый французскій живописецъ Леонидъ Робертъ*) лишился жизни 20 Марта 1845 года въ Венеціи отъ любви. Антоній Гроссъ**), выдающійся историческій живописецъ, бросился въ Сену въ Іюнѣ 1835 года. Альфонсъ Раббе***), французскій литераторъ, отравился 6 Декабря въ 1829 году.

Знаменитый философъ графъ Saint Simon, родившійся въ 1760 году и умершій въ 1825 году, покушался на самоубійство; однако ему спасли жизнь и послѣ этого онъ продолжалъ свои ученые

---

*) Дзѣдушницкій «Самоубійство» стр. 103.

**) Тамъ-же.

***) Тамъ-же.

труды и издалъ свою знаменитую теорію соціалогіи. Неудавшееся самоубійство графа Saint Simon'a свидѣтельствуешь объ удивительной твердости его духа и необыкновенномъ хладнокровіи. Причина этого покушенія до сихъ поръ осталась не вполне выясненною. Надо полагать, что его приводило въ отчаяніе равнодушіе и насмѣшливость, съ которою общество встрѣтило его сочиненія о равенствѣ и братствѣ. Рѣшившись умереть, онъ предварительно собралъ у доктора всѣ свѣдѣнія о наивѣрнѣйшемъ способѣ застрѣлиться. Докторъ сказалъ ему, что лучше всего стрѣлять въ глазъ, такъ какъ тогда пуля попадетъ въ мозгъ и смерть наступитъ почти мгновенно. Saint Simon назначилъ день и часъ для выполненія своего намѣренія. Взявъ затѣмъ въ руки пистолетъ, онъ приставилъ его дуло къ одному глазу, а другимъ глазомъ слѣдилъ за стрѣлкою часовъ и, когда наступила роковая секунда, спустилъ курокъ. Раздался выстрѣлъ и окровавленный философъ, въ полной увѣренности въ неизбежности быстрой смерти, легъ спокойно въ постель. Къ счастью въ это самое время къ нему случайно зашелъ одинъ изъ его пріятелей докторъ S., тотъ самый, у котораго Saint Simon спрашивалъ, куда лучше стрѣлять. «Ну, докторъ, я застрѣлился по вашему совѣту», сказалъ ему Saint Simon. «Подойдите и убѣдитесь, что пульсъ «и сердце бьются у меня не скорѣе обыкновеннаго «и что рѣшившись разстаться съ жизнью я не «волнуюсь больше, чѣмъ при какомъ либо другомъ «поступкѣ». Докторъ дѣйствительно убѣдился, что

Saint Simon былъ совершенно покоенъ и сердце у него билось ровно и даже пульсъ не былъ ускоренъ *). Благодаря усердному лѣченію, хорошему уходу и крѣпкому тѣлосложенію больнаго его удалось вылѣчить и послѣ того онъ жилъ еще нѣсколько лѣтъ и продолжалъ свои ученыя изысканія.

Отвращеніе къ жизни подъ вліяніемъ хандры развивается вообще чаще у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ. По всѣмъ вѣроятіямъ любовь къ семейству, къ дѣтямъ, различіе женскихъ страстей отъ мужскихъ и постоянныя занятія по хозяйству, не требующія особеннаго напряженія ума, въ значительной степени предохраняютъ женщинъ отъ хандры. Впрочемъ упадокъ духа и отвращеніе къ жизни замѣчаются не у однихъ только мечтателей поэтовъ и художниковъ, но и у людей, которые одарены очень твердымъ характеромъ и дѣятельно хлопочутъ на поприщѣ общественной жизни. Такъ на примѣръ въ собственноручномъ дневникѣ Наполеона Великаго, хранящемся въ библіотекѣ кардинала Феша, можно найти признаніе этого замѣчательнаго человѣка въ томъ, что ему въ юности часто приходила на умъ мысль окончить жизнь самоубійствомъ.

Существованіе нравственной болѣзни, называемой хандрой и скукою, не подлежитъ сомнѣнію, но было-бы ошибочно всегда считать хандру признакомъ умопомѣшательства, какъ это полагаетъ

---

*) Brierre de Boismont: «du suicide et de la folie suicide» стр. 428.

Esquirol. Отвращеніе къ жизни является часто мотивомъ самоубійства при отсутствіи какихъ бы то ни было признаковъ душевнаго разстройства *). Хандра нерѣдко вызываетъ умопомѣшательство, но сама по себѣ очень рѣзко отличается отъ него. Хандрою страдали выдающіеся мыслители міра. Кромѣ уже перечисленныхъ Наполеона, Байрона, Гете, Робека, Руссо, Saint-Simon, мы можемъ указать на Шопенгауера, Ламартина и Шатобріана, изъ которыхъ Ламартинъ описалъ свою тоску и склонность къ самоубійству въ своемъ сочиненіи «Nouvelles confidences», а послѣдній въ своихъ «Mémoires d'outre tombe» изобразилъ гнетущую тоску, не покидавшую его въ теченіи всей жизни. Ламартина нельзя упрекнуть въ бездѣйствіи; онъ не былъ бесплоднымъ мечтателемъ. Бросаясь отъ одной отрасли человѣческихъ знаній къ другой, онъ повсюду проявлялъ свои необычайныя дарованія; всѣ его сочиненія свидѣтельствуютъ объ обширности его знаній, ясности его ума и привычкѣ къ труду. И все же этотъ замѣчательный, ученый, государственный человѣкъ, историкъ, поэтъ, ораторъ, такъ-же какъ и Шатобріанъ нигдѣ не находилъ удовлетворенія въ своей многосторонней, вѣчно-разнообразной дѣятельности. Неизмѣнная хандра повсюду преслѣдовала Шатобріана. Томимый скукою онъ мѣнялъ мѣстожительство, скучалъ среди шумнаго свѣтскаго общества, предавался безпричинному отчаянію въ тиши своего кабинета и ни

---

*) Brierre de Boismont «du suicide» стр. 292.

когда не могъ разстаться съ мыслью о самоубійствѣ. Генрихъ Шопенгауеръ внезапно покончилъ свою жизнь самоубійствомъ весною 1805 г. Сынъ его, знаменитый философъ Артуръ Шопенгауеръ, отличался упрямствомъ, оригинальнымъ характеромъ и глухотою. Подъ конецъ своей жизни онъ несомнѣнно страдалъ сильною хандрой, но тѣмъ не менѣе, не смотря на попытки Зейдлица и Ломброзо представить его психопатомъ, Штейнъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ о Шопенгауерѣ настаиваетъ на томъ, что великій германскій философъ вовсе не былъ психопатомъ.

Но Шопенгауеръ подобно итальянскому мыслителю Леопарди былъ насквозь пропитанъ безцѣльностью и бѣдственностью земнаго существованія. Поклонникъ будійскихъ ученій, онъ не столько подготовилъ въ обществѣ благоприятную почву для самоубійствъ своимъ атеизмомъ, сколько пессимистическими воззрѣніями на жизнь. Его безотрадные этическіе идеалы совпадаютъ вполне съ стремленіями Байрона, Шатобріана, Ламартина, Лермонтова, Леопарди и другихъ популярныхъ въ Европѣ поэтовъ міровой скорби. Въ молодости Шопенгауеръ удѣлялъ много времени поклоненію женской красотѣ, отличался живымъ и общительнымъ характеромъ и вообще только въ возрастѣ около 25 лѣтъ началъ замѣтно поддаваться наклонности къ уединенію. Онъ не испыталъ въ своей жизни ни лишеній, ни горя, ни болѣзней, а между тѣмъ опубликованныя выписки изъ его дневни-

ка*) свидѣтельствуютъ, что онъ томился недовольствомъ судьбою и что индивидуальныя страданія его, не имѣвшія реальной подкладки, могутъ быть объяснены лишь прирожденной меланхоліею духа, проявившеюся съ особенною силою въ послѣдніе тридцать лѣтъ его долгой и спокойной жизни. Впрочемъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что хандра особенно сильно развивается у людей, которые проводятъ все время въ одиночествѣ и въ усиленныхъ умственныхъ занятіяхъ. Оттого Іоаннъ Златоустъ въ своемъ письмѣ къ Стагиру указываетъ, какъ на средство отъ хандры, завестись семействомъ и любить его. Въ самомъ дѣлѣ съ женою и дѣтьми уединеніе почти невозможно.

Въ 1834 году весь Парижъ былъ взволнованъ поразительнымъ самоубійствомъ 82 лѣтняго богача помѣщика De Routalba. Сынъ этого старика былъ женатъ на дочери Г-жи D'Almonastr. Сперва онъ былъ пажемъ при Наполеонѣ I, а потомъ служилъ адъютантомъ у Маршала Нея. Первое время молодые супруги были очень счастливы, но потомъ мужъ сталъ не безъ основанія ревновать жену. Она сдѣлалась крайне расточительною и даже огромные доходы De Routalba не могли удовлетворить ея непомерныхъ требованій. Въ одинъ прекрасный день она неизвѣстно куда исчезла. Впрочемъ вскорѣ мужъ получилъ отъ нея письмо изъ Новаго Орлеана съ требованіемъ развода; затѣмъ о ней

---

*) Штейнъ: «Ар. Шопенгауеръ какъ человекъ и мыслитель», т. I стр. 177, 201, 473.

долго ничего не было слышно и несчастному мужу только отъ времени до времени приходилось уплачивать по ея долговымъ роспискамъ. Наконецъ она вернулась къ мужу, но ея возвращеніе причиняло только новыя горести всему семейству, потому что подъ ея вліяніемъ сынъ ея бросилъ военную академію, гдѣ прежде прилежно учился, и предался разгульной жизни. Всѣ эти поступки глубоко огорчили старика 82 лѣтняго дѣда De Poutalba, давно уже жившаго въ деревнѣ у себя въ замкѣ.

По поступкамъ развратной женщины старикъ понялъ, что она погубить все семейство и чтобы спасти своего сына и внука отъ неминуемаго раззоренія, старецъ рѣшилъ пожертвовать собою. Войдя въ комнату невѣстки съ парюю двухствольныхъ пистолетовъ, онъ заперъ за собою дверь, подошелъ къ изумленной женщинѣ и приказалъ ей молиться передъ смертью.

Она умоляла его пощадить ея жизнь, обѣщая исполнить всѣ его требованія, но старикъ оставался неумолимъ. Первый выстрѣлъ не убилъ несчастную женщину, пуля попала въ лѣвую сторону груди. Второй выстрѣлъ ранилъ ея въ руку.

Тогда, обезумѣвъ отъ страха Г-жа de Poutalba подбѣжала къ дверямъ и стала неистовымъ голосомъ звать на помощь. Разгнѣванный старикъ произвелъ еще одинъ неудачный выстрѣлъ, но въ это время сбѣжавшіеся люди выломали дверь и спасли окровавленную женщину отъ дальнѣйшихъ выстрѣловъ. Старикъ удалился въ свой кабинетъ

и лишилъ себя жизни... А его развратная невѣстка выздоровѣла и послѣ этого ее продолжали торжественно принимать въ великосвѣтскихъ парижскихъ салонахъ. Этотъ старикъ былъ вполне бодръ и въ полномъ умѣ: очевидно онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ желанія пожертвовать своею жизнью на благо всей своей семьи.

Среди многочисленныхъ самоубійствъ, имѣвшихъ мѣсто въ Англіи во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія особенно, замѣчательно самоубійство Лорда Садлера, отравившагося на 42 году отъ рожденія.

До самой послѣдней минуты жизни Садлеръ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и занималъ чрезвычайно высокое общественное положеніе. Начавъ свою карьеру адвокатурой въ Ирландіи, онъ очень скоро выдвинулся, благодаря своимъ замѣчательнымъ талантамъ, и сдѣлался депутатомъ въ палатѣ общинъ, а затѣмъ Лордомъ — казначеемъ.

Только послѣ его смерти вся Англія съ ужасомъ узнала, какія тяжкія преступленія успѣлъ совершить въ теченіи своей жизни этотъ выдающійся государственный человѣкъ. Онъ отравился ядомъ, который всегда носилъ при себѣ. Передъ смертью онъ написалъ нѣсколько писемъ, въ которыхъ заключается исповѣдь его бурной преступной жизни.

Въ 1870 году во Франціи появилось сочиненіе Е. Douay (Дуэ) «Le suicide», въ которомъ онъ въ формѣ повѣсти, весьма завлекательно написанной, излагаетъ взгляды на самоубійство, склоняясь въ сторону мыслителей, не видящихъ въ самоубійствѣ преступленія и грѣха.

Знаменитый Литре, глава французской школы позитивистовъ, говоритъ: «когда человѣкъ ясно излагаетъ причины, мѣшающія ему жить дольше «и когда эти причины не воображаемыя, какое же «можетъ быть основаніе не признавать за такимъ «человѣкомъ права нравственной свободы распоряжаться своею жизнью».

Лерминье въ своемъ сочиненіи «*La philosophie du droit*» такъ же защищаетъ самоубійство. Онъ говоритъ, что фізіологія совершенно ошибочно считаетъ самоубійство дѣяніемъ безумнымъ и бессмысленнымъ; напротивъ того самоубійство въ дѣйствительности очень часто есть актъ свободной, сознательной воли. Только человѣкъ можетъ лишить себя жизни, другія же животныя не обладаютъ этою возможностью, потому что только человѣкъ умѣетъ любить, страстно желать и уважать добродѣтель и свободу.

Въ этомъ отношеніи Лерминье однако ошибается, потому что по наблюденіямъ натуралиста Toussenel *) у ласточекъ привязанность самокъ къ ихъ самцамъ превосходитъ всякія вѣроятія. Если ласточка теряетъ своего мужа, то она уже больше никогда не сходится съ другимъ самцомъ. Toussenel утверждаетъ, что ему самому случалось наблюдать, какъ самки ласточки, потерявшія своихъ мужей, переставали принимать пищу и отъ долгаго воз-

---

*) Toussenel «*Les colombiens. Feuilleton de la Presse*» 1854 г. Briere de Boismont.

держанія и горя умирали съ голоду. Всѣмъ извѣстенъ разсказъ о собакѣ, которая, послѣ того какъ похоронили ея хозяина, не хотѣла уйти съ его могилы и умерла отъ голода и холода. Бріерръ де Буамонъ рассказываетъ, что маленькая собачка Маріи Стюартъ взбѣжала за нею на эшафотъ; какой то фанатикъ заставилъ эту собачку полизать кровь ея госпожи. Послѣ того бѣдное животное не хотѣло ничего ѣсть и вскорѣ умерло отъ голода*).

Историческій очеркъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній на самовольную смерть приводитъ къ убѣжденію, что во всѣ времена человѣческой исторіи самоубійство существовало то подвергаясь осужденію философовъ и законодателей, то напротивъ того, находя себѣ ярыхъ защитниковъ среди представителей мысли и науки.

Нашъ XIX вѣкъ въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Выдающіеся иностранные юристы и русскіе криминалисты, какъ то: Таганцевъ, Кистяковский . . . не считаютъ самоубійство преступленіемъ, а писатели школы позитивистовъ не считаютъ его и дѣяніемъ постыднымъ и безнравственнымъ. Но всѣ какъ признающіе, такъ и отрицающіе за человѣкомъ право самовольно распоряжаться своею жизнью сходятся однако въ томъ отношеніи, что необходимо бороться съ увеличавшеюся въ современномъ обществѣ наклонностью къ самоуничтоженію; Brierre de Boismont, Lisle, Eb-

---

*) Parthénon de l'histoire liv. 32 et 33 par. Amédée Pichot.

gard, Falret, Motel и цѣлый рядъ другихъ докторовъ, о которыхъ упоминаетъ Legoyt*), всѣ въ одинъ голосъ порицаютъ современное неправильное воспитаніе и въ немъ видятъ главную причину ужасающаго роста самоубійствъ въ Европѣ.

На международномъ конгрессѣ судебной медицины въ Парижѣ въ 1878 году докторъ Жанель, какъ средство предупреждающее самоубійство, предложилъ возобновить уголовную репрессію самоубійства, а именно предлагалъ установить, чтобы трупы самоубійцъ обязательно доставлялись въ амфитеатры для анатомическихъ опытовъ надъ ними.

Послѣ непродолжительныхъ преній это предложеніе было отклонено конгрессомъ, при чемъ председатель конгресса Девержи сказалъ, что современное общество никогда не согласится отнять у семьи право сохранить тѣло ея члена, который лишилъ себя жизни **).

И такъ пусть семейства самоубійцъ плачутъ надъ хладными трупами безвременно погибшихъ жертвъ самоубійства; пусть религія позволяетъ хоронить ихъ тѣла и молиться объ упокоеніи ихъ души; пусть законы снисходительно смотрятъ на тѣхъ несчастныхъ, которые стремятся самовольно сократить свою жизнь.

Во всемъ этомъ мы не видимъ опасности для общественной нравственности и для благополучія

---

*) Legoyt «Le Suicide ancien et moderne».

**) Лихачевъ «Самоубійство въ западной Европѣ и Россіи» стр. 170.

человѣческаго рода на землѣ, но мы присоединяемся къ тѣмъ писателямъ, которые всѣ свои надежды на успѣшную борьбу съ самоубійствомъ возлагаютъ на педагогію и требуютъ отъ общества и семьи, чтобы новыя поколѣнія воспитывались въ духѣ любви къ человѣчеству и ко всему живущему. Человѣкъ, который любитъ природу и находитъ утѣшеніе въ созерцаніи ея красотъ, который любитъ людей и смотритъ на земную жизнь, какъ на высокую и благую цѣль, найдетъ въ себѣ всегда довольно силы, чтобы пережить самыя тяжкія испытанія, посылаемыя ему судьбою, не исключая даже мученій отвергнутой любви. Онъ переживетъ не только потерю чести, состоянія, родныхъ и любимыхъ людей, измѣну жены и коварство друзей, но онъ найдетъ въ себѣ настолько нравственной силы, что будетъ благословлять жизнь и молиться за своихъ враговъ даже тогда, когда останется въ мірѣ одинокимъ, отвергнутымъ борцомъ за идею правды и любви.

Самоубійства въ Россійскомъ государствѣ.

Не напрасно, не случайно жизнь отъ Бога мнѣ дана.
(Филаретъ).

Сузить мнѣ трудъ и горе
Грядущаго вознужное море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.
(Пушкинъ).

Взглядъ преподобнаго Августина *), умершаго въ 430 г. по Рож. Христ., на самоубійство, какъ на тяжкій грѣхъ, какъ на преступленіе противъ воли Божьей, противъ ближнихъ, сдѣлался господствующимъ въ западной церкви. Вскорѣ церковные соборы **) стали опредѣлять наказанія за самоубійство, съ цѣлью предупрежденія новыхъ покушеній на лишеніе себя жизни.

Восточная церковь такъ же не осталась чужда этимъ взглядамъ и осужденіе самоубійства мы можемъ найти въ древнѣйшихъ памятникахъ нашего церковнаго законодательства. Въ § 14 Кормчей книги говорится «Аще кто самъ себя убьетъ, или заколетъ, или удавитъ, приношеніе не принесется

---

*) «De Civitate Dei», книга V гл. 14, 17, 20 — русскій переводъ Московское изданіе 1788 г.: «избранныя сочиненія Августина».

**) 2-ой Орлеанскій соборъ въ 533 году; Толедскій и др.

«за него, токмо еще не будетъ во истину умъ погубилъ подобаетъ-бо ихъ причетникомъ испытовати о семъ со истязаніемъ». Въ требникѣ Петра Могилы и «въ инструкціяхъ старостамъ поповскимъ» отъ Андріана Московскаго Патріарха въ статьѣ 21 мы находимъ такъ же запрещеніе хоронить у церквей или на кладбищахъ тѣла самоубійцъ. Однако до Петра Великаго свѣтское законодательство въ Россіи вовсе не упоминало о самоубійствѣ. Постановленія же свѣтской власти, «о самоубійствѣ» впервые встрѣчаются въ Военскомъ Уставѣ Петра I-аго 1716 года въ главѣ XIX артикулѣ 164 гласящемъ: «ежели кто себя убьетъ, то подлежить тѣло его палачу въ безчестное мѣсто отволочь и закопать, волоча прежде по улицамъ и обозу». Въ толкованіи къ этому артикулу прибавлено: «а ежели кто учинить въ безпамятствѣ, болѣзни, въ меланхоліи, то оное тѣло въ особливомъ, но не безчестномъ мѣстѣ похоронить». Уставъ Морской Петра I-аго еще строже относится къ самоубійству; въ ст. 107 говорится: «кто захочетъ самъ себя убить и его въ томъ застанутъ, того повѣсить на районѣ, а ежели кто самъ себя убьетъ тотъ и мертвый за ноги повѣшенъ быть имѣетъ». Эти узаконенія сохранили свою силу и въ послѣдующія царствованія, такъ что сводъ законовъ Императора Николая I относится къ самоубійству очень строго. У Brierre de Boismont можно найти слѣдующій мало извѣстный анекдотъ о Петрѣ Великомъ. Когда Петръ I-ый предалъ Верховному Суду своего сына царевича Алексѣя, одинъ изъ

судей подалъ Петру прошеніе о назначеніи пенсіи своей вдовѣ. Удивленный царь потребовалъ отъ него объясненія по поводу такого страннаго прошенія. «Я подчиняюсь приказаніямъ Вашего Величества», отвѣчалъ судья, «это моя священная обязанность, и поэтому я подпишу приговоръ, но «я не могу послѣ этого остаться жить, я долженъ умереть, это мое священное право».

Петръ помолчалъ, подумалъ, потомъ рѣзко проговорилъ: «иди ложись въ постель».

У того же писателя можно найти слѣдующій интересный фактъ, почерпнутый имъ изъ «*Moniteur officiel*» за 1791 годъ: Императрица Екатерина II, нуждаясь въ новобранцахъ, издала указъ, въ которомъ объявлялось, что всѣ Русскіе подданные, которые вступятъ добровольно въ ряды войска, получатъ свободу. Послѣдствіемъ этого указа было то, что крѣпостные крестьяне цѣлыми массами стали поступать вольноопредѣляющимися въ армію. Дворянство подняло вопль и Екатерина II-ая, снизойдя къ просьбамъ землевладѣльцевъ, отмѣнила свой указъ и приказала всѣмъ крѣпостнымъ вернуться снова къ своимъ господамъ. Многіе однако не захотѣли подчиниться этому новому указу, и опасаясь гнѣва своихъ господъ, окончили жизнь самоубійствомъ *).

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Россіи умеръ отъ самоубійства Александръ Николаевичъ

---

*) Le Duc Léonzon: «*La Russie contemporaine*» p. 300 Paris 1853.

Радищевъ талантливый и беспокойный мечтатель, не оставившій, впрочемъ, послѣ себя никакихъ особенно замѣчательныхъ трудовъ. Въ свое время книга Радищева «Путешествіе въ Москву» надѣлала много шума; она была причиною его несчастія и кратковременной славы. Екатерина сама прочитала эту книгу и за ее горькую возмутительную сатиру передала Радищева суду. Сенатъ приговорилъ его къ смертной казни, но Государыня смягчила приговоръ и Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь.

Всѣ прочли книгу Радищева, но вскорѣ и забыли ее.

Императоръ Павелъ I вызвалъ Радищева изъ ссылки, вернулъ ему дворянство и чины и обласкавъ его, взялъ съ него обѣщаніе не писать ничего противъ Правительства. Радищевъ сдержалъ свое слово и во все время царствованія Павла I не написалъ ни одной строчки. Но въ царствованіе Александра I онъ былъ опредѣленъ въ комиссію составленія законовъ и здѣсь съ юношескою пылкостью снова принялся за свои прежнія мечтанія. Графъ Завадовскій съ дружескимъ упрямомъ замѣтилъ ему, что въ его года и при сѣдыхъ волосахъ не слѣдуетъ такъ увлекаться безплодными мечтаніями, при этомъ Графъ выразился въ томъ смыслѣ, что и Сибирь не охладила Радищева. Огорченный мечтатель возвратился домой и отравился.

Пушкинъ въ своей статьѣ о Радищевѣ утверждаетъ, что мысль о самоубійствѣ постоянно преслѣдовала Радищева съ тѣхъ поръ, какъ въ Лейп-

цигѣ онъ присутствовалъ при мучительной кончинѣ своего молодого друга Ушакова, умершаго на 21 году жизни отъ послѣдствій невозддержанной жизни. Осужденный врачами на смерть, Ушаковъ равнодушно и спокойно услышалъ свой приговоръ, но вскорѣ физическія муки стали столь не выносимы, что онъ захотѣлъ ускорить приближеніе смерти и потребовалъ яду, но Радищевъ помѣшалъ ему отравиться и Ушаковъ умеръ естественною смертью въ страшныхъ мученіяхъ. Съ этихъ поръ мысль о самоубійствѣ сдѣлалась любимою темою размышлений Радищева. Онъ написалъ философское разсужденіе «О человѣкѣ и его смертности и безсмертіи» изд. въ 1807 г. Пушкинъ находить, что умствованія его пошлы, а слогъ тяжелый и вялый. Въ этомъ сочиненіи проглядываетъ увлеченіе теоріями и взглядами Гельвеція.

Въ теченіи своей жизни Радищевъ постоянно самъ предсказывалъ, что кончитъ свою жизнь самоубійствомъ и наконецъ это предсказаніе сбылось, когда всего меньше можно было ожидать его исполненія.

Въ изданіи 1832 года Свода законовъ въ силу статей 347, 348 и 349 оконченное самоубійство влекло за собою лишеніе христіанскаго погребенія, если не было доказано, что самоубійство послѣдовало въ состояніи безумія или безпамятства. Такимъ образомъ наше Русское свѣтское законодательство, какъ и церковное различало вольное, сознательное самоубійство отъ безсознательнаго. Это дѣленіе самоубійства сохранилось и въ

современномъ нашемъ правѣ, не смотря на господствующее въ настоящее время въ медицинѣ воззрѣніе на самоубійство, какъ на дѣяніе совершающееся всегда подъ вліяніемъ не нормальнаго состоянія мозга и какаго-то особеннаго молекулярнаго движенія частицъ мозга. Такъ профессоръ Судебной медицины Казанскаго Университета Гвоздевъ въ своемъ трудѣ «о самоубійствѣ съ соціальной и медицинской точекъ зрѣнія» проводитъ мысль, что самоубійство всегда есть ничто иное, какъ проявленіе умственной дѣятельности, достигшей послѣднихъ границъ своей ненормальности *).

«Какъ за ближайшую причину всякаго по-
жара мы принимаемъ вообще огонь», говоритъ профессоръ Гвоздевъ, въ другомъ мѣстѣ (стр. 30 idem): «такъ за ближайшую причину всякаго самоубійства мы не можемъ, хотя-бы употребили всю силу разумѣнія своего, принять другой причины, кромѣ «измѣненія нормальной мозговой дѣятельности». Въ заключеніе своей брошюры Гвоздевъ говоритъ: «самоубійство совершается только помѣшанными, т. е. больными, а потому считать какую-бы то ни было «болѣзнь преступленіемъ и налагать за эту болѣзнь наказаніе, значить возвратиться къ воззрѣніямъ «давно минувшихъ вѣковъ».

Впрочемъ мнѣніе профессора Гвоздева далеко не раздѣляютъ самые выдающіеся изслѣдователи са-

---

*) Гвоздевъ «о самоубійствѣ» стр. 4, изд. 1889 г. Казань.

моубійства. Такъ напр. Бріерръ-де-Буасмонъ *) пришелъ къ заключенію, что отвращеніе къ жизни является часто главнымъ мотивомъ самоубійства при отсутствіи какихъ-бы то ни было признаковъ душевнаго разстройства. А. Lisle въ своемъ замѣчательномъ трудѣ *Du suicide* **) положительно опровергаетъ точку зрѣнія Falret и другихъ докторовъ, разсматривавшихъ всякое самоубійство, какъ явленіе болѣзненнаго разстройства умственныхъ способностей. Письма самоубійць составляютъ самый убѣдительный доводъ противъ мнѣнія тѣхъ, которые утверждаютъ, что въ послѣднія минуты лишаящіе себя жизни постоянно находятся въ бреду, или подвержены очевидному разстройству умственныхъ способностей. Мнѣніе ихъ опровергаютъ не только чистый, ровный почеркъ писемъ у многихъ самоубійць, указывающій на твердость духа самоубійць, но такъ же и мысли и чувства, выраженные въ ихъ предсмертныхъ строкахъ ***).

Постановленія нашего современнаго права заключаютъ въ себѣ взглядъ на самоубійство не только съ точки зрѣнія уголовной, какъ преступленія, влекущаго за собою наказаніе, но и предусматриваютъ гражданскія послѣдствія этого дѣянія въ сферѣ имущественной. Поэтому не только уложеніе о

---

*) Brierre de Boismont «*du Suicide et de la folie—suicide*» изд. 1865 г. въ Парижѣ.

**) Lisle «*du suicide statistique, médecine, histoire et l'é-gislation*». Paris 1856 г.

***) Ольхинъ «о самоубійствѣ въ медицинскомъ отноше-ніи» стр. 245.

наказаніяхъ содержитъ въ себѣ отдѣльную главу 2-ую въ раздѣлѣ X, трактующую о самоубійствѣ, но и въ сводѣ гражданскихъ законовъ мы находимъ статью 1017, опредѣляющую, что завѣщанія самоубійцъ считаются недѣйствительными. Предшествующая статья 1016 объясняетъ намъ причину, по которой законодатель хочетъ, чтобы завѣщаніе самоубійцъ считалось недѣйствительнымъ.

Статья 1016 тома X св. зак. говоритъ, что всѣ завѣщанія должны быть составлены въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, а «посему», поясняетъ слѣдующая статья 1017-ая, во 1-хъ «духовныя завѣщанія недѣйствительны, если они составлены во время помѣшательства лицами безумными, сумасшедшими», во 2-хъ «недѣйствительны духовныя завѣщанія самоубійцъ». Какъ изъ буквального текста приведенныхъ двухъ статей, такъ и на основаніи логическаго толкованія ихъ придется признать, что гражданское наше право придерживается взгляда на самоубійство совершенно противоположнаго, чѣмъ уголовное уложеніе. А именно (*ratio legis*) смыслъ закона, основаніе статьи 1017 заключается въ предположеніи, что самоубійство совершается всегда въ состояніи умственного расстройства, но практика Гр. Кас. Деп. Прав. Сената проводитъ иной взглядъ, а именно мы можемъ найти слѣдующія разсужденія Прав. Сената. «На истцѣ, требующемъ уничтоженія духовнаго завѣщанія самоубійцы, лежить только обязанность доказать фактъ самоубійства. Если отвѣтчикъ утверждаетъ, что фактъ этотъ «совершился при обстоятельствахъ не влекущихъ

«за собою признанія требованій истца правильными, «то онъ и долженъ доказать тѣ обстоятельства, кои «по его утвержденію служатъ опроверженіемъ собы- «тія, истцомъ уже доказаннаго и дающаго послѣд- «нему законное основаніе требовать уничтоженія «завѣщанія. Это тѣмъ болѣе, что свободная воля «всегда предполагается, а потому отсутствіе ея «должно быть каждый разъ особо доказано» *).

«Признаніе завѣщанія самоубійцы недѣйстви- «тельнымъ — есть гражданское послѣдствіе само- «убійства, какъ преступленія. Для признанія завѣ- «щанія самоубійцы недѣйствительнымъ — недоста- «точно установить только фактъ самоубійства, а не- «обходимо еще установить, что самоубійство произо- «шло не въ состояніи невмѣняемости. Уголовный «судъ, прекращая слѣдствіе по поводу самоубійства, «не обязанъ постановлять заключенія о событіи са- «мого преступленія; постановленіе о прекращеніи «слѣдствія не можетъ считаться равносильнымъ рѣ- «шенію уголовного Суда. Вопросъ о дѣйствитель- «ности или недѣйствительности духовнаго завѣщанія «самоубійцы подлежитъ рѣшенію суда гражданского, «а не уголовного. Лицо заинтересованное въ при- «знаніи такого завѣщанія недѣйствительнымъ въ «правѣ обратиться непосредственно въ судъ граж- «данскій и гражданскій судъ обязанъ установить «какъ самый фактъ преступленія самоубійства, такъ «и то, совершено ли оно сознательно или въ состоя- «ніи невмѣняемости» (Гражд. Кас. Департ. Сен.

---

*) Боровиковскій «устр. гражд. судопр.» изд. 2 стр. 416.

77 г. № 365); (80 г. № 276, 76 г. № 92, 70 г. № 674) стр. 15 у Боровиковскаго Уст. Гр. Суд. подъ ст. 6-ой § 21.

Отсюда ясно, что Прав. Сенатъ смотритъ на недѣйствительность духовнаго завѣщанія, какъ на гражданское послѣдствіе уголовнаго преступленія и потому для признанія завѣщанія ничтожнымъ требуетъ лишь доказанности самаго факта самоубійства.

Если-же кто нибудь желаетъ домогаться утвержденія завѣщанія самоубійцы, то на это лицо и возлагается обязанность доказывать, что самоубійство было учинено въ состояніи невмѣняемости; тогда оно не разсматривается какъ преступленіе, и слѣдовательно не влечетъ за собою недѣйствительности завѣщанія. Но само собою разумѣется, что моментъ составленія завѣщанія имѣетъ существенное значеніе; поэтому, если будетъ доказано, что и въ моментъ составленія духовнаго завѣщанія завѣщатель былъ уже не въ здоровомъ умѣ и не въ твердой памяти, то недѣйствительность завѣщанія является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ общаго правила, выраженнаго въ статьѣ 1016 т. X св. зак.

Улож. о наказаніяхъ, назначая за самоубійство церковное наказаніе, лишеніе христіанскаго погребенія и гражданское наказаніе, лишеніе права свободнаго распоряженія въ духовномъ завѣщаніи своимъ имуществомъ, явно склоняется на сторону взгляда, что самоубійство по общему правилу совершается въ состояніи полнаго вмѣненія.

Невмѣняемость же должна быть каждый разъ особо доказана, такъ какъ въ силу 1472 ст. улож. о наказ., лица, которые лишили себя жизни въ состояніи безумія, сумасшествія или безпамятства, происшедшаго отъ болѣзни, не подвергаются тѣмъ карамъ, которыя предусмѣрены этою статьею 1472-ой. Такимъ образомъ по буквальному смыслу русскаго законодательства духовное завѣщаніе самоубійцы должно быть всегда признаваемо недѣйствительнымъ; ибо если самоубійца былъ нормальный, здоровый человѣкъ, то недѣйствительность завѣщанія является гражданскимъ послѣдствіемъ преступленія, предусмѣннаго статьею 1472 улож. о наказ.*), если-же на лицо имѣется одно изъ тѣхъ условій, въ силу коихъ самоубійца освобождается по 1472 статьѣ улож. о нак. отъ послѣдствій самоубійства, т. е. если имѣются на лицо безуміе, сумасшествіе, безпамятство и проч., то духовное завѣщаніе является во всякомъ случаѣ тоже недѣйствительнымъ, какъ составленное лицомъ, за которымъ Судъ призналъ невмѣняемость по причинѣ душевнаго или умственнаго расстройства. Изъ этого запутаннаго положенія профессоръ Пахманъ въ своемъ «гражданскомъ правѣ» находитъ однако очень остроум-

---

*) Определенная въ ст. 1472 улож. недѣйствительность духовныхъ завѣщаній самоубійцъ должна быть рассматриваема не какъ наказаніе за самоубійство, такъ какъ за силою ст. 16 уст. уголовного судопр. не можетъ быть рѣчи о преслѣдованіи лица умершаго, а должна почитаться гражданскимъ послѣдствіемъ самоубійства. Рѣш. общ. собранія Правит. Сената за № 19 въ 1877 году.

ный выходъ. Онъ говоритъ, что сознательная воля необходима только въ моментъ составленія завѣщанія. Поэтому, если лицо, составившее въ здоровомъ умѣ и твердой памяти свое духовное завѣщаніе, затѣмъ лишитъ себя жизни и судъ признаетъ, что самоубійство было совершено въ состояніи сумасшествія или безпамятства, отъ болѣзни происшедшаго, то заинтересованныя лица не лишаются права доказывать, что завѣщаніе было составлено здоровымъ человѣкомъ и слѣдовательно должно остаться въ силѣ.

Въ Россіи запрещеніе считать дѣйствительными завѣщанія самоубійцъ появилось впервые при Императрицѣ Екатеринѣ II-ой; хотя отдѣльнаго указа на это не было, но это высказано по поводу одного частнаго лица, а именно въ рѣшеніи Сената 1766 г. по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Князя Шаховскаго, при чемъ въ этомъ рѣшеніи разъяснено, что завѣщаніе самоубійцы не дѣйствительно, если писано въ состояніи безпамятства или безумія, сопровождавшихъ самоубійство. Но въ послѣдующихъ рѣшеніяхъ недѣйствительность духовныхъ завѣщаній самоубійцъ признавалась за общее правило.

И только уже въ самомъ недавнемъ времени, а именно въ 1894 г. Правительствующій Сенатъ высказался по поводу дѣла о духовномъ завѣщаніи Ахматова въ томъ смыслѣ, что завѣщательныя распоряженія остаются въ силѣ, если доказано, что завѣщаніе было составлено въ здоровомъ умѣ и твердой памяти такимъ лицомъ, которое впослѣд-

ствіи лишило себя жизни въ безпамятствѣ или подъ вліяніемъ душевнаго припадка. Дѣло Ахматова докладывалъ Сенаторъ Пахманъ, мнѣнію котораго, такимъ образомъ отныне суждено получить практическое примѣненіе въ касационной практикѣ Сената.

Изъ мотивовъ къ уложенію о наказаніяхъ видно, что составители уложенія, назначая извѣстныя невыгодныя послѣдствія для самоубійства, имѣли ввиду, какъ ближайшую цѣль, предупредить развитие самоубійствъ. Они полагали, что для религіозныхъ людей мысль о томъ, что ихъ тѣла лишаются христіанскаго погребенія и будутъ зарыты въ безвѣстныя могилы, на столько тяжела, что въ состояніи будетъ удержать отъ приведенія въ исполненіе ихъ намѣренія лишить себя жизни. Точно такъ же право наградить послѣ своей смерти людей, оказавшихъ намъ услуги, обезпечить участь дорогихъ, любимыхъ нами существъ, составляетъ одно изъ тѣхъ преимуществъ, которыми особенно дорожить человѣкъ передъ смертію. Поэтому, полагали составители уложенія, мысль о недѣйствительности духовнаго завѣщанія можетъ остановить руку самоубійцы, готовую уже нанести смертельный ударъ. Противъ этихъ возрѣній составителей уложенія о наказаніяхъ можно однако возразить весьма многое. Въ сущности вѣдь высшее и самое дорогое благо на землѣ это «жизнь», а потому если самоубійца побуждаетъ въ себѣ естественное влеченіе къ жизни, если онъ становится выше инстинкта жизни самосохраненія, то едва-ли мысль объ имущественныхъ интересахъ можетъ быть сильнѣйшимъ стимуломъ

для него, чѣмъ тѣ причины, которыя побуждаютъ его разстаться съ жизнью. Точно такъ же, если религіозный человѣкъ рѣшается сознательно на самоубійство, зная что оно не угодно Богу, если онъ совершаетъ это самоубійство, вѣруя въ загробную жизнь и въ милосердіе Бога, то само собою его не въ состояніи удержать отъ самоубійства то обстоятельство, что церковь лишитъ его христіанскаго погребенія. Вѣдь для всякаго истинно вѣрующаго вѣліе религіи гораздо важнѣе обрядовыхъ формъ. Старообрядцы и раскольники, придающіе огромное значеніе формѣ и обрядамъ и тѣ не устрашались угрозою остаться безъ погребенія.

Какъ извѣстно среди раскольниковъ въ XVII вѣкѣ самоубійство было очень въ ходу. Многіе изъ нихъ заживо сжигали себя, чтобы не достаться въ руки правосудія, которое ихъ преслѣдовало.

До сихъ поръ въ Россіи существуетъ немногочисленная секта поморянъ, которая полагаетъ, что самоубійство пріятно Богу, ибо по словамъ Спасителя *): «Кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ душу свою ради Меня и Евангелія, тотъ сбережетъ ее».

Многіе мыслители не только скентики и материалисты, но и глубоко вѣрующіе въ загробную жизнь, какъ мы видѣли въ предшествующихъ главахъ, открыто защищали право человѣка самовольно прекращать свою жизнь. Особенно въ этомъ на-

---

*) Ев. отъ Марка гл. VIII ст. 35.

правленіи писали и разсматривали вопросъ о самоубійствѣ многіе лютеранскіе мыслители. Такимъ образомъ, даже склоняясь въ пользу предположенія, что сознательныя самоубійства совершаются людьми вѣрующими въ Бога и загробную жизнь, прійдется все-таки съ большимъ сомнѣніемъ отнести къ возможности утратить намѣреющихся лишиться жизни запрещеніемъ хоронить тѣла самоубійцъ. Правда въ первой части настоящаго труда приведены историческіе примѣры законодательства въ Милетѣ и въ Римѣ при Тарквиніи и указано, что подъ вліяніемъ суровыхъ законовъ, обрекавшихъ тѣла самоубійцъ на поруганіе, самоубійства прекратились. Но эти историческіе примѣры не въ состояніи поколебать нашего убѣжденія въ безцѣльности строгихъ мѣръ противъ самоубійцъ, ибо эти примѣры относятся къ такимъ временамъ, когда внѣшнимъ обрядамъ и формальностямъ придавали гораздо болѣе значенія, чѣмъ содержанію религіозныхъ и моральныхъ нормъ. Время это давно миновало; темныя массы необразованнаго народа еще и до сихъ поръ могутъ быть удерживаемы отъ самоубійствъ мрачными красками, въ которыхъ суевѣріе народа рисуетъ состояніе самоубійцъ послѣ ихъ смерти; для простаго суевѣрнаго челоуѣка мысль о томъ, что его тѣло зароютъ безъ установленныхъ религіозныхъ обрядовъ, представляется на столько страшною, что онъ пожалуй и не рѣшится на самоубійство.

Но вѣдь большинство самоубійцъ приходится на долю интеллигенціи, на долю городскихъ жите-

лей; наконецъ среди самоубійцъ встрѣчаются иногда и люди совсѣмъ не вѣрующіе, а такимъ людямъ перспектива, что надъ ихъ тѣломъ не совершатъ религиозныхъ обрядовъ, вовсе не страшна. Наказаніе бездушнаго тѣла повѣшаніемъ за ноги, какъ то полагалось по морскому уставу Петра I-го, или «отдачею его палачу для безчестнаго погребенія», какъ то полагается еще и до сихъ поръ по не отмѣненной статьѣ 923 устава Врачебнаго УШ т. св. зак., современные юристи совершенно справедливо находятъ безсмысленнымъ, потому что наказывать тѣло умершаго человѣка то же самое, что наказывать мраморную статую.

Не въ надругательствѣ надъ бездушнымъ тѣломъ, не въ лишеніи силы духовнаго завѣщанія можно и должно искать средство удержатъ отъ самоубійства. Всѣ эти мѣры едва ли изъ ста разъ въ состояніи одинъ разъ удержатъ руку самоубійцы и предупредить самовольное лишеніе жизни, а между тѣмъ всею своею тяжестью обрушиваются на голову ни въ чемъ не повинныхъ родныхъ и близкихъ самоубійцѣ лицъ. Какъ тяжело матери, или старику отцу видѣть, какъ тѣло его сына съ безчестіемъ зарывается въ такомъ мѣстѣ, куда и прійдти то поплакать надъ могилою неудобно и стыдно. А чѣмъ виноваты друзья, слуги, жена, дѣти самоубійцы, которымъ онъ завѣщалъ свои богатства и у которыхъ законъ отнимаетъ ихъ, считая завѣщаніе ничтожнымъ? Поборники наказанія за самоубійство видятъ въ этомъ наказаніи лишь предупредительный характеръ, но есть и те-

перь еще писатели, которые осмѣливаются требовать наказанія за самоубійство во имя общихъ идей нравственности и уголовного права, а именно какъ возмездія за преступленіе, какъ исправленія преступника и устрашенія другихъ, намѣреющихся совершить то же преступленіе. Такъ недавно еще въ своей статьѣ о самоубійствѣ Н. А. Невзоровъ*) говорилъ слѣдующее: «кто признаетъ безсмертіе души, а такъ же то, что душа по смерти все «помнитъ, сознаетъ, для того наказаніе самоубійцы «получаетъ характеръ возмездія. Для души должно «быть несомнѣнно тяжело, что тѣлу, съ которымъ «она была соединена, не оказываютъ почестей». Съ этой религіозной точки зрѣнія Невзоровъ признаетъ цѣлесообразнымъ налагаемое статьею 1472 уложенія на самоубійцу наказаніе. Но можно-ли раздѣлять его взгляды? Не позволительно-ли задаться вопросомъ, имѣетъ-ли право человѣческое законодательство судить и наказывать душу человѣческую, представшую уже предъ Судьею Небеснымъ? Вѣдь и наше уголовное судопроизводство въ ст. 16-ой и практика угол. кассац. департамента Сената вполне опредѣленно высказываютъ, какъ общее правило, что уголовное преслѣдованіе лица умершаго не мыслимо. А между тѣмъ новѣйшіе писатели, рассматривающіе вопросъ о самоубійствѣ съ религіозной и нравственной стороны,

---

*) Невзоровъ «о самоубійствѣ» Казань изд. 1891 г. стр. 37.

требуютъ не только преслѣдованія, но и наказанія лицъ уже умершихъ. Не служить-ли это доказательствомъ, что эти писатели хотятъ возвратиться къ воззрѣніямъ давно отжившихъ временъ. Можетъ быть ради устрашенія они станутъ защищать англійскій законъ, (до сихъ поръ не отмѣненный, однако никогда не примѣняемый), въ силу котораго самоубійцы должны хоронить съ коломъ вбитымъ въ голову?! Но мы позволимъ себѣ прямо осуждать эти суровые и безцѣльные законы. Мы не можемъ не пожелать, чтобы статья 923 уст. врачев. была отмѣнена, а постановленія уложенія о самоубійствѣ вовсе исключены изъ уголовного кодекса. Мы вмѣстѣ съ профессоромъ сенаторомъ Таганцевымъ не можемъ усмотрѣть въ самоубійствѣ существенныхъ признаковъ всякаго преступленія, «нарушенія юридической нормы, ограждающей чужое благо отъ посягательства на него со стороны посторонняго лица». *Признавая даже, что самоубійство часто можетъ являться актомъ безбравеннымъ и почти всегда грѣховнымъ, когда человекъ, покидая добровольно жизнь, оставляетъ за собою не оконченныя творенія, не сведенные счета, не выполненныя обязанности по отношенію ближнихъ людей и общества или государства, мы однако рѣшительно не можемъ признать самоубійство преступнымъ дѣяніемъ, влекущимъ за собою какое бы то ни было наказаніе.* Область христіанской религіи и нравственности гораздо шире, чѣмъ область уголовного права и не все то, что грѣховно можетъ быть наказываемо свѣтскимъ судомъ. Въ самоубійствѣ очень часто

нѣтъ посягательства на чужое благо. Жизнь человека, говорятъ, принадлежитъ не ему одному, но онъ долженъ жить и для близкихъ, родныхъ, для общества, для государства, даже для всего человѣчества. Христіанская религія указала человеку на широкія задачи, которыя онъ долженъ неустанно преслѣдовать въ земной жизни. Стремясь къ самоусовершенствованію, человекъ долженъ заботиться о томъ, чтобы улучшать матеріальное и нравственное благосостояніе другихъ. Онъ не можетъ, если онъ христіанинъ, утверждать, что у него нѣтъ цѣли въ жизни. Нѣтъ такого момента, когда-бы человекъ могъ сказать: «теперь я исполнилъ всѣ свои обязанности, я достигъ совершенства». А потому, лишая себя жизни, человекъ самовольно отказывается отъ служенія благу людей и тѣмъ самымъ нарушаетъ заветъ христіанской религіи о неустанномъ самоулучшеніи. Согласимся съ приведеннымъ религіознымъ воззрѣніемъ на значеніе человѣческой жизни. Но гдѣ же у свѣтской или духовной земной власти тѣ средства, которыми можно принудить каждаго человека къ нравственному усовершенствованію; гдѣ тѣ законы гражданскіе и уголовные, посредствомъ которыхъ можно-бы было каждаго члена человѣческаго общества заставить всю жизнь посвящать исключительно на благо человѣчества? *А если нѣтъ такихъ законовъ, которые могли-бы заставить человека осуществить при жизни цѣль его христіанскаго существованія, то не можетъ быть и речи о законахъ, запрещающихъ ему прекратить эту жизнь.* Когда худой актеръ сознательно отка-

зывается отъ исполненія трудной роли и скромно удаляется за кулисы, мы одобряемъ его скромность, почему же мы должны осуждать человѣка, который сознавъ, что вся его жизнь есть уклоненіе отъ нравственныхъ идеаловъ христіанина, рѣшается скромно удалиться съ арены жизни? Не потому-ли что онъ созналъ свои недостатки. Или быть можетъ потому, что, отчаявшись въ своемъ исправленіи и въ возможности измѣнить условія своей жизни, онъ проявилъ безхарактерность и отсутствіе искренней вѣры въ Проведеніе, при помощи котораго всегда возможно исправленіе даже величайшихъ преступниковъ?! Пусть такъ; согласимся, что такой человѣкъ сдѣлалъ бы похвальнѣе, если постарался-бы жить и самоусовершенствоваться. Но все же, лишая себя жизни, отчаявшись въ возможности исправленія, такой человѣкъ поступаетъ лучше, чѣмъ иной, сознательно уклоняющійся всю свою жизнь отъ исполненія нравственныхъ велѣній своей совѣсти и все таки спокойно доживающій свой вѣкъ безъ всякаго стремленія къ лучшимъ идеаламъ. А вѣдь противъ послѣдняго законодательство безсильно. Безнравственного сибарита, лѣнтяя, черстватаго эгоиста, скупаго одинокаго человѣка, вся жизнь котораго направлена на то, чтобы мотать, или копить деньги — законъ не преслѣдуетъ, не караетъ, хотя всѣ эти лица грѣшатъ противъ Бога и противъ человѣчества, отказываясь служить имъ.

Самоубійца такъ-же отказывается служить человечеству, но за то своею добровольною смертію

онъ перестаетъ и дѣлать зло, если жизнь его была грѣховна. Въ самоубійствѣ по отношенію къ людямъ можно видѣть только отрицательныя невыгоды, самоубійца перестаетъ дѣлать добро. Въ самоубійствѣ же по отношенію къ самому себѣ можно видѣть лишь посягательство на собственное благо на свою жизнь. А такъ какъ каждый воленъ распоряжаться своимъ благомъ безъ всякаго ограниченія, лишь бы этимъ распоряженіемъ не нарушались чужія права, то и самоубійство съ точки зрѣнія юриспруденціи не можетъ быть разсматриваемо, какъ преступленіе противъ собственной жизни и самое опредѣленіе преступленія самоубійства, приведенное составителями уложенія въ ст. 1472, противорѣчитъ основнымъ понятіямъ уголовного права о преступленіи вообще, какъ посягательствъ на чужое благо.

Еще возражаютъ, что самоубійца, умирая совершаетъ преступленіе по отношенію своихъ родныхъ, близкихъ, заставляя ихъ скорбѣть объ его преждевременной смерти. Но здѣсь опять смѣшиваютъ понятіе грѣховнаго съ понятіемъ преступнаго. Можетъ быть религія осудить отца семейства, который изъ страсти къ путешествіямъ, на долго покидаетъ свою семью и отправляется въ далекія страны, не позаботившись о томъ, чтобы на долгіе годы обезпечить участь своихъ дѣтей; но никакой законъ не назначаетъ за это наказаніе и не считаетъ это преступленіемъ. И такъ, даже признавъ самоубійство безнравственнымъ и грѣховнымъ дѣяніемъ, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ,

что оно есть дѣяніе преступное. Одна изъ важнѣйшихъ задачъ государства это изыскивать мѣры къ поднятію общественной нравственности. Достоинство законовъ опредѣляется тѣмъ, насколько они служатъ выраженіемъ нравственныхъ идей. Но идея справедливости уже сама по себѣ говорить противъ тѣхъ мѣръ, которыми уложеніе хочетъ предупредить развитіе самоубійства. То время, когда вмѣстѣ съ преступникомъ наказывались и всѣ его домочадцы, уже давно кануло въ вѣчность. А другихъ карательныхъ мѣръ для предупрежденія самоубійства криминалисты не могли изобрести; поэтому и съ точки зрѣнія цѣлесообразности наказаній и съ точки зрѣнія справедливости слѣдуетъ положительно отвергнуть наказаніе за самоубійство. Напрасно поборникамъ наказуемости за самоубійство выставляютъ на видъ тотъ историческій фактъ, что самоубійства у нѣкоторыхъ народовъ были почти не извѣстнымъ и рѣдкимъ явленіемъ, хотя законы и религія не только не наказывали самоубійцъ, но даже вовсе не упоминали объ этомъ дѣяніи. Въ древней Польшѣ и Прибалтійскомъ краѣ не существовало ни какихъ запретовъ и наказаній самовольному лишенію себя жизни, то же самое у Евреевъ, а между тѣмъ до конца 17 столѣтія самоубійства въ Польшѣ и въ Остзейскомъ краѣ были неслыханною рѣдкостью; тогда какъ въ Англіи и Россіи, гдѣ уголовное право смотритъ на самоубійство, какъ на преступленіе, самоубійства возрастаютъ съ каждымъ годомъ. Не лучше-ли это доказательство, что причины развитія самоубійства

вовсе не заключаются только въ отсутствіи вѣры въ загробную жизнь и въ отсутствіи карательныхъ законовъ? Но современные проповѣдники преступности самоубійства утверждаютъ, что чрезмѣрное развитіе самоубійствъ у насъ въ Россіи слѣдуетъ прежде всего приписать тому обстоятельству, что законы о самоубійцахъ примѣняются съ послабленіемъ, что вслѣдствіе излишней гуманности врачей всѣхъ самоубійцъ обыкновенно признаютъ помѣшанными, вслѣдствіе чего и, не подвергая установленному наказанію, хоронятъ по обрядамъ церкви, такъ что въ обществѣ многимъ лицамъ даже вовсе не извѣстно, что наши законы считаютъ самоубійство преступленіемъ и за него караютъ. По мнѣнію, напримѣръ, Невзорова*) «если бы постановленія «нашего законодательства относительно самоубійцъ «аккуратно приводились бы въ исполненіе, число «самоубійствъ несомнѣнно сократилось-бы».

Но кромѣ уже выше приведенныхъ соображеній, въ силу коихъ самоубійство не можетъ быть признано дѣяніемъ преступнымъ, слѣдуетъ еще имѣть ввиду, что по теоріи уголовного права всякое наказаніе, будучи послѣдствіемъ преступленія, должно быть направлено прежде всего на борьбу съ злою волею преступника. Но самоубійца не преступникъ; а если бы онъ и былъ преступникомъ, то какъ-же мы будемъ посредствомъ наказанія бороться съ его преступною волею, когда ни самого преступника, ни его злой воли уже не су-

---

*) Невзоровъ «о самоубійствѣ» 1891 г. стр. 39.

ществуетъ! Бездушное тѣло лишено всякой воли, а преступную душу, освободившуюся отъ оковъ тѣла можетъ судить только Высшій Небесный Судія.

Если самоубійство не есть преступленіе то и покушеніе на самоубійство и подстрекательство къ самоубійству не должно быть наказываемо, такъ полагаетъ профессоръ Таганцевъ *), тоже говорить и профессоръ Кистяковскій **). Юридическое основаніе ихъ взгляда на ненаказуемость пособничества и покушенія на самоубійство вполне логично, ибо если дѣяніе само по себѣ не преступно, то и покушеніе на совершеніе этого дѣянія не можетъ считаться преступнымъ. Ныне же дѣйствующее наше уложеніе назначаетъ въ ст. 1473 ввидѣ наказанія церковное покаяніе изблеченному въ покушеніи лишить себя жизни, когда исполненіе его намѣренія остановлено независящими отъ него обстоятельствами. Тогда какъ сводъ законовъ 1832 года назначалъ за покушеніе на самоубійство ссылку въ Сибирь, а законодательство Петра I наказывало покушеніе къ самоубійству смертною казнью.

---

*) Таганцевъ «о преступленіи противъ жизни по русскому праву» т. II стр. 415.

**) Кистяковскій «Элементарный учебникъ общаго уголовного права» стр. 324.

З а к л ю ч е н і е!

Жизнь! зачѣмъ ты собой
Оболящаешь меня?
Есавъ! силу Богъ дасть,
Я разбѣгу-бы тебя.

Кольцовъ.

Das Leben ist eine Krankheit;
Der Schlaf—ein Palliatif;
Der Tod—die Radikalkur.

Weber*).

Сильна любовь, какъ смерть!

(Саломонъ пѣснь пѣсней. VII. 6).

Въ нашемъ уложеніи придается весьма важное значеніе мотивамъ къ самоубійству. Такъ какъ по ст. 1474 не подвергаются наказанію за самоубійство 1) лица, лишившія себя жизни по великодушному патріотизму для сохраненія государственной тайны, 2) женщина лишившая себя жизни ради сохраненія цѣломудрія и своей чести. Изъ редакціи этой статьи видно, что законодатель нѣкоторые случаи самоубійства возводитъ въ доблесть. Впрочемъ эти случаи уже не подходятъ подъ понятіе простаго самоубійства, а скорѣе могутъ быть названы самопожертвованіемъ ради высшихъ принциповъ. Само собою разумѣется, что тѣ лица, которыхъ добровольная смерть одобряется закономъ, память о которыхъ государство увѣковѣчиваетъ возведеніемъ монументовъ, не могутъ считаться ненормальными, сумасшедшими; иначе намъ пришлось бы отказаться отъ многихъ героевъ, увѣковѣчившихъ свои имена въ памяти народной посредствомъ великодушнаго лишенія себя жизни. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что рядомъ съ бессмысленнымъ, или по крайней мѣрѣ не вмѣняемымъ самоубійствомъ, очень часто случаются самоубійства

*) Weber «Demokrit» 12, 126.

вполнѣ сознательныя и произвольныя, поэтому и мѣры направленные къ предупрежденію самоубійства должны быть различны, смотря потому борются-ли съ сознательнымъ самоубійствомъ или съ безсознательнымъ. Но нужны-ли вообще эти предупредительныя мѣры, когда самое самоубійство мы не признаемъ за преступленіе и требуемъ его не наказуемости. Не колеблясь отвѣтимъ «да нужны». Нужны потому что, даже не будучи преступленіемъ, самоубійство при тѣхъ громадныхъ размѣрахъ, которыхъ оно достигло въ современномъ обществѣ, есть зло и зло ужасное. Если бы въ Европѣ самоубійства считались десятками и сотнями, если бы среди самоубійцъ попадались-бы только одинокіе, свободные, ни чѣмъ не связанные и уже долго прожившіе люди, тогда это явленіе мы еще затруднились бы назвать «зломъ», но когда среди самоубійцъ встрѣчаются и дѣти и юноши еще почти не жившіе и не способные понять смысла жизни; когда между самоубійцами мы находимъ отцовъ семействъ, оставляющихъ многочисленную семью на произволъ судьбы безъ куска хлѣба; когда дряхлые старики отецъ и мать оплакиваютъ возлюбленнаго сына надежду, гордость и опору ихъ старости; когда остается молодая, полная жизни и страсти супруга, безутѣшно рыдающая надъ трупомъ любимаго мужа, окончившаго самоубійствомъ свою жизнь; когда самоубійства, вызывающія слезы, горе, отчаяніе, считаются десятками тысячъ, когда въ одной Германіи цифра эта достигаетъ 9000 въ годъ; а во Франціи 7000, и у насъ въ Россіи уже колеблется между

2500 и тремя тысячами въ годъ, когда самоубійство повсюду въ цивилизованныхъ странахъ, въ особенности въ городахъ, приобретаетъ уже характеръ повальной эпидеміи, тогда, не колеблясь, можно и должно признать его величайшимъ зломъ. Нужно бороться съ нимъ, надо уменьшить наклонность къ самоубійству, существующую въ современномъ обществѣ. Но какъ это сдѣлать? Конечно только не наказывая бездушныя тѣла самоубійцы поруганіемъ и не лишая ихъ христіанскаго погребенія, каковыя наказанія трудно совмѣстить съ ученіемъ христіанской церкви о возможности искупленія грѣха посмертными молитвами объ упокоеніи души умершаго. *Надо внушать молодымъ поколѣніямъ привязанность, любовь къ жизни, нужно заставить ихъ вѣрить, что назначеніе человека заключается въ служеніи человечеству; надо убѣждать ихъ, что вся исторія человечества при всей иногда ея непонятности стремится къ опредѣленнымъ, разумнымъ цѣлямъ.* Одинъ изъ популярнѣйшихъ современныхъ италіанскихъ философовъ Монтегаца*) провозгласилъ въ своей «Физиологіи любви», «что ни одинъ человекъ въ мірѣ не былъ безусловнымъ негодяемъ». Другой русскій писатель**) въ 60 годахъ утверждалъ, что «въ мірѣ нѣтъ совершенно безнадежнаго положенія для человека, такъ же какъ нѣтъ совершенно лишнихъ

---

*) Монтегаца «Физиологія любви» стр. 123.

**) Ольхинъ стр. 294 «О самоубійствѣ въ медицинскомъ отношеніи».

людей. По словам Кирпичникова *) Достоевскій въ самомъ черствомъ эгоистѣ признавалъ возможность благородныхъ моментовъ, въ самомъ ужасномъ злодѣѣ училъ видѣть несчастную человѣческую душу, которой не чужды ни высшая справедливость, ни великодушіе. . . Пусть эти человѣколюбивые взгляды распространяются въ обществѣ, пусть они сдѣлаются господствующимъ убѣжденіемъ и несомнѣнно самоубійства уменьшатся гораздо быстрѣе подѣ влияніемъ свѣтлыхъ воззрѣній на жизнь; чѣмъ подѣ влияніемъ устарѣлыхъ наказаній нашего уголовного права. Воспитаніе и религія имѣютъ несомнѣнно большое значеніе на развитіе и уменьшеніе склонности къ самоубійству. Но было-бы большою ошибкою считать безвѣріе-атеизмъ главною причиною увеличенія числа самоубійствъ. А. В. Лихачевъ въ заключеніи своего труда: «самоубійство въ западной Европѣ и Европейской Россіи» **) такъ же приходитъ къ тому выводу, что «уменьшить наклонность къ самоубійству нельзя однимъ привитіемъ религіознаго чувства, ибо это чувство слишкомъ свято и высоко и не имѣетъ подѣ собою той почвы, на которой живутъ и умираютъ люди». Побужденія-же самоубійства, по мнѣнію Лихачева, порождаются главнымъ образомъ экономическими условіями общественной жизни, а потому онъ и

---

*) Статья Кирпичникова о Достоевскомъ въ энциклопедическомъ словарѣ Андреевскаго Брокгаузенъ т. 21 стр. 72.

**) Лихачевъ «опытъ сравнительно статистическаго изслѣдованія» стр. 171.

выражаетъ надежду, что политическая экономія и законодательство, обусловливающія благосостояніе общества, со временемъ при правильномъ своемъ развитіи уничтожатъ въ обществѣ позорящее его желаніе смерти.

Не слѣдуетъ смѣшивать религіознаго индиферентизма съ полнымъ отрицаніемъ загробнаго существованія и безсмертія души. Въ то время какъ религіозное равнодушіе, являясь отличительнымъ признакомъ современнаго общественнаго настроенія, чрезвычайно способствуетъ развитію самоубійства—полное невѣріе на оборотъ задерживаетъ это развитіе. Пушкинъ правильно понималъ значеніе невѣрія на рѣшимость окончить жизнь самовольной смертью. Въ Евгеніи Онѣгинѣ *) онъ говорилъ:

«Когда-бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,
Отъ тлѣнья убѣжавъ, уноситъ мысли вѣчны,
И память, и любовь въ пучины безконечны,
Клянусь! давно бы я оставилъ этотъ міръ.
Я сокрушилъ бы жизнь, уродливый кумиръ.
И улетѣлъ въ страну свободы, наслажденій,
Въ страну, гдѣ смерти нѣтъ и нѣтъ предубѣжденій».

Уже Достоевскій въ своемъ дневникѣ **) совершенно правильно замѣтилъ, что наши русскіе самоубійцы вовсе не атеисты, а лишь люди, равнодушно относящіеся къ вопросамъ религіи; какъ будто они вовсе и не слыхали о томъ, что они существа безсмертныя. Они легко лишаютъ себя жизни, потому что никогда и не задумывались надъ

---

*) Евгень Онѣгинъ къ XVI строфѣ.

**) Достоевскій: «Дневникъ писателя» Январь стр. 1-ая.

вопросами о существованіи высшихъ идеаловъ безсмертія и правды. Они отравливаются, вѣшаются, стрѣляются безъ всякой даже тѣни сомнѣнія и борьбы, просто потому, что жизнь имъ надоѣла, потому что они устали, потому что ихъ мелкое самолюбіе не получаетъ желательнаго удовлетворенія, потому что условія ихъ жизни не даютъ имъ возможности наслаждаться матерьяльными благами, а иногда лишаютъ себя жизни просто не понятно почему, безъ всякой даже для нихъ самихъ извѣстной причины.

Да такіе самоубійцы вполне достойны названія, которое далъ имъ Достоевскій и мы можемъ съ своей стороны только пожелать, чтобы благодаря новому направленію умовъ и болѣе правильному воспитанію, сбылось какъ можно скорѣе предсказаніе Достоевскаго: «пройдетъ это жалкое, уродливое, недоношенное племя и засвѣтитъ опять, какъ солнце великая мысль и скажутъ всѣ, жизнь хороша, а мы были худы».

Но нельзя такъ-же отрицать того, что самоубійство очень часто можетъ быть разсматриваемо, какъ болѣзнь, или какъ одинъ изъ видовъ душевнаго разстройства. Могущественное вліяніе наслѣдственности на самоубійство фактъ не оспоримый. Почти у всѣхъ писателей, изслѣдовавшихъ этотъ вопросъ, мы находимъ многочисленные поразительные примѣры, доказывающіе, что павлонность къ самоубійству передается отъ родителей къ дѣтямъ и т. д. Особенно много такихъ при-

мѣровъ собралъ Falret въ своемъ сочиненіи «Du suicide et de l'hypochondrie».

Должно замѣтить, что эта наслѣдственность у родственниковъ самоубійцъ выражается не только въ стремленіи лишить себя жизни, но и вообще въ различныхъ странностяхъ. Такъ лица, склонныя къ самоубійству, отличаются легкомысленностью, необыкновеннымъ образомъ жизни, сильными порывами страстей, раздражительностью, мрачнымъ расположеніемъ духа. Докторъ Галль упоминаетъ о многихъ семействахъ, въ которыхъ наклонность къ самоубійству существовала въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ; особенно замѣчательны приводимый имъ примѣръ богача Gantier, имѣвшаго семерыхъ дѣтей и около 2-хъ милліоновъ состоянія. Всѣ члены его семьи погибли отъ самоубійства, хотя никто изъ нихъ не терпѣлъ ни нужды, ни горя и всѣ были, повидимому, здоровы и пользовались общимъ уваженіемъ. У Esquirol'a мы находимъ не менѣе поразительный примѣръ. Одинъ богатый купецъ имѣлъ шесть сыновей; всѣ они по окончаніи своего образованія получили отъ отца значительную сумму денегъ на устройство своей будущности и всѣ разъѣхались въ разныя стороны. Младшій изъ сыновей лишилъ себя жизни, бросившись въ припадкѣ меланхоліи съ крыши дома; вслѣдъ за нимъ вскорѣ окончилъ самоубійствомъ жившій вмѣстѣ съ нимъ старшій братъ. У третьяго брата обнаружились на тридцатомъ году жизни признаки умопомѣшательства. А четвертый братъ очень способный и умный явился однажды къ Es-

quirol'ю и, съ отчаяніемъ сообщивъ ему исторію своей семьи, признался, что увѣренъ въ своей неминуемой гибели. Два года спустя онъ дѣйствительно лишилъ себя жизни. Сестра этихъ несчастныхъ сошла съ ума. Шестой братъ лишилъ себя такъ-же жизни, хотя былъ нѣжно любимъ своею молодою женою и, повидимому, пользовался полнымъ благополучіемъ.

Г-жа Жоржъ Зандъ рассказываетъ, что одно время ею овладѣло стремленіе лишить себя жизни. Мысль о самоубійствѣ сдѣлалась для нея *idée fixe* и постепенно стала переходить въ мономанію. Намѣреніе лишить себя жизни иногда возникало такъ быстро и было такъ безпричинно, что ей самой казалось, что она сходитъ съ ума. Особенно вода возбуждала въ ней стремленіе къ смерти.

Однажды она въ сопровожденіи доктора Дешартре верхомъ на лошади переѣзжала вбродъ широкую рѣку. Вдругъ на серединѣ рѣки у нея явилось непреодолимое желаніе утонуть, тогда она быстро повернула лошадь и направила ея къ самому глубокому мѣсту. Дешартре страшно закричалъ и его голосъ вывелъ ея изъ оцѣпененія и ей удалось во время спастись. Вслѣдъ за этимъ она созналась доктору, что на нея часто находить манія самоубійства. Тогда докторъ рассказалъ ей что и съ ея отцомъ въ молодости случались точно такіе же припадки, во время которыхъ онъ старался утопиться *)

---

*) Brierre de Boismont стр. 419—420 «Du suicide».

Не менѣе наслѣдственности вліяетъ на развитіе наклонности къ самоубійству воображеніе. Бывали случаи, когда люди лишали себя жизни только потому, что въ нихъ укоренилось гибельное убѣжденіе въ неизбежности самоубійства. Такъ одна молодая дѣвушка вообразила, что въ семьѣ ея предковъ съ отцовской стороны существуетъ наслѣдственная склонность къ помѣшательству. Эта увѣренность еще болѣе въ ней укрѣпилась, когда ея отецъ, т. е. мужъ ея матери, лишилъ себя жизни безъ всякихъ видимыхъ причинъ. Несчастная дѣвушка окончательно пришла къ убѣжденію, что въ жилахъ ея течетъ испорченная кровь и что мозгу ея угрожаетъ сумасшествіе. Она начала тосковать, избѣгать общества и наконецъ бросилась въ Сену. Ея вытащили изъ рѣки и спасли. Узнавъ о причинѣ этого покушенія мать созналась ей, что она не дочь ея мужа, окончившаго свою жизнь самоубійствомъ и что настоящій незаконный отецъ ея до сихъ поръ живъ и здоровъ. Дѣйствительно черты лица этого человѣка имѣли большое сходство съ лицомъ дѣвушки и это настолько убѣдило ея въ правдивости признанія, сдѣланнаго ей матерью, что она перестала считать себя больною и уже никогда больше не помышляла о самоубійствѣ.

Въ числѣ причинъ, способствующихъ развитію самоубійства нѣкоторые писатели по примѣру Монтескье называютъ сырой климатъ. Однако статистика не подтверждаетъ этого мнѣнія и къ тому же въ одной и той же мѣстности наклонность къ самоубійству то исчезаетъ, то очень сильно увеличи-

вается въ зависимости отъ различныхъ другихъ причинъ. Впрочемъ нельзя отрицать, что голубое небо юга и чистый воздухъ, согрѣтый лучами яркаго солнца, дѣйствуютъ успокоительно на душу человека, тогда какъ туманы и сѣрые пасмурные дни въ Петербургѣ и Лондонѣ могутъ нагнать тоску даже на здоровыхъ людей.

Вліяніе вѣтровъ напр. широко и самума на расположеніе къ самоубійству почти внѣ сомнѣнія. Эти вѣтры вредно дѣйствуютъ на здоровье европейцевъ; у нихъ замѣчаются приливы крови къ головѣ и приступы помѣшательства, вслѣдствіе чего происходятъ частыя покушенія на самоубійство.

Большинство писателей считаетъ несомнѣннымъ фактомъ, что число самоубійствъ гораздо больше лѣтомъ и весною, чѣмъ осенью и зимою. Причина этого явленія остается не разъясненною, хотя можно съ нѣкоторою увѣренностью утверждать, что жара вообще предрасполагаетъ человека къ лѣни, скукѣ и распутству, да къ тому же лѣтомъ дни дольше, а ночи на столько коротки, что мозгъ, переутомленный дневными трудами и заботами не успѣваетъ отдохнуть . . . .

По изслѣдованію Brierre de Boismont полъ имѣетъ такъ же весьма важное значеніе при изученіи исторіи самоубійства, потому что количество мужчинъ, оканчивающихъ свою жизнь самоубійствомъ, ежегодно по статистическимъ даннымъ превосходитъ почти въ три раза количество самоубійствъ среди женщинъ и это явленіе тѣмъ замѣчательнѣе, что, какъ извѣстно, женщины вообще болѣе подвержены

душевнымъ болѣзнямъ чѣмъ мужчины*). Не служить-ли это опроверженіемъ мнѣнія профессора Гвоздева, будто самоубійства всегда совершаются только подъ вліяніемъ умственного разстройства?

Наибольшее количество самоубійствъ приходится на возрастъ отъ 30 до 40 лѣтъ. Дѣти же и старцы гораздо рѣже оканчиваютъ свои дни посредствомъ самоубійства.

Однако изслѣдованія статистики приводятъ къ заключенію, что въ большихъ Европейскихъ центрахъ наклонность къ самоубійству среди дѣтей возрастаетъ. Воображеніе дѣтей очень сильно развито и потому подражаніе среди нихъ играетъ громадную роль, оттого при дѣтяхъ не слѣдуетъ рассказывать о самоубійствахъ, столь подробно описываемыхъ въ газетахъ.

Темпераментъ также имѣетъ значеніе на наклонность къ самоубійству. Особенно часты случаи самоуничтоженія между меланхоликами. Страсти меланхоликовъ порывисты и переходы отъ спокойствія къ безотрадному отчаянію у нихъ очень быстры. Они почти всегда заняты своими печальными мыслями и потому всякая неудача производитъ на нихъ глубокое, болѣзненное впечатлѣніе.

Одиночество тоже, повидимому, предрасполагаетъ къ самоубійству; по крайней мѣрѣ по статистикѣ одинокіе люди чаще лишаютъ себя жизни, чѣмъ семейные.

---

*) Bertrand Louis «Traité du suicide» изд. 1857 г. стр. 75.

Бѣдность можетъ быть разсматриваема, какъ одна изъ главныхъ причинъ увеличенія самоубійствъ среди городского населенія.

По таблицамъ Бріеръ-де-Буамона наибольшее количество самоубійцъ составляютъ ремесленники, что объясняется сосредоточіемъ ремеслъ въ большихъ центрахъ, сопрیکосновеніемъ промышленниковъ съ богатыми людьми и развитіемъ вслѣдствіе того зависти, а такъ-же дурными гигиеническими и нравственными условіями, которыми обставлена жизнь ремесленника въ городахъ.

Среди арестантовъ преступленія чрезвычайно рѣдки и что замѣчательно воры, каторжники, бродяги и вообще люди, для которыхъ преступленіе обратилось въ ремесло, почти никогда не лишаютъ себя жизни. Напротивъ того преступники еще не развращенные и тѣ, которые совершили преступленіе въ порывѣ страсти, оканчиваютъ нерѣдко самоубійствомъ. *Судя по таблицѣ, составленной Бріеръ-де-Буамономъ, болѣе половины лишившихъ себя жизни были хорошаго поведенія, но такъ какъ въ этомъ числѣ было очень много больныхъ, помѣшанныхъ, бѣдняковъ, терпящихъ нужду, ипохондриковъ, то изъ этой таблицы нельзя еще вывести заключенія будто страсти и пороки не вліяютъ на расположеніе къ самоубійству.*

Нельзя такъ-же отрицать, что съ развитіемъ цивилизациі увеличивается число самоубійствъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что невѣжество предохраняетъ отъ самоубійства. Нѣтъ, наука и просвѣщеніе никогда не могутъ причинить вреда че-

ловѣчеству; но ложное направленіе и неправильное пониманіе науки и ея задачъ чрезвычайно способствуютъ возрастанію самоубійствъ. Изъ всѣхъ пороковъ и страстей особенно большое значеніе, какъ ближайшей причины самоубійства, слѣдуетъ признать за пьянствомъ и наклонностью къ игрѣ.

Подъ вліяніемъ алкоголя все физическое и нравственное существо человѣка подвергается полному вырожденію. Болѣзни предковъ, предававшихся этому гибельному пороку, переходятъ отъ нихъ къ будущимъ поколѣніямъ и порождаютъ слабоуміе, преступленія, сумашествія и самоубійства.

Бывали случаи когда, подъ вліяніемъ опьяненія, покушались на самоубійство такіе люди, которые въ трезвомъ состояніи никогда и не помышляли о самоубійствѣ.

Вино и спиртъ могутъ поэтому быть отнесены къ числу причинъ вызывающихъ безмысленное, безсознательное лишеніе себя жизни болѣе всѣхъ другихъ страстей. Игра напротивъ того располагаетъ къ самоубійству сознательному, потому что несчастный постепенно приходитъ къ убѣжденію въ неизбежности своей гибели.

Ольхинъ*) со словъ Brierre de Boismont утверждаетъ, что на свѣтѣ нѣтъ ни одного игрока, который-бы хоть разъ въ жизни не подумалъ окончить жизнь самоубійствомъ.

---

*) Ольхинъ «о самоубійствѣ въ медицинскомъ отношеніи» изд. 1859 г. стр. 70.

У того-же автора мы находимъ изложеніе содержанія письма одного самоубійцы, въ яркихъ краскахъ описывающаго страшную борьбу гибельной рѣшимости съ врожденнымъ чувствомъ самосохраненія *). Это письмо заслуживаетъ того чтобы его привести здѣсь цѣликомъ:

«Запрись и читай одинъ. Черезъ одинъ или «два часа по полученіи этого письма, братъ твой «будетъ трупомъ. Это ужасно, и не думай что я «покидаю жизнь безъ сожалѣнія. Я былъ весь въ «долгахъ и не могъ перенести мучительности своего «положенія. Я все проигралъ и мнѣ остается «только застрѣлиться. Съ 800 франками я прі- «ѣхалъ въ Парижъ: хотѣлъ еще разъ испытать «счастіе и проигралъ все, даже чужія деньги. Вчера «я рѣшился на самоубійство, но ходилъ нѣсколько «часовъ по окрестностямъ Парижа, не имѣя духа за- «рядить пистолета. Желаніе видѣться съ родными «еще разъ и чувство самосохраненія понуждали «меня отдалить страшную минуту и такимъ обра- «зомъ вчера я не выполнилъ своего намѣренія. О, «если-бы ты зналъ, дорогой братъ, какое страшное «чувство вызывало во мнѣ прикосновеніе къ ору- «жію, мои мученія привели-бы тебя въ ужасъ. «Когда я смотрѣлъ на огни, блестяшіе на буль- «варахъ и говорилъ себѣ, что жизнь моя потухнетъ «вмѣстѣ съ ними, я чувствовалъ содроганіе, кото- «рое должно быть совершенно измѣнило выраженіе «моего лица.

---

*) Тамъ-же стр. 65.

«Я читалъ многія описанія самоубійствъ, но какъ они слабы въ сравненіи съ истиною! Я прежде полагалъ, что у меня будетъ больше твердости духа. Когда меня два года тому назадъ на дуэли прокололи шпагою, я считалъ себя смертельно раненымъ и храбро смотрѣлъ въ глаза смерти безъ всякаго содраганія. Почему-же теперь мнѣ такъ страшно? Спрячь мое письмо отъ твоей жены, ей не нужно рассказывать объ этой ужасной картинѣ. Ахъ если-бы судьба поставила на мою дорогу такое сокровище, какъ твоя жена, то вѣрно я не кончилъ-бы такъ плачевно моей жизни.

«Въ послѣднее время я всѣми силами старался забыть въ попойкахъ и въ обществѣ увлекательныхъ женщинъ, но мысль о самоубійствѣ никогда меня не покидала. Черезъ минуту всѣ узы будутъ разрѣшены. Прощай, милый братъ. Всего болѣе я сожалею о тебѣ. Постарайся, какъ можно осторожно сообщитъ это несчастное происшествіе нашему отцу. Что меня ожидаетъ на томъ свѣтѣ? Я не имѣю полной вѣры, но не осмѣливаюсь и не могу быть невѣрующимъ!»

Чтобы закончить обзоръ главныхъ причинъ, вызывающихъ въ современномъ обществѣ несмѣтныя самоубійства остановимся еще на любви.

Любовь играетъ въ жизни человѣческой такую же роль, какъ воздухъ. Безъ любви человѣческое общество не мыслимо и всѣ отступленія отъ законовъ любви приносятъ самые горькіе плоды. Правда въ современномъ обществѣ любовью торгуютъ, ее

заглушаютъ и фальсифицируютъ, но человѣческая природа беретъ верхъ надъ тѣми искусственными рамками, въ которыя стремится поставить современная цивилизація всякое проявленіе искренняго сердечнаго чувства.

Выраженія «сердце ноетъ и тоскуетъ», «сердце полное любви, рвется пополамъ» не представляютъ преувеличенія. Извѣстны многочисленные случаи, когда неудовлетворенность сердечныхъ стремленій и потеря надежды на счастливую взаимную любовь причиняли разрывъ сердца. Тоска любви, порожденная невозможностью обладанія дорогимъ и милымъ существомъ черпаетъ свое начало не изъ воображаемыхъ страданій человѣка, она вытекаетъ изъ самаго существа природы, усматривающей въ любящихъ существахъ незамѣнимое орудіе для достиженія своей цѣли—сохраненія рода.

Шопенгауеръ *) говоритъ, что воля къ жизни стремится къ воплощенію въ одномъ опредѣленномъ индивидѣ, который можетъ родиться только отъ извѣстныхъ родителей. Мужчина и женщина, созданные другъ для друга, инстинктивно это чувствуютъ при первой-же встрѣчѣ, при первомъ взглядѣ, которымъ имъ удалось обмѣняться. Вотъ почему вполне правильно замѣчаніе нашего извѣстнаго адвоката и поэта **), «что есть лица женскія, въ которыхъ взоръ мужчины встрѣчаетъ для души

---

*) Шопенгауеръ, Артуръ «метафизика любви».

**) С. А. Андреевскаго «защитительныя рѣчи» изд. 2-ое 1891 г. стр. 332.

мгновенный приговоръ». «Все въ такой женщинѣ очаровываетъ мужчину и отвѣчаетъ на самые за- вѣтные, давнишніе запросы его сердца, ума и тем- перамента». Каждое ея слово, каждое движеніе, каждый взглядъ еще болѣе возбуждаютъ въ немъ непреодолимую страсть. Думать о ней, стремиться къ ней, обладать ею — становится цѣлью его жизни. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что въ этомъ стремленіи къ любимой женщинѣ проявляется не столько индивидуальная воля лю- бовника, сколько вопль обиженной природы, оскорб- ленной тѣмъ, что внѣшнія приличія и социальныя условія человѣческой жизни, воспрепятствовали со- единиться двумъ индивидамъ, любовь которыхъ по- служила бы къ сохраненію рода, произведя пре- красный и здоровый плодъ. Любовь, будучи на- правлена на одного опредѣленнаго индивида, приоб- рѣтаетъ благородный, возвышенный оттѣнокъ и сила ея достигаетъ такой степени, что всѣ инте- ресы даже, самая жизнь теряетъ всякое значеніе, если обладаніе любимой особою сдѣлалось невозмож- нымъ. Многочисленные самоубійства влюбленныхъ, какъ нельзя больше подтверждаютъ справедливость теоріи Шопенгауера, что во всякой, даже самой возвышенной, любви конечною цѣлью является не взаимность, а обладаніе; ибо только въ послѣднемъ случаѣ осуществляется стремленіе природы къ со- храненію рода путемъ воспроизведенія новаго инди- вида отъ родителей, чувствующихъ другъ къ другу страстное влеченіе, основанное на томъ, что муж- чина инстинктивно стремится къ опредѣленной жен-

щинѣ, ибо только отъ женщины, съ подходящими къ нему качествами, можетъ родиться такой индивидъ, въ которомъ родовой типъ выраженъ наилучшимъ, наипрекраснѣйшимъ образомъ. Опыняющій восторгъ и трепеть, испытываемый мужчиною при видѣ любимой женщины, обладаніе которой ему кажется величайшимъ счастьемъ на землѣ, есть именно чувство рода, жаждущаго воплотиться въ опредѣленномъ индивидѣ. Вотъ почему одной взаимности и сознанія, что мы любимъ и любимы еще недостаточно для нашего счастья на землѣ. Намъ нужна любовь реальная, нужно обладаніе любимою женщиною, такъ какъ безъ такого обладанія не возможно вполнѣ исчерпать цѣль нашего существованія. Мы можемъ пережить вѣка въ нашихъ ученыхъ трудахъ, мы можемъ приобрѣсти безсмертное имя въ исторіи человѣческой культуры, но жить въ самомъ себѣ послѣ смерти можемъ только при условіи, что у насъ самихъ будетъ свое потомство. А это послѣднее будетъ тѣмъ лучше, тѣмъ здоровѣе, тѣмъ прекраснѣе, тѣмъ умнѣе и счастливѣе, чѣмъ болѣе гармоніи и взаимнаго влеченія существовало между его родителями. Вотъ почему это страстное, непобѣдимое влеченіе къ обладанію любимою женщиною всегда было и будетъ явленіемъ естественнымъ и разумнымъ, какъ-бы ни смѣялись надъ нимъ тѣ безумцы, которые не признаютъ за любовью ея всеобъемлющаго, всепобѣждающаго значенія въ человѣческой жизни. Сколько сумасшедшихъ, сколько самоубійцъ обязано своею судьбою несчастной, отвергнутой любви. Особенно

многочисленны случаи сумасшествія изъ за любви между женщинами и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Женщины, избавленныя отъ ежедневныхъ хлопотъ, безъ службы, безъ опредѣленныхъ занятій, имѣютъ гораздо больше свободного времени, чѣмъ мужчины, и разумѣется, посвящаютъ на размышленія о любви большую часть этого времени. Безъ любви для женщины нѣтъ жизни. Нашъ великій писатель Гончаровъ замѣтилъ, что «уже давно «доказано, что женское сердце не живетъ безъ «любви». А между тѣмъ повседневная жизнь такъ прозаична, такъ далека отъ христіанскаго идеала любви къ ближнему и въ то же время не даетъ женщинѣ права свободно распоряжаться своими чувствами! . . . Въ современныхъ бракахъ, въ погонѣ за приданнымъ, за карьерою столько лжи, столько скрытыхъ страданій и неудовлетворенныхъ стремленій, что нельзя удивляться громадному количеству жертвъ, погибающихъ отъ любви. Легко понять, что многіе несчастные предпочитаютъ смерть продолжительной жизни, полной страданій, ввиду потери всякой надежды на удовлетвореніе своей искренней, страстной привязанности. Тишина и спокойствіе могилы представляются отраднымъ утѣшеніемъ для тѣхъ, кто потерялъ надежду, въ комъ одиночество и отчаяніе берутъ верхъ надъ стремленіемъ бороться съ неудачами, кто не чувствуетъ въ себѣ силы забыть любимыя темныя, чудныя очи, полныя нѣги и страсти, повсюду преслѣдующія его воображеніе. Можно бы было привести многочисленные доказательства того, что почти всѣ само-

убійцы, погибшіе отъ любви, вѣрятъ въ загробную жизнь и многіе изъ нихъ обладаютъ глубоко религіознымъ чувствомъ. Въ сочиненіи Ольхина о самоубійствѣ *) собраны многочисленныя примѣры, заимствованныя у Бріерра-де-Буасмона, убѣждающіе въ томъ, что часто несчастный любовникъ, заноса руку надъ своею головою, вѣритъ, что въ будущей жизни онъ навсегда соединится съ любимою женщиною, съ которою здѣсь на землѣ его разлучаютъ люди и ихъ безсмысленныя предрасудки. Довольно часто встрѣчаются въ обществѣ такъ называемыя взбалмошныя люди, которые раздражаются изъ за пустяковъ, ищутъ ссоръ, дуэлей, приключеній и ежедневно намекаютъ, что окончатъ жизнь самоубійствомъ. Такія лица составляютъ настоящее несчастіе для своихъ родныхъ и друзей, тѣмъ болѣе, что прежде чѣмъ привести въ исполненіе свое роковое намѣреніе, они успѣваютъ причинить много огорченій тѣмъ людямъ, которые имъ симпатизируютъ.

Впрочемъ очень часто такіе характеры совершенно измѣняются подъ вліяніемъ сильной страсти. Одинъ молодой человѣкъ, который велъ очень дурной образъ жизни и никому не покорялся, влюбился въ одну замужнюю женщину и это на нѣсколько лѣтъ отклонило отъ него мысль о самоубійствѣ **). Страданія, зависящія отъ болѣзней мозга, больше всего предрасполагаютъ къ самоубійству, почему многіе писатели и считаютъ разстройство мозговой

---

*) Ольхинъ «о самоубійствѣ» стр. 85—102.

**) Ольхинъ «о самоубійствѣ» стр. 198.

дѣтельности единственною причиною самоубійствъ и полагають, что только душевно-больные люди оканчивають свою жизнь самоубійствомъ. Мнѣніе это однако опровергается весьма многими авторитетными изслѣдованіями и многочисленными историческими примѣрами, приведенными нами въ настоящей книгѣ. Впрочемъ если въ послѣднее время ученые антропологи стремятся доказать, сходство гениальныхъ людей съ помѣшанными въ фیزیологическомъ отношеніи *) и утверждаютъ, что гениальность есть ни что иное, какъ особая форма психическаго вырожденія, что гениамъ, преступникамъ и сумасшедшимъ одинаково присущи одни и тѣже признаки, какъ то безсердечіе, странности, потери правильнаго понятія о нравственности, разсѣянность, приливы крови къ головному мозгу и эпилептическіе припадки; если первокласныхъ гениевъ какъ Юлія Цезаря, Мольера, Наполеона, Петрарка, Петра Великаго, Магомета, Ришелье, Карла V, Достоевскаго, Монтескье, Флобера, Ж. Ж. Руссо и др. называютъ эпилептиками **), то что же удивительнаго, что самоубійцы такъ же причисляютъ къ помѣшаннымъ. Русское законодательство, какъ было выше указано, различаетъ самоубійство сознательное, разумное отъ безсознательнаго. Придерживаясь такого дѣленія, мы въ своемъ изслѣдованіи почти исключительно говорили о самоубій-

---

*) Ломброзо «гениальность и помѣшательство» изд. 1885 года переводъ Тетюшиной стр. 4—28.

**) Ломброзо «новѣйшіе успѣхи науки о преступникѣ» переводъ Раппопорта изд. 1892 г. стр. 87.

ствѣ, какъ дѣяніи сознательномъ, поэтому вліяніе сумасшествія и физическихъ болѣзней, измѣняющихъ все существо человѣческаго организма, оставлено нами въ сторонѣ, какъ не относящееся къ предмету нашего труда.

Нельзя однако не упомянуть о томъ, что физическія болѣзни, въ особенности болѣзни желудка и половыхъ органовъ, развиваютъ наклонность къ меланхоліи и порождаютъ странныя, повидимому безпричинныя, самоубійства. У лицъ, подверженныхъ болѣзнямъ желудка, удивительно какъ подавляется душевная дѣятельность; они становятся вялыми, грустными и часто оканчиваютъ самоубійствомъ. Много мыслей и гениальныхъ изобрѣтеній не появилось на свѣтъ только отъ того, что въ ту минуту гений страдалъ не свареніемъ желудка. Сколько суровыхъ законовъ, сколько странныхъ указовъ было подписано подъ вліяніемъ раздраженія нервовъ кишечныхъ каналовъ. . . .

Умственные способности, будущность, дѣятельность ученая и общественная, короче вся судьба чловѣка находится въ тѣсной зависимости отъ физическаго состоянія его тѣла; тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ вполнѣ отрицать свободу воли даже въ больномъ чловѣкѣ.

А эта воля можетъ пересилить всѣ препятствія и заставить жить даже такого чловѣка, который все потерялъ на землѣ и стремится къ смерти, какъ къ переходу въ лучшій, вѣчный міръ гармоніи и счастья.

~~~~~

Бібліографія.

I. Россія.

- Радичевъ, А. И. «О человекѣ и его смерти и безсмертіи».
- Веселовскій. «Исслѣдованіе о самоубійствѣ въ Россіи» (Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1847 г. кн. V).
- Врачъ Ольхинъ. «О самоубійствѣ въ медицинскомъ отношеніи». Петербургъ, 1859 г.
- Дзѣдушицкій «Самоубійство», переводъ съ польскаго В. Б. Кіевъ, изд. 1878 г.
- Тихоміровъ. «Безсмертіе души и самоубійство», 1879 г.
- Понамаревъ. «Статья о самоубійствѣ въ III т. сборника соч. по судебн. медицинѣ». 1880 г.
- Лихачевъ, А. В. «Самоубійство въ Западной Европѣ и въ Европейской Россіи. Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія».
- Достоевскій, Ф. «Дневникъ писателя, о самоубійствѣ», 1881 г.
- Гвоздевъ, Ив. «О самоубійствѣ съ соціальною и медицинскою точекъ зрѣнія». Казань, изд. 1889 г.
- Невзоровъ, М. А. «О самоубійствѣ». Казань, 1891 г.
- Булацель, П. Ф. «Историческій очеркъ философскихъ воззрѣній и законодательствъ о самоубійствѣ». Ревель, 1894 г.

II. Англія.

- Bladavatos. «A declaration of that paradox or thesis, that self homicide is not so naturally a sine that it may never be otherwise, wherein the nature and the extent of all these laws which seems to be violated by this act, are diligently surveyd, written by John Donne». London, 1644.
- Pellicanicidium or the christian adviser against self-murder, together with a guide at the pilgrimpass to the bond of living. London, 1655.

- Gildon.** «Les oracles de la raison». Londres, 1695.
- Watt.** «Defense against the tentation of self-murder in sermons discourses and essays on various subjects». London, 1755.
- Hume.** «Essays on the suicide and the immortality of the soul». London, 1785.
- Majore, Ch.** «A full enquiry in to the subject of suicide towich are added two treaties on duelling and gaming». London, 1790.
- Forbes Winslow.** «The anatomy of suicide». London, 1840.
- Brown.** «On uniform action of the human will, as exhibited by is means results in social statistics». 1852.
- Radcliffe.** «English suicide, medical critic». London, 1862.
- Millar.** «Statistic of military suicide». London, 1874.

III. Бельгія.

- Quetelet.** «De l'homme». Брюссель, 1835 г.
- » — «Essai de statistique morale». Брюссель, 1866 г.

VI. Германія и Австрія.

- Rachellius.** «De morte voluntaria». Helmstadt, 1659
- Praeterius.** «Der verdammliche Selbst- und Eigenmord». Dantzig, 1693.
- Stürmer, Reinhard.** «De caede propria», Regiom, 1702.
- Heumann.** «De autochiria philosophorum», Jena, 1703.
- Marperger.** «Nöthige Warnung für den verderblichen Selbstmord». Nuremberg, 1715.
- Greutzken.** «Sist philos». Hamburg, 1717.
- Hecker.** «De autokeiria martyrum». Lips, 1720.
- Calmaria-Suedi, J. R.** «Exercitatio philosophica de morte voluntaria philosophorum et bonorum virorum etiam Judeorum et Christianorum», изданіе Функа въ Риятельнѣ въ 1736 г.
- Idem.** 2-ое изданіе съ добавленіемъ доктора Функа въ Марбурѣ въ 1755 г.

- Formey.** «Mémoires de l'Académie de Berlin», изд. 1754 г.
Въ этомъ трудѣ помѣщена «диссертація о самоубійствѣ».
- «Anti-hegesias», діалоги въ стихахъ на французскомъ языкѣ
относительно самоубійства, изданіе 1763 г. въ Гамбургѣ.
- De Merian.** «Discours sur la crainte de la mort, sur le mé-
rit de la mort et sur le suicide (Mémoires de l'Académie
de Berlin)», въ 1763 г. издано на французскомъ языкѣ.
- Schreier, Alhert.** «De morte voluntaria exercitatio philosophica»,
1765.
- Millers.** «Fortsetzung von Mosheim's Sittenlehre der heiligen
Schrift». 1765.
- Less.** «Vom Selbstmord». Goettingen, 1767.
- Millers.** «Abhandlung von der tugendhaften Erhaltung des
Lebens und der richtigen Beurtheilung des Selbstmords».
Leipsick, 1771.
- Sailler.** «Vom Selbstmord». Munich, 1783
- Engel.** «Der Philosoph für die Welt», Leipsick, 1787.
- Groddek, Gottfried.** «Commentatio de morte voluntaria». Goettin-
gen, 1785.
- Block, G. M.** «Vom Selbstmord, dessen Ursachen und Gegen-
mitteln». Aurich, 1792.
- Knappeln, I.** «Ueber Selbstmord, ein Buch für die Menschheit».
Gera, 1690.
- Weiners.** »Abhandlung über den Hang mancher Völker zum
Selbstmorde in der Goetting histor.».
- Bruger, Auer.** «Von der stillen Wuth oder dem Triebe zum
Selbstmord», 1783.
- Goethe.** «Werther's Leiden». Leipsick, 1787.
- Grüner.** «De suicidio in foro non semper culposo». Jena, 1792.
- Grüner.** «Commentariae de imputatione suicide dubia». Jena, 1799.
- Hermann.** «Dissertatio de autochiria ex philosophia et ex legi-
bus romanis considerata». Лейпцигъ, 1809 г.
- Osslander.** «Ueber den Selbstmord». Гановръ, 1813 г.

- Stäudlin.** «Geschichte der Vorstellungen und Lehren vom Selbstmorde», изд. Геттингенъ, 1824 г.
- Casper.** «Beiträge zur Medecin» 1-е Partie. Берлинъ, изд. 1825.
- Neufelder.** «Der Selbstmord in arzneigerichtlicher und med.-physiologischer Beziehung». Берлинъ, изд. 1828 г.
- Feirbach.** «Gedanken über Todt und Unsterblichkeit». 1830.
- Bernouilli.** «Populationistik» 1-е Partie. Ульмъ, изд. 1848 г.
- Schurmaier.** «Lehrbuch der gerichtlichen Medizin», 1854.
- Frantz.** «Handbuch der Statistik». Бреславль, 1860 г.
- Варроус.** «Populationistik» tome 2-е. Геттингенъ, 1861 г.
- Bromberg, Salomon.** «Welche sind die Ursachen der in neuester Zeit so sehr überhand nehmenden Selbstmorde»? Бромбергъ, изд. 1861 г.
- Wagner, Adolph.** «Gesetzmässigkeit etc.», 1-й т., Гамбургъ, изд. 1864 г. (2-я часть этой книги посвящена почти вся самоубійству).
- Guttshtad.** «Die Selbstmorde in Preussen während der Jahre 1869 bis 1872», 1874.
- Oettingen, A.** «Die Moralstatistik in ihrer Bedeutung für eine christliche Social-Ethic», Эрлангенъ, изд. 1874.
- Oettingen, A.** «Ueber akuten und chronischen Selbstmord». Дерптъ, изд. 1881 г.
- Mayer, G.** «Die Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben», изд. 1877 г.
- Kolb, G.** «Handbuch der vergleichenden Statistik». Лейпцигъ, 1879 г.
- Werstecke, B.** «Die Statistik freiwilliger Handlungen und die menschliche Willensfreiheit». Франкфуртъ. 1868 г.
- Jnhoffer, M.** «Der Selbstmord». Augsbург, 1866.
- Baer.** «Der Alkoolismus». Берлинъ, 1878 г.
- Richter.** «Die Zunahme des Selbstmordes in Sachsen», изд. 1882 г., въ Лейпцигъ.
- Schtark.** «Ueber Selbstmord im Kindesalter».
- Masaryk.** «Der Selbstmord als sociale Massenerscheinung der Civilisation». Вѣна, 1881 г.

V. Франція.

- Montaigne.** «Essays».
- Du Vergier-St.-Cyran.** «Question Royale». 1609.
- Barbeyrac.** «Préface au droit de la nature et des gents de Pouffendorf». 1734.
- Deslandes.** «Reflexions sur les grands hommes qui sont morts en plaisantant». 1732.
- Montesquieu.** «74 и 76 lettres persanes». Paris, 1721.
- Rousseau.** «Nouvelle Heloïse lettres 22, 21».
- Voltaire.** Dict. philosophique: «Caton et Suicide».
- Mercier.** «Tableau de Paris». 1763.
- Dr. Louis.** «Mémoire sur une question anatomique relative à la jurisprudence, au moyen de reconnaître le suicide avec l'assassinat dans le corps d'un pendu». Paris, 1763.
- Encyclopédie art. Suicide** (attribué à Diderot), 1765 г.
- Mirabaud.** «Système de la nature ou des lois du monde physique et moral» Londres, 1770.
- Jean Dumas.** «Traité du suicide ou du meurtre de soi-même». Amsterdam, 1773.
- L'abbé Dubois de Launay.** «Dissertation sur le suicide». 1782.
- Bareuc.** «Dissertation sur la mélancolie anglaise, ou reflexions physiques et morales sur le suicide, 1789.
- Spiess.** «Biographie de suicidés, ouvrage traduit de l'allemand et augmenté de quelques reflexions philosophiques et morales par. J. Pott. Лозана и Парижъ, изд. 1798 г.
- L'abbé Jaufrét.** «Du suicide», 1801.
- L'abbé Guillon.** «Entretiens sur le suicide», 1-е изд. Парижъ, 1802; 2-е изд. Парижъ, 1836 г.
- A. Portal.** «Consideration sur la nature et le traitement des maladies de famille et des maladies héréditaires etc.», 1814.
- Chevrey.** «Essai médical sur le suicide, considéré dans tous les cas comme le resultat d'une alienation mentale». 1816.
- M-me de Staël.** «L'influence des passions», изд. 1817 г.

- M-me de Staël.** «Réflexions sur le suicide», 1820.
- Falret.** «Du suicide et de l'hypochondrie». Парижъ, изд. въ 1822 г.
- Regnault Elias.** «Du degré de compétence des médecins sur les questions judiciaires relatives à l'aliénation mentale et des théories philosophique sur la monomanie homicide suivi de nouvelles réflexions sur le suicide, la liberté morale etc.». Парижъ, 1830.
- Broussais.** «De l'irritation et de la folie», 1830.
- De Guerry.** «Essai de statistique morale». Парижъ, 1835.
- Prosper Lucas.** «De l'imitation contagieuse ou de la propagation sympathique des névroses et monomanies». Парижъ, 1832 г.
- Brouc.** «Considerations sur le suicide de notre époque», 1836.
- Faustia Nélle.** «Des suicides et de leurs causes (Revue française et étrangère de législation)», 1837.
- Ferrus.** «De l'emprisonnement et des prisonniers». Парижъ, 1838 г.
- Esquirol.** «Maladies mentales», Парижъ, 1838 г.
- Esquirol.** «Suicide» (Dictionnaire de médecine).
- Marc.** «De la folie considérée dans ses rapports avec les questions médico-judiciaires». Парижъ, 1840 г.
- Cazauvielh.** «Du suicide, de l'aliénation mentale et des crimes contre les personnes comparés dans leurs rapports réciproques». Парижъ, 1840 г.
- Krugenstein.** «Du suicide», изд. 1841 г.
- Descurets.** «La médecine des passions». Парижъ, 1841 г.
- Tissot.** «De la manie du suicide et de l'esprit de revolte de leurs causes et de leurs remèdes», 1841.
- St.-Marc de Girardin.** «Du suicide et de la haine de la vie». Парижъ, 1843 г.
- Bourquelot.** «Des oppinions et de la législation en matières de mort volontaire pendant le moyen âge», Парижъ, 1843 г.
- Eloc Demazy.** «Recherches statistiques sur le suicide appliquées à l'hygiène publique», изд. 1844 г.

- Demazy.** «De la folie dans la production du suicide» (Anales medico-psychol.), изд. 1844 г.
- Bourdin.** «Du suicide considéré comme maladie». Парижъ, 1845 г.
- Debreyne.** «Du suicide considéré au points de vue philosophique, religieux, moral et medical». Парижъ, 1847 г.
- Delasiauve.** «Lettre en réponse au dernier article du Dr. Bourdin sur le suicide», 1847.
- Lucas.** «Traité physiologique et philosophique de l'hérédité naturelle». Парижъ, 1847—1850 г.
- Dechambre.** «De la monomanie homicide-suicide». Парижъ, 1852 г.
- Du Camp.** «Les mémoires d'un suicide». Парижъ, 1853 г.
- Lisle.** «Du suicide, statistique, medecine, histoire et legislation». Этотъ трудъ удостоенъ Парижскою медицинскою академіею награды. Парижъ, 1856 г.
- Borbaste.** «Del'homicide et de l'Anthrophagie». Парижъ, 1856 г.
- Bertrand, Louis.** «Traité du suicide dans ses rapports avec la philosophie, la théologie, la médecine et la jurisprudence». Парижъ, 1857 г.
- Dabadie.** «Les suicides illustres des personnages les plus remarquables de tous les pays», изд. 1859 г. Этотъ трудъ не оконченъ.
- Joussel.** «Du suicide et de la monomanie suicide», 1858.
- Marc d'Espine.** «Essai analitique et critique» 1858.
- Des Etangs.** «Du suicide politique en France de 1789 jusqu'à nos jours». Парижъ, 1860.
- Hippolyte Blanc.** «Mémoire sur le suicide en France» (Journal de la société de statistique de Paris), 1862.
- De Guerry.** «Statistique morale comparée de la France et de l'Angleterre». Парижъ, 1864 г.
- Eugène Gru.** «Les morts violentes». Парижъ, 1864 г.
- Brierre de Boismont.** «Du suicide et de la folie suicide». Парижъ, 2-е изд. 1865 г.
- E. Caro.** «Du suicide dans ses rapports avec la civilisation». Парижъ, 1869 г.

- Debreiyne.** *Essai sur la théologie morale*, изд. 1868 г.
- Tardieu.** *«Etude médico-légale sur la pendaison, la strangulation et la suffocation. Парижъ, 1870 г.*
- Leroy.** *«Etude sur le suicide et, les maladies mentales dans le departement de Seine et Marne». Парижъ, 1870 г.*
- Ebrard.** *Du suicide considéré aux points de vue medical philosophique religieux et social». Авиньонъ, 1870 г.*
- Legoyt, A.** *«Le suicide en Europe». Парижъ, 1870 г.*
- Waimi.** *De l'indentité de quelques unes des causes du suicide, du crime et de maladies mentales». Парижъ, 1872 г.*
- Moreau fils (De Tours).** *De la coutagion du suicide à propos de l'épidemie actuelle». Парижъ, 1875 г.*
- Maudsley.** *«Le crime et la folie». Парижъ, 1875 г.*

VI. Италія.

- Графъ Пассерони,** изд. въ 1773 г. въ Лондонѣ на англійскомъ языкѣ свое «ислѣдованіе о самоубійствѣ».
- Appiano Bonafede.** *«Философія и критика исторіи самоубійства», издано въ 1762 г. въ Италіи и переведено на французскій языкъ въ 1843 г.*
- C. Ravizza.** *«Il suicidio, Milan», изд. 1843 г.*
- Bonomi.** *«Del suicidio in Italia Milan», изд. 1878 г.*
- Morselli.** *«Il Suicidio statistica morale-comparata». Milano, въ 1880 г. Это сочиненіе переведено въ 1881 г. на нѣмецкій языкъ и на англійскій языкъ.*
- Carrieri.** *«Il suicidioe la poene capital». Неаполь, изд. 1883 г.*
- Ferri.** *«Lomicidio-suicidio». Туринъ, изд. 1884 г.*

Указатель по алфавиту.

А.

- Августъ — 19, 40.
 Августинъ преподобный — 40, 43, 68, 155.
 Авимелехъ — 24.
 Авраамово лоно — 24.
 Аврелій Викторъ — 45.
 Австрія; А. Кодексъ — 140, 139; А. клубъ самоубійць — 133.
 Аквы Секстійскія — 17.
 Акосто Уріель, его самоубійство — 89.
 Акцидія — 70.
 Альфредъ-де-ла-Виньи — 92.
 Алькоголь, вліяніе его на самоубійство — 191.
 Александръ Великій — 17, 18.
 Амидъ — 20.
 Анаксагоръ — 30.
 Англія страна сплина — 90.
 Англійское правительство — 20.
 Англійскіе законы о самоубійствѣ — 140.
 Антоній — 43, 44.
 Андреевскій, адвокатъ — 194.
 Аристотель — 31.
 Аріанскіе Вестъ-Готы — 19.
 Армія — 17.
 Артаксерсъ — 17.
 Арунцій, Люцій — 48.
 Аристиппъ — 15, 32, 33.
 Арестанты — 190.
 Асхамъ убѣждаетъ Іоанну Грей принять ядъ — 86.
 Ассирійцы — 21, 22.
 Атеизмъ — 182.
 Атилла — 70, 71.
 Атеисты, ихъ самоубійство — 83.
 Ахеяне — 17.
 Ахитофель — 24.
 Ахилесъ — 26.
 Аѳины — 29, 30.
 Ахматовъ, духовное завѣщаніе его и рѣшеніе Сената — 166.
 Аякъ Великій, его самоубійство — 26.

Б.

- Баирава — 20.
 Байронъ — 94, 133, 146, 147.
 Бертранъ Луи — 70, 189.
 Безсмертіе — 76.
 Безцѣльность наказаній за самоубійство — 170, 171.
 Віатаната — 95.
 Бытія книга — 15, 23.

- Библіографія — 201.
 Болѣзни мозга — 198.
 Болтливость 46.
 Борьба за существованіе — 31.
 Боровиковскій — 163.
 Бракъ современные б. — 197.
 Брамины — 19, 20.
 Бріеръ - де - Буаманъ, ссылки
 на его сочиненіе о само-
 убійствѣ — 16, 21, 79,
 130, 131, 133, 145, 146,
 151, 156, 161, 167, 188.
 Бретанія — 72.
 Бруть — 40, 43, 44.
 Буанафедъ — 81.
 Буанафедъ — 119.
 Будда — 21.
 Бунге — 74.
 Буркело — 78.
 Блунтъ Карлъ — 101, 89.
 Бѣдность — 190.
- В.**
- Вааль — 22.
 Вавилоняне — 22.
 Ватель, его самоубійство — 89.
 Виргинія — 117.
 Веды — 19.
 Везувій — 39, 92, 93.
 Венеды — 16.
 Вертеръ, вліяніе этого романа
 на самоубійство — 137.
 Версаль, самоубійства въ годъ
 революціи — 125.
 Вестъ-Готы — 69.
 Воинскій уставъ, постановле-
 нія о самоубійствѣ Петра
 I-го — 156.
- Возрѣніе на самоубійство у
 Датчанъ, Нормановъ, Эра-
 ковъ, Венедовъ, Геруловъ,
 Троглодитовъ — 16; Масса-
 гетовъ 18.
 Возрастъ — 189.
 Волгала — 16.
 Вольтеръ — 17.
 Воображеніе его вліяніе на
 самоубійство — 187, 189.
 Врачебный уставъ, постано-
 вленіе о самоубійствѣ — 170.
 Вредъ причиняемый описаніемъ
 самоубійствъ — 125.
 Вѣра въ загробную жизнь —
 33, 76, 198.
- Г.**
- Гасдрубалъ — 17.
 Гайленъ — 68.
 Галль Корнелій — 46.
 Гольбахъ, баронъ, его взгляды
 на самоубійство — 116.
 Ганнибалъ — 37.
 Гайдонъ Робертъ, его само-
 убійство — 134.
 Гвоздѣвъ — 158.
 Гегезій — 33.
 Герулы — 16.
 Героическое самопожертвованіе
 — 28, 29, 179.
 Гёте, его любовь къ Шарлотѣ
 — 135.
 Гилюнома — 26.
 Гимнософисты — 18.
 Глосса — 74.
 Гончаровъ — 197.
 Гораций — 33.

III

- Графъ Палладій — 68.
 Греки — 25, 36.
 Грей, Іоанна — 86.
 Григорій Турскій — 68.
 Геродотъ — 18.
 Гроссъ Антоній, его самоубійство — 143.
 Гуны — 70.
- Д.**
 Данте — 80.
 Датчане — 16.
 Девержи, его рѣчь о самоубійствѣ на конгрессѣ въ Парижѣ — 153.
 Дезетанжъ, ссылки на его сочиненіе о самоубійствѣ — 127, 129.
 Демосфенъ — 34.
 Демази спасаетъ Наполеона — 131.
 Десландъ, его сочиненіе о смерти — 118.
 Деканъ — 20.
 Демономанія — 80.
 Децій Мусъ — 36.
 Децій младшій — 39.
 Діаволь, Робертъ — 76.
 Діодоръ Сицилійскій — 18.
 Дигна, ея самоубійство — 71.
 Дидеро — 113.
 Дидона — 27, 122.
 Дикіе войны — 16.
 Джагерантъ — 19.
 Дзѣдушицкій, графъ, ссылки на его сочиненіе о самоубійствѣ — 27, 71, 85, 122, 138, 141, 143.
- Домна — 70.
 Доне — 95—97.
 Достоевскій — 182, 183.
 Духовное завѣщаніе — 65.
 Душевное разстройство — 80, 161.
 Дюма, Жанъ, взгляды его на самоубійство — 114.
- Е.**
 Евангеліе — 168.
 Евреи — 22, 23, 24, 78.
 Египетъ — 36, 44, 45.
 Египетскій походъ Наполеона — 129.
 Екатерина II, ея указъ о новобранцахъ — 157; ея указъ по дѣлу о духовномъ завѣщаніи кн. Шаховскаго — 166.
 Елена св., островъ — 132.
 Ефратъ — 37.
- Ж.**
 Жанель, докторъ, его предложеніе на конгрессѣ въ Парижѣ — 153.
 Женщины: въ Волгалѣ — 16; самоубійства — 197; любовь — 197.
 Жены Тевтоновъ — 17.
 Жена Гасдрубала — 17.
 Женщина: Г-жа Сталь какъ любящая ж. — 122.
 Желудокъ — 200.
 Жирондисты, ихъ самоубійство — 127.
- З.**
 Заборовскій, его самоубійство — 143.

- Зависть — 42.
 Заключение — 179.
 Законы: Спарты, Фивъ, Малой
 Азій — 27; древняго Рима
 — 38.
 Замврий — 24.
 Зарменафегра, его с. — 42.
 Земледѣіе — 32.
 Зснопъ, его с. — 34, 34.
 Златоустъ, Іоаннъ — 70, 148.
 Зондъ-Жоржъ, ея наклонность
 къ самоубійству — 18.
- И.**
- Игра, ея вліяніе на самоубій-
 ство — 191, 192, 193.
 Изократъ — 18.
 Ингоферъ, ссылки на его со-
 чиненіе о самоубійствѣ —
 97, 104, 109, 132.
 Индія — 18, 19.
 Инквизиція — 81.
 Ипохондрія — 93, 95, 133.
- І.**
- Іоанна Грей — 86.
 Іосифъ, св. — 99.
 Іуда, предатель — 73.
- К.**
- Кальвинъ, его ученіе о пре-
 опредѣленіи — 85.
 Каланъ, его с. — 18.
 Канаце — 16.
 Карданусъ, его с. — 79, 80.
 Карлъ V — 74.
 Карлъ VII — 79.
 Карлъ Великій — 72.
 Карфагенъ — 26, 36, 37, 40.
- Карпцовъ — 74.
 Кассій — 43.
 Катонъ, его с. — 38, 42.
 Кельты: Религія к. — 1; Пре-
 зрѣніе къ жизни к. — 2.
 Кестельриджъ, его самоубій-
 ство — 92.
 Кестельриджъ — 134.
 Кимвры — 17.
 Киренаики — 33, 26.
 Кистяковский — 152, 178.
 Китай — 20.
 Клубъ самоубійць въ Египтѣ
 — 45; въ Европѣ — 133.
 Клявъ, Робертъ Лордъ, его
 самоубійство — 92.
 Клеопатра — 44, 45, 122.
 Клеоменъ III — 17.
 Клеанфъ — 35.
 Клеомбродъ — 48, 69, 83.
 Клевета — 48.
 Климать, его вліяніе на са-
 моубійство — 187.
 Ковперъ Вильямъ, его ипохон-
 дрія — 155.
 Кодръ — 29.
 Кодексъ Маріи Терезіи — 136;
 к. Іосифа II — 139; Авст-
 рійскій к. — 139; Бавар-
 скій к. — 140; Польскій
 кодексъ — 141.
 Кольцовъ — 179.
 Коллатинъ — 40.
 Количество самоубійствъ по
 статистики — 90.
 Конфуцій — 21.
 Конфискація — 73.

- Корнелій Галлъ — 46.
 Кормчая книга, ея постанов-
 ленія о самоубійствѣ — 155.
 Красота — 45.
 Кричь Томасъ, его самоубій-
 ство — 90.
 Ксанта — 18.
- Л.**
 Лабіанусъ — 46.
 Лабео — 47.
 Лагъ Пталомей — 33.
 Ламартинъ — 146, 147.
 Лапиды — 26.
 Ласточки, ихъ любовь, вѣр-
 ность, самоубійство — 151.
 Легуа, ссылки на сочиненіе Л.
 — 16, 33, 46, 47, 42, 92,
 93, 109, 133, 153.
 Левкадійская скала — 26.
 Леопарди, мировая скорбь —
 147;
 Лерминье его взглядъ на са-
 моубійство — 151.
 Лермонтовъ — 147.
 Либри его воспоминанія о На-
 полеонѣ I — 129.
 Лизль, ссылки на сочиненіе Л.
 — 19, 27, 40, 72, 80, 82,
 161.
 Ликургъ — 28.
 Лилль — 72.
 Литре, его взглядъ на само-
 убійство — 151.
 Лихачевъ, ссылки на сочине-
 ніе Л. — 153, 182.
 Лишніе люди — 181.
 Ловкеры — 29.
- Ломброзо — 80, 147, 199.
 Лукреція — 40.
 Лукрецій — 41—90.
 Луцій Арунцій — 48.
 Любовь: къ Клеопатрѣ — 45;
 къ сыну — 48; въ жизни
 Г-жи Сталь — 122; къ лю-
 дямъ — 154; къ жизни —
 181; значеніе любви — 193;
 природа любви — 194; те-
 орія любви, влеченія и ув-
 леченія — 194—196; у жен-
 щинъ — 197.
 Любекское право — 74.
 Людовикъ XIV — 89.
- М.**
 Магометь и его рай — 82
 Макарей — 26.
 Македонія, дѣвицы — 17.
 Малая Азія — 27.
 Малохъ — 21.
 Ману — 19.
 Марцій — 46.
 Марій — 17.
 Марія Коронель — 79.
 Маркъ Регулъ — 40.
 Маріана — 79.
 Массагеты — 18.
 Матеріализмъ — 31, 33.
 Митридатъ — 37.
 Мервей — 67, 68.
 Милетъ — 27, 169.
 Мирабо, графъ, его смерть —
 123, 124.
 Мирона — 129.
 Мишле — 124.
 Момсенъ — 36.

- Мойсей — 22.
 Монастыри — 66.
 Монтеки — 40, 115, 187.
 Монгъ — 129.
 Монтень — 87.
 Мордонатъ, графъ, его самоубійство — 92.
 Морской уставъ Петра I-го, постановленія о самоубійствѣ — 156.
 Мотивы уложенія о наказаніяхъ — 167.
- Н.**
- Наказаніе за самоубійство — 170, 173, 177.
 Наслѣдственноостьъ наклонности къ самоубійству — 184—186.
 Наслажденіе — 46, 82.
 Національное собраніе — 124.
 Наполеонъ Великій — 125, 129, 145.
 Невзоровъ, ссылки на его сочиненіе о самоубійствѣ — 38, 72, 133, 171, 177.
 Несчастіе — 47.
 Нербуда — 20.
 Неронъ — 46, 48.
 Нерва Бокцій — 47.
 Николай I, папа — 73.
 Нормандскіе законы — 71.
 Ночи Клеопатры — 45.
 Нумидійскій царь — 48.
- О.**
- Обладаніе любимой женщиной — 195.
 Обычай въ Швеціи — 16.
- Одиночество — 189.
 Одинъ: его самоубійство — 16; его царство — 16.
 Одиссей — 26.
 Октавіанъ — 43.
 Ольхинъ, ссылки на его сочиненіе о самоубійствѣ — 21, 36, 76, 80, 161, 181, 198.
 Опій — 39.
 Остзейскій край — 75, 176.
 Отвращеніе къ жизни — 145, 161.
 Очи любимыя — 197.
- П.**
- Паладій, графъ — 68.
 Папиній Секстъ, его самоубійство — 48.
 Пахманъ, профессоръ — 165—167.
 Персидскій царь — 29.
 Периклъ — 30.
 Пессимизмъ — 31.
 Петръ I — 156.
 Петръ Могила — 156.
 Петроній — 48.
 Пизонъ, его самоубійство — 47;
 Письмо графа Флери — 188; п. самоубійца — 161; п. Игрока — 192.
 Платонъ — 30, 43.
 Плагина — 47.
 Плутархъ — 29.
 Погребеніе — 40, 72, 74, 167.
 Польша — 141, 142, 176.
 Помпей — 37.
 Поморяне ихъ возрѣніе на самоубійство — 118.

- Понятовскій, его самоубійство — 143.
- Потоцкій, его самоубійств — 143.
- Предупрежденіе самоубійства — 167, 180, 181.
- Презрѣніе въ жизни: у Кельтовъ — 16; у Галловъ — 16; у Стойковъ — 35; у любовниковъ Клеопатры — 45.
- Преступно-ли самоубійство? — 173, 177.
- Прибалтійскія губерніи — 75, 176.
- Приливы крови — 199.
- Просдоса — 70.
- Птоломей Лагъ — 32.
- Путальба, его самоубійство и покушеніе на убійство невѣстки — 148—150.
- Пушкинъ — 155, 159, 183.
- Р.**
- Радищевъ, Александръ, его самоубійство — 157—159.
- Разись — 23.
- Разрѣшеніе самоубійства — 27, 28.
- Рай Магомета — 82.
- Раскольники — 168.
- Ревель — 75.
- Революція французская, ея вліяніе на самоубійство — 123, 127.
- Регуль Маръ — 40.
- Рошфоръ, смерть его сына — 128, 128.
- Религія: Кельтовъ — 15; въ Индіи — 19; Китайцевъ — 21; Холдеевъ — 21; Персовъ — 21; Финикіанъ — 21; въ Японіи — 20; въ Египтѣ — 36; у Магометанъ — 82; значеніе ея въ борьбѣ съ самоубійствомъ — 83.
- Раббе Альфонсъ, его самоубійство — 143.
- Ригонта — 68.
- Рука — 27.
- Рѣдкинъ — 30.
- С.**
- Садлеръ, Лордъ, его самоубійство — 150.
- Самосохраненіе — 98, 101.
- Самоубійство: у Кельтовъ — 15; у Сѣверныхъ народовъ Европы — 15, 16; стариковъ Швеціи — 15, 16; въ Индіи — 18; въ Японіи — 20; въ Китаѣ — 21; въ Западной Азій — 21; у Евреевъ — 22—25; у Грековъ — 25—36; въ Египтѣ — 36, 45, 46; у Карфагенянъ — 36—38; у Римлянъ — 38—64; въ Средніе вѣка — 65—83; въ Новые вѣка — 85—154; въ Россійскомъ Государствѣ — 155; у Поморянъ — 168; въ Нумаціи — 17; жены Гасдрубала — 17; Клеомена III — 17; Изократа —

- 18; жителей Ксантаса — Смитъ, Бригита и Робертъ ихъ
 18; Никакла — 18; Зарме- самоубійство — 90.
 нофегра — 19; Калана — Соборы церковные, ихъ поста-
 18; Аякса, Сафо, Гилономы, новленія о самоубійствѣ —
 Ѳелиды, Макарея — 16; Де- 69, 155.
 мосфена — 34; Зенона — 34. Собачка Маріи Стюартъ и ея
 Самоожженіе — 22, 18, 19. смерть — 152.
 Самсонъ — 23. Сократъ — 30.
 Сарданапаль — 22. Софронія Св. — 70.
 Саулъ — 23. Средніе вѣка — 65.
 Сафо — 26, 122. Спарта — 28, 17.
 Свобода — 43, 46, 48, 88. Статистика самоубійствъ въ
 Сводъ законовъ — 159, 162, Европѣ — 180.
 178. Статилій Тавръ — 48.
 Селевктъ — 29. Стааль, Г-жа — 86, 119; ея
 Сезострисъ — 36. ученіе о страданіи — 121;
 Секція — 48. о стойкости — 121; о лю-
 Сень-Сиранъ, его ученіе о бви — 122; ея увлеченія
 самоубійствѣ — 88, 89. и покушеніе на самоубій-
 Сень-Симонъ, его покушеніе ство — 122.
 на самоубійство — 143. Стоицизмъ — 35.
 Сенатъ, практика с. касатель- Страданія — 33, 24.
 но самоубійцы — 162, 164, Строци — 65, 78, 83.
 165. Стюартъ, Марія — 152
 Сенека — 40. Счастіе — 15, 33.
 Сена, покушеніе Наполеона Т.
 утопиться въ С. — 130, Тавръ Статилій — 48.
 131. Таганцевъ — 152, 178.
 Сибирь — 178. Талмудъ — 23.
 Сидонъ — 17. Танти — 20.
 Силезія, количество само- Тарквиній Гордый — 40.
 убійствъ — 90. Тарквиній Прискъ — 38, 169.
 Сиртъ — 37. Таусъ — 38, 42.
 Скавръ — 47. Тацитъ — 47.
 Скарборугъ, Лордъ, его само- Тевтоны — 17.
 убійство — 91. Темпераментъ — 189.
 Смоленъ, его исторія — 90. Тиверій — 46, 47.

- Толедскій соборъ — 73.
 Тоска Ламартина и Шатобри-
 ана — 147.
 Триумвиры — 43.
 Триестскій соборъ — 73.
 Троглодиты — 16.
 Турія — 29.
 Турскій Григорій 68.
 Туссенель, о самоубійствѣ ла-
 сточекъ — 151.
- У.**
- Удовольствіе — 32, 33.
 Уложеніе о наказаніяхъ —
 161, 167, 178, 178.
 Ужасъ во Франціи во время
 революціи — 123.
 Утина — 42.
 Уставъ врачебный — 170.
 Ушаковъ, вліяніе его смерти
 на Радищева — 159.
- Ф.**
- Фаонъ — 26.
 Фарнакъ — 38.
 Фейербахъ — Баварское уло-
 женіе — 140.
 Феодализмъ — 66.
 Физическія боли, ихъ вліяніе
 на самоубійство — 200.
 Филиппъ Македонскій — 18.
 Филиппы — 43.
 Филопатръ — 17.
 Филены — 36.
 Флавій Іосифъ — 24.
 Флери, графъ, его письмо и
 смерть — 128.
 Фонтенебло — 122.
- Фульвія — 43.
 Фульвія — 46.
- Х.**
- Халдеи — 21.
 Хандра — 145—147.
 Харондъ — 28, 29.
 Хикванти — 21.
- Ц.**
- Цезарь, Юлій — 38, 42, 43.
 Центавры — 26.
 Церковное покаяніе — 178.
 Цилларусъ — 26.
 Цѣломудріе — 179.
 Цюрихъ — 72.
- Ч.**
- Чатерстонъ, Томасъ, поэтъ,
 его самоубійство — 91.
- Ш.**
- Шамфоръ — 126, 127.
 Шатобрианъ, его хандра — 146.
 Шаховской, князь, его завѣ-
 щаніе — 166.
 Швеція, самоубійство стари-
 ковъ — 1.
 Шиллеръ — 138.
 Шопенгауеръ, Генрихъ, его
 самоубійство — 147.
 Шопенгауеръ, Артуръ: его
 хандра — 147; его теорія
 любви — 194.
 Штейнъ, біографія Шопенга-
 уера — 147.
- Э.**
- Энгель, Эрнстъ — 71.
 Эней — 27.

Энциклопедія французская —
113.

Эолъ — 26.

Эпикуръ — 33.

Эпикуреизмъ — 34.

Эпилептики — 199.

Этика — 31.

Эраки — 16.

Эрнстъ Энгель — 71.

Эпикурейцы — 41.

Ю.

Юба — 38.

Юлій Цезарь — 38, 42.

Я.

Ядъ — 143, 159.

Япопія — 20.

Θ.

Θедонъ — 30, 42.

Θемистокль — 29

Θилида — 26.

Θома Св. — 71.

Θракійская царевна — 26.

